Зиберова Анна Кузьминична
Записки сотрудницы Смерша

Москва, 2016

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ----------1

ЖИВЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ----------2

ГЛАВА 1. ИСТОРИЯ СЕМЬИ. ВОСПОМИНАНИЯ ДЕТСТВА----------4

ГЛАВА 2. МОИ РОДСТВЕННИКИ----------33

ГЛАВА 3. ИНСТИТУТСКИЕ ГОДЫ----------41

ГЛАВА 4. НАЧАЛО ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ВОЕННОЙ КОНТРРАЗВЕДКЕ----------55

ГЛАВА 5. ПРОЩАНИЕ С «УСТАНОВКОЙ». СЛУЖБА В ОСОБОМ ОТДЕЛЕ МОСКОВСКОГО ОКРУГА ПВО----------91

ЗАКЛЮЧЕНИЕ----------112

Книга А.К. Зиберовой «Записки сотрудницы Смерша» охватывает период с начала 1920-х годов и по наши дни. Во время Великой Отечественной войны Анна Кузьминична, выпускница Московского педагогического института, пришла на службу в военную контрразведку и проработала в органах государственной безопасности более сорока лет. Об этой службе, о сотрудниках военной контрразведки, а также о Москве 1920-2010-х рассказывает её книга.

Редакция выражает особую благодарность за содействие в издании книги ветерану военной контрразведки Анатолию Павловичу Конташову, Почётному строителю России Ивану Андреевичу Швайченко.

Слово к читателю

Часто приходится слышать вопрос - за счёт чего советская военная контрразведка, легендарный Смерш, смогла превзойти хвалёные гитлеровские спецслужбы. Мол, у них-то был какой опыт - а против них мы почти что с нуля… С этим утверждением я не соглашусь - и у нас был накоплен опыт, и мы ещё до войны имели такие победы, которые можно было бы назвать «громкими», если бы речь не шла о тайной войне, в которой принято скрывать всё самое важное.

Но думаю, что ключ к успехам военных контрразведчиков был прежде всего в том, что в Особых отделах, в подразделениях Смерша, проходили службу уникальные люди, патриоты самой высокой пробы. Во имя Победы в Великой Отечественной войне они не жалели ни сил, ни времени, ни самой своей жизни.

К числу таких замечательных людей принадлежит и автор этой книги Анна Кузьминична Зиберова - коренная москвичка, офицер контрразведки Смерш, прекрасный и удивительный человек. В её мемуарной книге - искренней и честной, понастоящему интересной и хорошо написанной в литературном плане - читатель найдёт не только увлекательный рассказ о работе «наружной разведки», о руководителях и рядовых сотрудниках Смерша, но и описание московской жизни с начала 1920-х годов, историю большой семьи Овсянниковых, имевшей некоторое отношение к замечательному русскому писателю Ивану Сергеевичу Тургеневу, а также узнаёт о драматической судьбе, нелёгкой и прекрасной жизни главной героини - автора этого повествования.

Подобные книги мемуарного жанра представляют особую ценность для тех, кто интересуется отечественной историей. Их нельзя пересказывать - их нужно читать и осмысливать написанное в них.

Начальник Департамента военной контрразведки ФСБ РФ, генерал-полковник А.Г. Безверхний.

Живые страницы истории

Уважаемый читатель! Перед Вами книга с воспоминаниями и размышлениями о прожитых годах, написанная ветераном военной контрразведки Анной Кузьминичной Зиберовой накануне своего 90-летия.

Анна Кузьминична родилась 14 октября 1921 года, а после окончания филологического факультета Московского педагогического института пришла в органы государственной безопасности. 20 ноября 1942 года она стала работать в 10-м отделе Управления Особых отделов НКВД СССР. С тех пор вся сорокалетняя военная и гражданская служба капитана в отставке А.К. Зиберовой была связана с военной контрразведкой.

Работу в военной контрразведке она, совсем ещё молодая сотрудница, начала в трудные годы Великой Отечественной войны. Непосредственно принимала участие в мероприятиях по поиску и обезвреживанию вражеских агентов, выявлению и пресечению диверсионных актов, розыску дезертиров, проверке поступающей оперативной информации о противоправной и вражеской деятельности.

Человек высокой образованности, эрудиции и культуры, наделённая от природы пытливым умом и хорошей памятью, исключительно доброжелательная, внимательная и чуткая к людям, Анна Кузьминична с первых шагов практической работы проявила свои лучшие профессиональные и личностные качества. Руководство и коллеги отмечали её беззаветную любовь к Родине, трудолюбие и целеустремлённость, исключительную ответственность при выполнении заданий. Она могла найти общий язык с самыми разными людьми, расположить их к себе и завоевать их доверие. Безусловно, всё это вызывало глубокое уважение к молодой сотруднице и создавало ей заслуженный авторитет.

По окончании войны и после преобразования в мае 1946 года органов военной контрразведки Смерш в 3-е Главное управление МГБ СССР (в настоящее время - Департамент военной контрразведки ФСБ России), А.К. Зиберова продолжила службу в центральном аппарате Главка. В декабре 1952 года она была направлена в Особый отдел Московского района (позднее - округа) ПВО.

В связи с нарастающей ядерной угрозой со стороны США, по постановлению Правительства СССР, в составе МО ПВО в сжатые сроки осуществлялось формирование 1-й армии ПВО Особого назначения - для обеспечения защиты Москвы и Центрального промышленного района от ударов авиации вероятного противника. В срочном порядке в неё направлялись тысячи офицеров и солдат, осуществлялся набор большого количества гражданских специалистов. Особым отделом по 1-й армии Особого назначения была организована работа по тщательной проверке людей и оформлению документов, поскольку поступающее новейшее зенитно-ракетное вооружение и техническая документация к нему имели гриф «совершенно секретно».

Вместе с другими сотрудниками, не считаясь со временем, без выходных и полноценных отпусков, в течение продолжительного времени Анна Кузьминична исполняла свои обязанности в группе по оформлению допусков. Казалось бы, рутинная и однообразная работа, но и здесь сослуживцы отмечали её высокую ответственность в подготовке документов, от которых зависели судьбы людей, стремление глубоко разобраться в конкретных фактах, дающих иногда формальные основания для отказа в допуске к государственной тайне.

1 ноября 1955 года, в связи с организационно-штатными мероприятиями, А.К. Зиберова была уволена с военной службы, но продолжила работу в качестве гражданской служащей на должности старшего инспектора - вплоть до выхода на пенсию…

В этой книге читатель не найдёт описания захватывающих контрразведывательных операций, проводимых органами госбезопасности в годы войны (о них говорится в мемуарах других ветеранов), в ней не раскрывается всё многообразие форм и методов работы военной контрразведки по борьбе с вражескими агентами. Может даже показаться, что книга изобилует семейно-бытовой тематикой и в ней доминирует эмоциональное восприятие автора. Но перед нами - воистину «документ эпохи», реальные и очень объективные, взвешенные оценки событий современности, сделанные неравнодушным, много знающим, мыслящим и ко многому причастным человеком. Нельзя по-настоящему понять прошлое время, если не посмотреть на него как бы изнутри, глазами современника - человека, жившего в ту самую пору.

Книга написана простым, лаконичным и понятным языком. В ней образно, выделяя самое интересное, как бы изнутри раскрыта социально-политическая ситуация конкретных исторических периодов, показана сама атмосфера того времени. Большой интерес вызывают воспоминания о довоенной и прифронтовой Москве. Увлекают своим описанием

отдельные исторические факты и события. Показано своеобразие и особенность оперативной обстановки, в которой приходилось выполнять задания сотрудникам наружного наблюдения и «установки», применяя нестандартные приёмы и способы.

Особое место в книге уделено людям, с которыми Анна Кузьминична жила и работала. С большой теплотой и присущим ей тактом она вспоминает о своих коллегах - военных контрразведчиках, в том числе о таких известных личностях, как В.С. Абакумов и А.И. Матвеев, совместно с которыми она испытала все радости, тяготы и лишения военной службы и работы в органах государственной безопасности.

Низкий поклон Вам, дорогая Анна Кузьминична, от ветеранов и действующих сотрудников за Вашу активную жизненную позицию, Ваше честное служение Родине, Вашу терпеливую, бесхитростную и такую благодарную любовь к своим родным, близким и коллегам по службе, готовность к самопожертвованию ради достижения поставленной цели! Вы ведь и сейчас остаётесь в строю, уделяя так много внимания работе в ветеранской организации военной контрразведки. Представленная книга - это живые страницы истории, и, думается, она будет с интересом прочитана и ветеранами, и подрастающим поколением, осмысливающим историческое прошлое нашей Родины и богатый опыт её спецслужб.

Начальник Управления военной контрразведки по Московскому округу ПВО (с 2002 г.- Командованию специального назначения) в 1994-2003 гг. генерал-майор Владимир Широков

Посвящаю своим родителям - Кузьме Михайловичу и Матрёне Осиповне Овсянниковым

Глава 1. История семьи. Воспоминания детства

Берусь за перо по просьбе моих детей и внуков. Эти воспоминания, возможно, будут ими оценены. Память человеческая, даже самая ясная, не всегда способна воспроизвести былое с абсолютной точностью. Однако на склоне лет у каждого, наверное, появляется желание вернуться мыслями в прожитые годы и по возможности оценить пройденный путь. А путь мой велик. Мне уже 90 лет, и в том, что я вспоминаю для вас, мои дорогие дети, внуки, племянники и ваши дети, я боюсь что-то перепутать, забыть, ведь очень хочется, чтобы вы не повторили тех ошибок, которые, конечно, были у меня, как и у всех людей.

Несколько лет тому назад газета «Московский комсомолец» обратилась к москвичам с просьбой вспомнить о Москве прошлых лет, рассказать о том, как жилось в советское время. Тогда я подробно описала жизнь нашей семьи, соседей и всего нашего дома вплоть до начала Великой Отечественной войны. Когда читала свои воспоминания друзьям и детям, то всем нравилось, но они же и сказали мне, что в газете такое не опубликуют. Я не поверила, и чтобы не сомневаться, дошло ли

моё письмо, сама отвезла его в редакцию на улицу 1905 года, где опустила в редакционный почтовый ящик. Но из МК не позвонили и действительно ничего не опубликовали. Выходит, что редакции, вернее каким-то её сотрудникам, не понравилось, что мы в советское время жили весело, спокойно и что я до сих пор вспоминаю те годы с теплотой и любовью.

Хочу начать эти воспоминания со своих любимых родителей. Отец Кузьма Михайлович Овсянников и мама Матрёна Осиповна (девичья фамилия Волченкова) приехали в Москву ещё в XIX веке из Мценского уезда Тургеневской волости, в ту пору Тульской губернии, а ныне - Орловской области. Их родители были крепостными матери писателя Ивана Сергеевича Тургенева. Мой отец до конца жизни говорил, что в рассказах «Записки охотника», в главах «Однодворец Овсяников» и «Бежин луг», Тургенев писал о наших предках. Вспоминал, как в детстве бегал в Спасское-Лутовиново на господский двор, ухаживал за лошадьми, ездил с ними в ночное. С того времени он полюбил лошадей, хорошо в них разбирался и был счастлив, что ему разрешали ночевать в конюшне.

Ещё мальчишкой отец приехал в Москву к своей старшей сестре Пелагее Михайловне, которая была кухаркой в семье хозяина постоялого двора на Рогожской заставе, в районе нынешней Библиотечной улицы. После смерти жены хозяина она вышла за него замуж, вырастила его четверых детей и своих трёх, родившихся от него. Постоялый двор был большим: несколько лошадей, легковые и ломовые, пролётки, дрожки, подводы, телеги - всё это стояло под навесом. Этот двор пользовался уважением в округе, поэтому многие приезжавшие из деревень в Москву старались устроиться сюда извозчиками. Пелагея Михайловна готовила для них еду, а вся чёрная работа по дому и двору впоследствии ложилась на нашу маму.

Пелагея Михайловна вызвала из деревни и второго брата, Бориса Михайловича, который, поработав немного на сестру, ушёл от неё, жил на Абельмановской заставе, женился, разбогател и через несколько лет уже ни с кем из Овсянниковых общаться не стал, считая их слишком бедными.

Отец вначале ездил на легковых лошадях (дрожки, пролётки), но у этих извозчиков возникали драки за седоков, особенно из-за пьяных купцов. Отец нередко возил по ночам купчиков, а потом и нэпманов на гулянья в легендарную Марьину Рощу, хотя было страшновато, так как этот район славился бандитизмом и хулиганством, так что порой извозчиков находили там убитыми. Вообще в XVIII и середине XIX века это было самое зловещее место в Москве: здесь жили цыгане, обитало большинство московских воров и бандитов, стояли убогие дома для отбросов общества. Массовые гулянья тут нередко превращались в буйные пьянки и поножовщину, после чего неопознанные тела убитых обозами свозили на Сущевское кладбище. Попадать в Марьину Рощу в тёмное время суток не рекомендовалось. Историки утверждают, что некогда здесь стояла деревня Марьино, но многие жители этого района были уверены, что он назван по имени негласной королевы - разбойницы

Марьи, обитавшей в местном лесу. Есть и такая легенда, что в крепостное время где-то здесь жили девушка Марья и лакей Илья. Любовь у них была несчастная, так что Марья и Илья бежали и поселились в землянке в лесу. Илья стал атаманом разбойничьей шайки, Марья - знахаркой и ворожеёй. К ней ходило много московского народу, в том числе и богатого, который непременно попадался в руки Ильи… По другой легенде, в здешних лесах орудовала банда Маньки Ростокинской. В общем, народ связывал название «Марьина Роща» исключительно с бандитами и убийцами.

Я увидела Марьину Рощу в конце 1945-1946 годов, там жила моя подруга Женя Петрова. Мы шли с Женей мимо одноэтажных домиков, и она рассказывала, что за люди там обитают. Почти в каждом доме жилы молодые парни, отбывшие сроки наказания за хулиганство, грабёж, убийство. Вошли в её дом (дома там были все частные), и у меня даже сердце ёкнуло! Показалось, что дом врос в землю, на стенах был лёд; в комнатах стояли печки, а туалеты, конечно, во дворе. Так люди и жили, пока эти дома не снесли и их не переселили в новостройки. Произошло это только в 1960-х годах. На мой вопрос, страшно ли им возвращаться домой вечерами, Женя ответила, что здешние хулиганы их не трогают, так как всех своих знают, поэтому местные жители ходят тут спокойно в любое время суток.

Кстати, в нашей семье есть своя «Марьина Роща». Когда родилась внучка Маша, мой бывший муж и отец моей дочери Александр Иванович Гречанинов посадил берёзки, калину, вербу и несколько яблонь на своём садовом участке…

* * *

Чтобы брат Кузьма не избаловался в Москве, Полина Михайловна отправила его за невестой в деревню. В своей деревне Овсяниково он невесту не нашёл и приехал в соседнюю - Большие Сальницы. Вот как потом он нам об этом рассказывал: «Пришёл я со сватами в самую бедную семью, где были почти одни девчонки. Кто лежит на печке, кто сидит на лавках. Я осмотрелся и увидел на печи спрятавшуюся красавицу. Как увидел её, так и влюбился. Это была самая младшая в семье. Говорю свату: «Вот на ней и женюсь». Мама при его рассказе всегда смеялась и говорила: «Да помолчи, не ври!». Отец же её всё расхваливал. А мама действительно была красавицей, как говорят, кровь с молоком.

Паспортов в деревнях ни у кого не было, родителям дали справки, что отец родился в 1880 году, а маму сделали на шесть лет моложе. Когда же выписывали маме справку (она родилась в деревне Большие Сальницы, где все носили фамилию Волченковы), её спросили: «А ты что, еврейка?» Мама ответила, что вся её семья русская. Оказывается, в церковной книге она была записана как Матрёна Иосифовна, а не Осиповна. Родные вспомнили, что когда её принесли в церковь крестить, то денег у них не было, и они собрали все куриные яйца, что были в доме. Вероятно, священник посчитал, что этого мало, разозлился и записал её отцом Иосифа. А папа умер прямо перед её рождением. Откуда взяли года

рождения - сказать трудно, так как мои родители считали, что они старше, чем написано в справках. В последние годы жизни мама говорила врачам, что она на четыре-пять лет старше. Точной даты рождения родителей мы не знаем, но в 1896 году мама уже была в Москве, переживала за мужа, который ходил на Ходынку, на коронацию Николая II. В последние годы мы отмечали день рождения мамы в день её Ангела, 22 ноября, когда праздновали преподобную Матрону, которая прославилась своими добродетелями.

Папа привёз свою молодую жену к сестре Пелагее, опять стал заниматься извозом, но уже на ломовой лошади, как он говорил: «Семеро наваливай - один тащи!» Но при этом он сам был и грузчиком, и извозчиком. Все деньги, которые зарабатывал, отдавал сестре, а она их кормила. Семья отца росла, подрастали дети, их надо было одевать, обувать, денег требовалось больше, а Пелагея Михайловна всё время укоряла моих родителей, унижала, издевалась над ними, особенно над мамой, всегда подчёркивая, что именно она кормит такую ораву братних детей, хотя мама работала с утра до ночи, была и нянькой, и кухаркой, и дворником. Она часто беременела, но почти всегда были выкидыши. Врачи объясняли это тяжёлой физической работой. В конце концов родители решили уйти от Пелагеи Михайловны. За это она очень на них обиделась и до конца своей жизни с мамой не разговаривала и даже не встречалась, хотя папа довольно часто ходил с нами проведать тётю Полю. Я бы сказала, что нас, племянников, она всё-таки любила, иногда подбрасывала нам что-то из одежды своих детей.

У Пелагеи Михайловны была падчерица Люба, красивая девушка. Помню, что во времена нэпа она всегда была модно одета и обута. Все мужчины оглядывались на неё, многие старались познакомиться. Чем она занималась - никто из родственников не знал, жила она отдельно. Однажды моя мама увидела её в церкви на Калитниках. В церквях тогда ходили служки, как их называли, с подносами и собирали деньги на ремонт храма, в помощь бедным прихожанам и так далее. Кто мог, тот клал деньги на поднос. И вдруг мама видит, что богато одетая дама кладёт на поднос тысячу рублей, а как будто сдачу берёт несколько тысяч. Мама хотела сказать ей, что нельзя этого делать, но когда повернулась к ней, то узнала Любу. Та, наверное, тоже узнала маму, потому что сразу ушла из церкви.

Как раз незадолго до этого Люба приходила к нам домой и просила отпустить к ней на лето Марию, мою старшую сестру, объясняя это желанием помочь нам. Мама с отцом её отпустили, а Люба несколько раз привозила Марию к нам, и родители видели, что она одета, как куколка, поправилась и похорошела. После встречи в церкви мама поехала к Любе в Новогиреево (адрес у нас был). Они с мужем снимали здесь двухэтажную дачу. Мама рассказывала позже, тогда ей показалось, что это дворец: большой, много комнат, громадная терраса. Когда она увозила оттуда плачущую Марию (та никак не хотела уезжать), Люба молчала, не сказав ни слова.

С того времени никто из нашей семьи Любу не видел. Через несколько лет мы с отцом встретились с родными дочерьми Пелагеи Михайловны у младшего брата папы, Бориса Михайловича Овсянникова. Дети Пелагеи Михайловны были очень трудолюбивые, порядочные. Одна из них работала продавцом в комиссионном магазине на Абельмановской заставе, с ней немного общалась моя сестра Александра Кузьминична. Я подружилась с младшей дочерью Пелагеи Михайловны, моей ровесницей Аней, которая вместе с мужем работала скорняком на меховом комбинате. Аня иногда приезжала к нам. Моя мама любила её и как-то раз поинтересовалась, что она знает о Любе. Аня рассказала, что Любу очень любили, отец баловал и позволял ей делать всё, что она хочет. Когда же отец умер, она занялась мошенничеством. Вышла замуж за шулера, и они с ним вместе разъезжали по всей России, обыгрывали людей в карты в поездах и на квартирах. Потом сняли дачу в Новогиреево. Люба хотела взять туда и сестру по отцу, чтобы все окружающие и приходящие к ним люди видели, что это хорошая, дружная семья. Но Пелагея Михайловна, зная, чем они занимаются, дочерей своих им не отдавала. Вот тогда-то Люба и взяла к себе Марию как приманку для игроков: красивая, скромная девочка. В Новогиреево приезжали со всей Москвы, многие проигрывали большие деньги, а Люба с мужем богатели. Она стала известна всей Москве как Сонька Золотая Ручка. Но что с ней стало потом, никто в семье Пелагеи Михайловны не знал, а сама она на вопрос о падчерице коротко говорила: «Сгинула».

В 1985 году к нам приезжала моя племянница Галя Калюсина и попросила сводить её на Ваганьковское кладбище. Мы присоединились там к одной экскурсионной группе. Нас подвели к удивительному памятнику: безголовая женская фигура из белого мрамора под чёрными пальмами. Пьедестал памятника покрыт надписями: «Соня, научи жить», «Солнцевская братва тебя не забудет» и так далее. Экскурсовод рассказал, что эта могильная плита заказана на деньги одесских, неаполитанских, лондонских, питерских и прочих мошенников, и, согласно легенде, покоится под ней Сонька Золотая Ручка (в миру Софья Блювштейн). Несколько лет назад лихие парни с Урала, напившись, полезли целоваться с памятником и случайно оторвали у изваяния голову. Впрочем, уточнил экскурсовод, могила эта сооружена была ради потехи. На самом деле она пуста, но здесь в то время (это был 1985 год, начало перестройки) стала собираться братва. Многие воровки подражали настоящей Соньке Золотой Ручке.

* * *

Мама рассказывала, что, уехав от Пелагеи Михайловны, они с отцом снимали комнату в районе Владимирского шоссе (ныне шоссе Энтузиастов), недалеко от Нижегородской железной дороги. В старости мама вспоминала, как городовой или участковый пристав ходил по домам и объявлял, что в такой-то час по железной дороге пройдёт царский поезд, и все жители с детьми должны подойти к железной дороге и встречать их. Приближался поезд, Николай II стоял в открытом вагоне,

рядом стояла или сидела царица Александра Фёдоровна, иногда рядом были дети. Всё население, пришедшее к железной дороге, встречало их криками «Ура!», кланялись в пояс, а царская семья их приветствовала. Поезд проходил, все расходились. Мама почти до самой смерти кланялась в пояс всем, кого считала начальниками. Родители очень почитали царскую семью, а отец даже просил маму давать детям царские имена: Мария, Александра, Алексей. У нас в сундуке хранились красочные портреты царской семьи, мы любовались ими и сожгли только в 1929 году.

Жила наша семья впроголодь, но зато родителей теперь никто не попрекал, и они сами стали обустраивать свою жизнь. Однако в той стороне Владимирского шоссе, левой от Москвы, было очень сыро, много болот, и рождавшиеся дети умирали ещё в младенчестве. В 1915 году, после рождения сына Алексея, родители перебрались на Мясную Бульварную улицу (ныне улица Талалихина), где у хозяина Чёткина в доме номер пять сняли трёхкомнатную квартиру. Звучит красиво, но комнатушки были очень маленькие, а одна вообще тёмная, без окон. У квартиры был номер четыре. Потом уже мой брат, давая друзьям свой адрес, говорил: «Пятилетка в четыре года» - такая вот мнемотехника. На нашей улице было много одно- и двухэтажных деревянных домов, соприкасавшихся друг с другом, и все они принадлежали Чёткину. Сам хозяин жил в кирпичном доме на углу Большой Калитниковской и Мясной Бульварной улиц. Под номером пять значились два деревянных двухэтажных дома, ворота во двор были с Мясной Бульварной, у ворот всегда стоял дворник. В 1935-1937 годах прорубили ещё и дыру в заборе на Большую Калитниковскую, через которую мы попадали на остановку трамвая, ходившего по маршруту Сокольники - Конная площадь. На этом трамвае я ездила в педагогический институт, находившийся в Гавриковом переулке. Со стороны Большой Калитниковской улицы дом был окружён забором, к которому у всех жильцов были пристроены небольшие сарайчики, где хранились лопаты, инструменты и всякая мелочь. На некоторых сарайчиках висели замки, но никогда не было ни краж, ни ссор, тем более что сеновал там был един для всего дома, так что можно было из одного сарайчика перелезть в другие. Так жить было весело и интересно, а сейчас люди зачастую не знают даже соседей по лестничной клетке.

Наши домики были низкие: зимой мы прыгали со второго этажа на сброшенный с крыши снег - высота этих сугробов доходила до второго этажа; запомнились низкие потолки, скрипучие полы и лестница, тёмные закоулки и никаких удобств. В неотапливаемом коридоре второго этажа был холодный туалет на две квартиры - четвёртую и пятую. Ассенизационные бочки, запряжённые парой кляч, ночью вывозили нечистоты. В кухне стояла печь, топившаяся дровами, на ней и еду готовили, и бельё в баках кипятили. Пользовались примусом и керосинкой, но нас, детей, к примусу не подпускали, поскольку боялись, что он может взорваться. Кухня была темноватая, окно выходило в сени коридора; мама очень много стирала, поэтому на кухне всегда стоял пар.

За водой ходили на улицу, на колонку. Хорошо ещё, что она была недалеко от нашего дома, но к ней всегда стояла очередь.

Я очень любила, когда лил дождь. Все жильцы выносили во двор комнатные цветы, трудно было пройти между этими горшками, а после дождя все цветы заносились хозяевами в дом, горшки с цветами никто не путал. Двор был дружный, все одинакового достатка.

Улица Мясная Бульварная - тихая, спокойная, чётную и нечётную стороны разделял узкий бульвар, а упиралась она в городские бойни, которые впоследствии стали мясокомбинатом имени Анастаса Ивановича Микояна. Окна нашей квартиры выходили на эту улицу, мощёную булыжником, и мы всегда слышали стук и грохот от проезжавших телег, водовозных бочек. Зимой дороги покрывались глубокими ухабами. Около домов не было зелени, а напротив нашего вообще была большая городская свалка, которую убрали только в 1929 году. На её месте построили четырёхэтажные кирпичные дома - Абельмановский посёлок. Уже давным-давно эти дома надстроили, они стоят и сейчас. А вот наши дома давно снесли, на их месте построили многоэтажку, но, проезжая мимо этого места, всегда чувствую, как замирает сердце, и вспоминаю всё, что было. И я до сих пор считаю, что было только хорошее.

В нашем дворе было много детей, и все мы бегали босиком. Нам разрешалось уходить от дома только до Таганской площади, в любимый нами магазин «Детский мир». Там на первом этаже был отдел игрушек, которыми мы любовались. Продавцы, увидев нас, говорили: «Пришла таганская шпана». Но в нашем дворе хулиганов не было, а ребята из окружающих домов нас знали и никогда не нападали и даже не останавливали, особенно когда мы шли группой.

В 1929 году стали заливать асфальтом и наши улицы. В первую очередь Таганскую, а нашу Мясную Бульварную - или уже перед самой Великой Отечественной войной, или сразу после неё, даже не помню. Когда заасфальтировали Таганскую улицу, ходить босиком там стало нельзя, так как летом в жару асфальт даже плавился. Зато теперь нам разрешалось гулять до Рогожской и Крестьянской застав. Дети часто катались на подножках трамвая, проходившего мимо нашего дома. В центре города ходили троллейбусы, в середине тридцатых годов они были и двухэтажные, но вскоре исчезли. А мы рады были прокатиться на втором этаже: такое впечатление, что сверху видишь всю Москву!

Поскольку в нашем дворе не было зелени, то мы обычно ходили гулять на Калитниковское кладбище, самое доступное для нас зелёное место. Этому кладбищу уже 200 лет, оно очень зелёное. Первых умерших детей мои родители хоронили около церкви, но денег не было даже на кресты, поэтому на местах этих могил вскоре появлялись другие. А в 1934 году, когда умер Костенька, сын моей старшей сестры Марии, мы предали его земле на двадцать девятом участке кладбища, за оврагом. Там же потом похоронили наших родителей, всю семью Марии Кузьминичны, а затем и её саму в 1983 году.

Днём иногда бегали в Таганский (потом Ждановский) парк культуры и отдыха, изредка заходили в расположенный напротив сад имени Прямикова. В середине парка стояла полукруглая сцена, где сидел гармонист, рядом была танцплощадка. Каждый день здесь проходили концерты: то выступала самодеятельность, то играл оркестр, но каждый вечер обязательно были танцы, которыми всегда руководил мой брат Алексей. Приходили красивые, нарядно одетые девушки, крутились около ребят. Нас, как говорили, малышню, на танцплощадку не пускали, чтоб мы не путались под ногами и не мешали танцевать. Детей вообще рано выгоняли из парка домой, а молодёжь гуляла до самой ночи. Никаких разборок и хулиганских выходок не происходило, хотя за порядком наблюдали только сами танцующие, а милиции не было. Об этом мне рассказывала Тамара Ивановна, с которой я познакомилась в госпитале ветеранов войны. Однажды, ожидая процедуру, в разговоре с одной женщиной выяснилось, что мы обе коренные москвички, родились и выросли на Абельмановской заставе. Тамара Ивановна рассказывала, как весело они жили, все вечера проводили на танцах в Таганском парке культуры и отдыха, где всю культработу проводил Алексей Овсянников, в которого были влюблены все девчата с Абельмановки. Жила она в подвале дома рядом с садом имени Прямикова, окна квартиры были наравне с тротуаром. И тут я вспомнила, что в одно из этих окон часто стучала, вызывая на свидание к моему брату Алексею девушку. Она расхохоталась, сказав, что этой девушкой была она. Впоследствии мы всегда искали друг друга на прогулке в госпитале. Перед выпиской Тамара Ивановна рассказала мне, что ей 92 года, всю войну провела на фронте, где и вышла замуж. Муж умер, живёт одна, детей не было. Я очень рада встрече с ней, приятно поговорить, вспомнить молодость, Абельмановскую заставу, Калитниковское кладбище, где похоронены наши родители и сёстры. В своём преклонном возрасте Тамара Ивановна весёлая и жизнерадостная, наверное, и в молодости была красавицей, так как и в 92 года её большие синие глаза просто сияли.

Недалеко от нашего дома было много заводов: на Рогожской заставе (потом застава Ильича) - большой металлургический завод «Гужон», названный по имени своего хозяина (ныне «Серп и молот»), мясокомбинат имени Микояна, завод «Шарикоподшипник», автомобильный завод АМО ЗИЛ и другие. По гудку «Гужона» мы просыпались, шли на работу, так как часов почти ни у кого не было. Только в 1930 году у нас в квартире появились настенные ходики.

Вокруг было много церквей и монастырей: на Калитниковском кладбище - храм иконы Божьей Матери «Всех скорбящих радость» на Калитниках, Иерусалимская церковь, Покровский женский монастырь, Николо-Угрешский, Андроников, Симонов монастыри, на Андроньевской площади и Таганской улице - церкви, на Тулинской улице - церковь Сергия Радонежского.

Помню, что часто и в любое время суток бывали пожары, так что нас иногда поднимали ночью. Меня и сестру Лиду усаживали на большой сундук, в котором хранились все документы и наше «богатство»: паневы,

платья, вышитые рубахи, кушаки, сарафаны, которые мама носила ещё в деревне. На этом сундуке мы с сестрой и спали. Его передвигали по полу к выходу из квартиры, но ни разу не пришлось вынести, так как пожары быстро тушили. Горели дома на всех улицах, мы бегали и туда, носили банки с водой, но пожарные близко нас не подпускали, да и родители запрещали. Тогда мы залезали на забор, который отделял наш дом от Большой Калитниковской улицы, и наблюдали оттуда. Наш брат Алексей был очень впечатлительным, всё время старался помочь тушить, поэтому иногда ночью после пожара он влезал на стенку, отделяющую большую комнату от тёмной, и кричал: «Давайте воды!» Мама осторожно снимала его со стены и успокаивала, а нам говорила, что он - лунатик, очень восприимчив ко всем приключениям. Утром мы спрашивали: «Ты помнишь, что делал ночью?» «Нет», - отвечал он. С годами этот лунатизм прошёл сам собой.

Однажды ночью в нашем дворе случился большой пожар во втором флигеле, где жили более обеспеченные люди. Утром мы увидели на земле мокрые и грязные еженедельные иллюстрированные журналы «Нива». Этот журнал, выпускавшийся до 1918 года, пользовался большой популярностью, на его страницах печатались произведения Льва Толстого, Мамина-Сибиряка, Лескова и других. Там же содержались репродукции картин разных художников. Журнал предназначался для семейного чтения. Когда мы захотели собрать эти мокрые, полуобгоревшие журналы, то их хозяева (семья почтальона) не разрешили к ним приближаться. У почтальона был сын-студент, который исчез в 1933 или 1934 году. Его отец никогда и ничего о нём не говорил, на наши вопросы не отвечал. Я совершенно не помню их фамилии и имён, лишь сохранилась фотокарточка, где этот студент вместе с нами стоит во дворе.

Ходили слухи, что пожары устраивали наши домкомы, боясь недостачи, но так это или нет - мы и не узнали. Вообще, по нашему мнению, домком работал хорошо, в его здании всегда вывешивали стенгазеты, где описывалось, что делается для нужд дома. Больше всего нам нравился очень красочный стенд, который извещал о том, кто и когда платит за квартиру. Мама всегда считала, что, получив зарплату, в первую очередь надо платить за жильё, а уже потом покупать еду, одежду и другие необходимые вещи, и была рада, что на стенде Овсянниковы всегда летели на самолёте, у других жильцов были нарисованы паровозы, разные звери, а у задерживающих выплаты и неплательщиков рисовали черепаху. Каждый месяц все жильцы бежали к этому стенду и смеялись над теми, кто поздно платил, а те по возможности быстро исправлялись.

Заработков отца на нашу семью не хватало, поэтому мама с утра до вечера ходила по домам: убиралась, брала бельё в стирку, а мы с Лидой помогали ей. Около Павелецкого вокзала, на набережной, были поставлены мостки, где мы полоскали бельё. Маме больше помогала я, а Лида была ещё маленькая, и поэтому всё больше играла рядом с нами, лепила что-то из песка. Даже потом, когда мои старшие сёстры уже вышли замуж и появились внуки Юра и Галя, а отец стал болеть, она от

стирки белья не отказывалась. В 1938-1940 годах, помимо стирки белья, мама устроилась на работу в столовую, которая находилась в начале Большой Андроньевской улицы, в качестве коренщицы: мыла и резала овощи, чистила котлы. Зарплата была мизерная, но мама всегда приносила нам две котлетки от своего обеда, больше взять не могла - их иногда обыскивали. Вообще и мама, и отец всё вкусное (а его было мало) берегли для детей. В столовой она проработала всего несколько месяцев, так как и дома хватало работы. А мама вкалывала так, как теперь редко работают.

Сколько бы времени ни прошло, нам не забыть наше тяжёлое детство, но тогда мы были детьми и не осознавали, тяжело нам жить или нет, ведь все вокруг жили так же, не было разделения на богатых и бедных. До сих пор помню подвешенную в середине большой комнаты люльку: я сидела на крошечной скамеечке, правой рукой качала люльку, а в левой держала учебник и учила уроки. Думаю, что не образование, но какое-то внутреннее достоинство, врождённая культура поведения дают право называть человека интеллигентом. В нашем доме никогда не было грубости, мата, пьяных сборищ. Семью спасала доброта мамы: она всегда говорила, что не должно быть ненависти, жадности, зависти, старалась помочь родным, знакомым, соседям, поэтому и жила долго. Нужда часто толкает людей на разные пути: кого-то в бандитизм, кого-то в отчаяние, когото в работу. А вся наша семья была трудолюбивая, начиная с самого раннего детства. Родители дали нам огромный духовный иммунитет: никто из детей не пил, не курил, все были дружны.

Так бедно мы жили до 1939 года. Хотя Мария, Александра и Алексей уже обзавелись своими семьями, но родители всё ещё помогали им, чем могли. Мама помогала дочерям выхаживать их детей, особенно детей Марии, да и мы с Аидой гуляли со своими племянниками, детьми Александры. Лида и сейчас вспоминает, как она бегала в детскую поликлинику за питанием для Юры. В семье у Алексея было много помощников - родственники его жены Елены Александровны, но и ему родители помогали материально, одевали и обували, так как зарплата у Алексея была маленькая, а запросы в той семье большие.

Отец свободное время (а его было очень мало) уделял нам, любил что-то рассказывать, и мы всегда ждали выходного дня, когда слышали скрип его лаковых сапожек, которые он надевал только по воскресеньям и в праздничные дни, а ежедневно носил страшные кирзовые сапоги. Одет он был в дешёвый костюм, обязательно ремень и картуз на голове. Отец любил всех своих детей. Вспоминаю, как я, ещё дошкольница, играла в прятки. Спряталась за нашим забором, в крапиве, где наступила на дно разбитой бутылки. А бегали-то босиком. Я закричала от страха и боли, девочки побежали за моими родителями. Папа схватил меня на руки и побежал в Яузскую больницу, на Таганку. Там мне остановили кровь, промыли рану, папа нежно прижал меня к себе и осторожно понёс домой. Он испугался не меньше меня, а я была счастлива прижаться к нему и уснуть на его руках. Шрам от того пореза на ноге остался до сих пор. Я никогда не забываю своих родителей, они всегда в душе и сердце.

Признаюсь, сейчас мне не хватает отца и мамы больше, чем когда бы то ни было. В детстве хотелось к ним прижаться, а сейчас чувствую потребность поговорить...

В детстве я очень часто болела. Однажды у меня воспалилось горло, мама испугалась, и они с папой отнесли меня в Яузскую больницу, где я и осталась. Утром пришёл в палату врач, осмотрел горло и сказал, что у меня ангина, но раз я провела ночь в инфекционной палате, где лежали дети с дифтерией и скарлатиной, то мне придётся пробыть здесь две недели. Мама приходила каждый день, и мы с ней плакали, что меня не выписывают. Одно время у меня гноились глаза, мама водила меня по бабкам-знахаркам, но глаза продолжали болеть. И тогда мама повела меня в детскую поликлинику на Малой Калитниковской улице, где врач возилась со мной больше месяца: промывала глаза, давала витамины, поила рыбьим жиром. Как только нагноение прошло, меня замучили ячмени, их тоже вылечили. Врач была хорошая, она и мою маму стала поить рыбьим жиром, и мама до конца жизни не носила очки, даже сама вставляла нитку в иголку. Когда я пошла в школу, то почти и не болела. Всегда говорила, что практически здорова, так и было на самом деле, только три раза в госпитале лежала, когда мне делали операции (в 1970 и 1972 годах).

Родители, как я уже писала, уехали от тёти Поли году в 1910-1912-м, и отец работал ломовым возчиком у частника. Когда началась Первая мировая война, его несколько раз мобилизовывали в армию, но он через забор убегал домой. Затем, узнав, что у него много маленьких детей, а работник он один, его наконец-то оставили в покое. Так в армии папа и не был. После Октябрьской революции 1917 года он пошёл возчиком на бойни мясокомбината, откуда перешёл на Дербенёвский химический завод, где и проработал до самой своей смерти.

Последнего коня, на котором отец ездил по Москве, он назвал Красавчиком. Рассказывал, как только подходил к конюшне, Красавчик узнавал его по шагам, ржал от радости, а когда папа болел, то скучал по нему. Конюхи пришли навестить папу перед смертью, принесли рисунок, где был изображён Красавчик. Папа положил его на кровать рядом с собой, а когда он умер, мы переложили рисунок к нему в гроб.

Отец всю жизнь переживал, что он такой бедный, что не может прокормить семью. Однажды в воскресенье, выпив в кабаке, стал жаловаться, что советская власть всё у него отобрала. Его задержали и сразу же привели домой, но, увидев в доме бедноту, босоногих детей, посмеялись над ним, отругали и тут же освободили, сказав, чтобы не пил и не болтал.

Родители были совершенно неграмотные, на всех документах вместо подписи ставили крестик. Отцу было стыдно, он старался показать, что грамотный, даже, мол, газеты читает.

Бывало, сидит на стуле, дремлет, а в руках держит газету - вверх ногами. Подойдёшь, осторожно перевернёшь её, а он даже не

просыпается. Очень любил рассказывать о своей жизни, старой Москве, многое и приукрашивал. Часто вспоминал, как в день коронации Николая II был на Ходынском поле и еле-еле выбрался из давки. Домой прибежал окровавленный, но зато с царским подарком - пивной кружкой с гербом, леденцами и фунтом пряников. Кружку он потом подарил на свадьбу сыну Алексею, поскольку тот интересовался историей, много читал, да и меня к этому приучил. Кружка была очень простая, но когда несколько лет тому назад мы решили её разыскать, то не нашли. Вместо неё у Овсянниковых на видном месте в буфете хранятся хрустальные кружки с царским гербом.

В 1918 году папа присутствовал на митинге железнодорожников в столовой на Владимирском шоссе, где выступал Ленин, и отец всегда подчёркивал, что в честь этого выступления Рогожская застава была переименована в заставу Ильича. Говорил, что всегда поддерживал Ленина и однажды даже пил с ним пиво в кабаке.

Очень жалею, что мне некогда было расспрашивать отца о его жизни, о том, что он видел в тридцатые годы, о Дербенёвском химзаводе, где работали мои брат с женой и сестра с мужем. Однако осознание ошибок не всегда даёт возможность их исправить...

В 1917 году мимо нашего дома проходила большая толпа людей с криками « Ура!» и лозунгами: «Против царя!», «За Ленина!», «Вся власть Советам!». Все говорили, что это демонстрация. Из толпы вышла женщина с ребёнком и попросила мою маму, стоявшую около дома, дать воды. Мама напоила их и спросила, откуда и куда они идут. Оказалось, что они татары, погорельцы, идут издалека, а куда - сами не знают, так как родных у них нет. Мама пожалела их, разрешила переночевать, а они остались здесь навсегда, жили у нас, пока дом не снесли. Мама была очень добрая, жалела всех, особенно детей, её и называли святой Матроной. Но безоглядная доброта иногда создаёт проблемы. Так у нас и получилось: тем, кого впустила в квартиру после потрясений, ими перенесённых, было хорошо, а нам - плохо, потому что у нас остались две комнаты, одна из которых была тёмная. Сын этой женщины был горбун и хулиганистый парень.

* * *

В 1923 году Москва ужаснулась кровавому делу извозчика Комарова, который убил тридцать два человека. Торговал он на Конной площади конями, толкался меж приезжих крестьян, предлагая им дешёвого коня. Сторговавшись, зазывал покупателей к себе на Калужскую заставу, напоив, убивал молотком, паковал в мешок и сбрасывал с моста в Москвуреку. Узнали об этом только весной, когда на льдинах поплыли трупы в мешках. Потрясены были все жители города, а крестьяне долго боялись приезжать в Москву за лошадьми.

Отец по воскресеньям подрабатывал на Конной площади. Однажды он помог одному приезжему крестьянину купить лошадь. Вернувшись домой, тот посоветовал своим односельчанам обращаться в Москве

только к Михалычу. И каждое воскресенье во дворе раздавался зычный глас «Михалыч!», отец спускался вниз и шёл с крестьянином на Конную площадь. Продавали лошадей цыгане, которые обманывали следующим образом. Находили где-то тощую, измученную клячу, которая вот-вот упадёт, надували её воздухом и продавали простакам. А лошадь даже не доходила до деревни покупателя, падала. Но когда отец приходил на Конную, его обмануть не могли. Мама боялась, что цыгане его убьют, но те, наоборот, стали относиться к нему уважительно, старались выбрать для приезжего здоровое животное и поскорее спровадить отца домой. Радуясь приобретению лошади, крестьянин покупал отцу чекушку водки, давал ему немного денег, на которые тот покупал нам полугнилые фрукты и обязательно решето подпорченного винограда. Я и сейчас люблю подгнившие фрукты. Лена, моя дочь, ворчит, а я вспоминаю, как мы, видя, что отец несёт решето винограда, набрасывались на него, иногда не успевали даже помыть. И не помню, чтобы кто-то из нас из-за этого болел. Во время беременности я всегда мечтала о гнилых фруктах. Когда носила Валеру, очень хотела гнилых, почти чёрных яблок, а во время беременности Леной как-то по дороге купила весь в опилках виноград и, не дойдя до дома, съела его. В последние годы отец стал приносить с рынка сало, они с мамой солили его, а в воскресенье мы всей семьёй с удовольствием его поедали. Праздник для нас!

Однажды в воскресенье во двор прибежал старый цыган и крикнул отцу: «Твою Маруську увезли!» В повозке цыгана они вдвоём поехали выручать меня и сестру. А дело было вот в чём. Цыгане давно мечтали украсть нашу красавицу Марию. Но как это сделать? И придумали: на Масленицу предложили покатать её с ветерком. Чтобы она ничего не заподозрила, около её ног в повозку посадили и меня. Нас укрыли шубами, объяснив, чтобы мы не замёрзли. И мы помчались через свалку. Но отец быстро нас догнал, и нам с Марусей тогда ой как попало! «Ты-то зачем в сани села? Неужели не могла догадаться, что тебя выбросят из саней?» - плакала мама. А я ведь была ещё маленькая, ни о чём подобном и не думала. Вот так я впервые узнала цыган. Знала, что они воруют, обманывают, но в нашем районе не было ни воровства, ни хулиганства, двери в квартирах дома никогда не закрывались, всё было настежь, да и воровать-то было нечего.

Как-то раз из нашего окна мы наблюдали, как шли молодые цыгане, а в центре - красивая цыганка и старик (по нашим детским понятиям, ему было 35-40 лет). Старик и один молодой поспорили, кому эта красавица достанется. А она ответила: «Тому, кто победит». И какая тут началась драка! Цыганка же хохотала. Победил молодой, она ушла с ним, а второй, поверженный, остался лежать в луже крови. Больше я их не видела. Правда, говорили, что эта красавица вовсе не цыганка, а русская, её в детстве цыгане похитили.

Очень хорошо помню, как, начиная с весны, мимо нас проезжали цыгане. Они тогда целыми таборами стали оседать в Москве, недалеко от нашего дома. Для них построили двухэтажные деревянные бараки, где они и оставались на постоянное место жительства. Цыганки были одеты в

яркие одежды, многочисленные юбки, звенели и переливались различные бусы, цветные монисто. Некоторые цыгане пошли работать на заводы, но большинство воровали лошадей и продавали на Конной площади в Москве. Вот тогда-то отец и познакомился с ними. Когда цыгане узнали отца поближе, то полюбили его и очень часто приходили к нам во двор, разговоры между ними продолжались по несколько часов. Хотя у нас в квартире они никогда не бывали, но нас, детей, хорошо знали. Молодые цыгане ухаживали за Марией, предлагали ей выйти замуж, но отец всегда был против.

Никто из нас в дома цыган также не ходил. Однако мне пришлось там побывать во время Великой Отечественной войны, когда я работала в Смерше. В ресторане «Балчуг» выступал цыганский хор Соколова, и в этой гостинице останавливались офицеры и генералы Красной армии, приезжавшие с фронта. Они посещали ресторан, а на ночь приглашали к себе в номер молодых цыганочек из этого хора. «Наружка» после ночи, шагая за ними, узнавала их адреса, а мне, «установщице», нужно было выяснить их фамилии, семьи. Почти все цыганки носили имя Маша. Приходя во двор цыганского дома, я видела детей, которые отплясывали чечётку, пыль летела из-под ног. Цыгане были очень дружны друг с другом, никогда своих не выдавали и ничего не рассказывали. В 1942 году во время очередной бомбардировки Москвы одна из немецких бомб попала в два барака в Ведерниковом переулке, где жили цыгане, и все они погибли. Это был последний табор, который я видела.

Цыганские песни и пляски люблю до сих пор. До войны и после неё часто ходила в цыганский театр в Мамоновском переулке. Театр был небольшой, с низким потолком, и когда цыгане плясали, то создавалось впечатление, что вот-вот потолок упадёт на нас. Сейчас это здание занимает МТЮЗ, а цыганский театр «Ромэн» переехал в красивое здание на Ленинградском проспекте. Иногда фронтовиков приглашают туда, устраивают для них концерты и спектакли. Помню, как в день 55-летия Победы художественный руководитель театра народный артист СССР Николай Сличенко отплясывал с ветеранами войны в зрительном зале и какие же были овации в честь него! Я знаю, что во время войны его отец, Алексей Сличенко, был расстрелян немцами на глазах сына. «Ромэн» - единственный цыганский театр в мире, и потому во время своих гастролей он ездит по всей планете.

* * *

Вернусь к своим детским годам. У нас никогда не было покупных игрушек, зато мы собирали палочки и чурочки, из которых что-то сооружали, а когда эти «игрушки» надоедали, то мы бросали их в печку. По нашим дворам ходили так называемые мусорщики, это были главным образом татары, а потом и китайцы. С самого утра раздавались крики: «Мусор берём, мусор берём!» Мы бежали с какими-то ненужными тряпками, старинными сковородками и кастрюльками. Всё это сдавали им, а взамен получали воздушные шарики, глиняные свистульки, набитые опилками бумажные шарики на резинке - «раскидайки», нашу любимую

«уйди-уйди» - эту игрушку типа воздушного шарика надо было надуть, и она будет кричать «уйди-уйди-уйди», пока весь воздух из неё не выйдет. Ещё приходили шарманщики, у которых на плече сидел попугайчик и за мелкие деньги доставал из шапки, лежащей на шарманке, бумажки на счастье с пожеланиями. Было интересно, и мы всегда крутились рядом, хотели узнать, что нас ожидает в будущем.

Мальчишки приносили из дома небольшие кошелёчки, спичечные коробки, клали в них коровий навоз или куриный помёт (в нашем районе во многих дворах держали коров и кур) и выбрасывали это через забор на дорожку, на Большую Калитниковскую улицу, ближе к трамвайной остановке. Кто-то из прохожих увидит кошелёк, захочет его поднять, а мальчишки тянут кошелёк к себе за верёвочку. Иногда ловкий прохожий успевал его схватить, открывает, а там… За забором же раздавался детский хохот. Но однажды кто-то из взрослых поймал ребятню за этим занятием, отшлёпал их и отвёл к нашему дворнику, который обошёл всех родителей, сообщил им о проказах их детей. И всё прекратилось.

Зимой мы катались на льду во дворе, за нашими флигелями. Сами или с помощью родителей заливали водой свободное место и скользили, кто в чём и кто как мог: у некоторых девочек были коньки «снегурки», загнутые вверх, у мальчиков - «гаги», а то просто прикручивали к валенкам дощечки или железки. У меня коньков не было, так что кататься я так и не научилась, хотя и были попытки в молодости, когда с мужем Анатолием мы ходили в Парк культуры. Зато с какой радостью мы ездили с обледенелой горки (свалка напротив нашего дома зимой покрывалась снегом) на фанерке или решете, которое обмазывали коровьими лепёшками; они замерзали, и так хорошо было кататься! Вокруг хохот, а мы летим, падаем, догоняем свою фанерку, опять на неё садимся и съезжаем на самую проезжую часть. Хорошо, что машин тогда почти не было, никто из нас не пострадал, но синяков и царапин на руках оставалось достаточно. О санях же мы могли только мечтать.

Один раз мы с девочками пошли на Покровскую (теперь Абельмановскую) заставу, там было что-то вроде рынка, шла торговля. Один мужчина жарил колбасу и тут же продавал. Мы остановились, а продавец, увидев наши голодные глаза, снял со сковородки по куску колбасы и раздал нам. Ах, с каким удовольствием мы её уплетали! Но это заметил кто-то из жильцов дома, рассказал нашим родителям, и нам запретили ходить на рынок. Было это году в 1926-1928, ещё до моего поступления в школу.

Нам всегда хотелось чего-то вкусненького, сладенького. И я отчётливо помню, как однажды зимой мы с подружкой ходили по мостовой и смотрели только под ноги, надеясь найти копеечку. И вскоре действительно нашли грош, с трудом выковыряли его из-подо льда, и в палаточке на Покровской заставе нам за этот грош насыпали леденцов. Шагаем довольные по улице, сосём леденцы, и вдруг навстречу идут наши мамы - нас ищут. Замёрзшие, посиневшие, но счастливые оттого, что у нас есть сладкие конфетки, мы угостили своих мам. А что мы ели дома?

Суп перловый, суп пшённый, ячневая или пшённая каша (гречку в детстве мы и не пробовали, она была дорогая), а летом ели любимую мурцовку: ледяная вода, зелёный лук, измельчённый чёрный хлеб, иногда вместо воды квас. Употребляли субпродукты: коровью требуху, рубец, лёгкое. Кость-бульонку называли собачьей радостью. Но в советские времена варёную колбасу за 2 рубля 20 копеек тоже так называли, а мы с мамой очень её любили, да и не только мы.

Одеты тоже были плохо. Я, например, носила то, что оставалось от сестры Шуры, а та - от Марии. И мы не стеснялись, ведь все окружающие были одеты точно также. Александра даже с классом сфотографировалась в платье с заплаткой. А я на выпускном вечере была в платье сестры - из чёрного крепдешина. Она уже была замужем и могла себе позволить что-то купить. Новые платья нам шили только на Пасху. В этот праздник все выходили нарядные, шли в церковь святить пасху, кулич и крашеные яйца, а потом и разговляться. Вместо «здравствуйте» только и слышалось: «Христос воскресе!» - «Воистину воскресе!» В церквях били колокола, праздник чувствовался везде.

* * *

Наступил 1929 год. Летом мы с мамой пошли записываться в первый класс 1-й советской образцовой школы на Малой Андроньевской улице. Приёмная комиссия, увидев перед собой маленькую тихую девочку, которой ещё только 14 октября исполнится восемь лет (а в школу тогда принимали строго с восьми лет), отказала в приёме, и я расплакалась, так как мечтала о школе. Видя мои слёзы, мама сказала, что меня на уроки будет водить сестра Александра, ученица этой же школы. Только тогда меня записали, предупредив, чтобы я вообще не плакала. 1 сентября я пришла в школу. Не знала ни одной буквы, ни одного стихотворения. Учительница Вера Петровна, познакомившись с нами, сказала: если кого-то из нас увидят в церкви, то немедленно исключат из школы. Рекомендовала выбросить из дома все иконы. Вернувшись домой, я обо всём рассказала маме. Она, конечно, расплакалась, но, поговорив с папой, согласилась: «Раз надо - значит надо». В углу комнаты висели несколько икон, всегда горела лампадка. Вместе с мамой мы понесли их в церковь на Калитниковском кладбище. Мама оставила иконы в церкви и вышла оттуда в слезах, но потом немного успокоилась, так как увидела там гору икон, сваленных на пол, - значит, не только мы принесли образа. Много икон вообще было брошено в находившийся неподалёку пруд.

С того времени я в церковь долго не ходила. Стала посещать её только после гибели в мае 1944 года первого мужа, Анатолия Ивановича Харитонова, чтобы поставить заупокойные свечи. Заходила в церковь на несколько минут и когда отпевали отца Кузьму Михайловича. Он умер 4 января 1945 года, а хоронили его 7 января. Все тогда стояли около гроба в церкви, а мы с Константином Павловичем Ауньковым, мужем старшей сестры, только забежали на минуту попрощаться с ним, а так все и стояли на улице...

Сильно верующей мама не была, но все в нашей семье были крещёные, мама крестила не только детей, но и внуков. Она ходила в церковь только по большим церковным праздникам, и я не знаю, соблюдала ли она посты, поскольку я, например, раньше и не слышала об этом. Да и зачем нам было о них знать, когда еда всегда была постная - щи да каши. Уже будучи старой, мама несколько раз выражала желание побывать в церкви, чтобы помолиться. И я отвозила её в церковь Всех святых на Соколе или в церковь на Новослободской. Но сама туда не заходила, дожидалась маму на улице. Вообще в плане религии я человек безграмотный. Мы в своё время ни от родителей, ни от общества, ни от школы не получили этого образования. До сих пор не знаю, что за иконы висят в храмах, не знаю молитв. Понимаю, что это плохо, но так сложилась жизнь, в такой обстановке я жила и работала. Например, моей подруге Лидии Николаевне Лаврентьевой в ноябре 1950 года объявили выговор по партийной линии за то, что она с сёстрами отпевала в церкви маму.

В 2002 году, зайдя с моей одноклассницей Валентиной Николаевной Макаровой в церковь на Калитниковском кладбище (мы всегда там бывали, когда ездили на могилы наших близких), я вдруг узнала одну из наших икон. Валентина Николаевна спросила у работающей там женщины, что это за образ. Прислужница ответила, что эта икона - одна из тех, что приносили в 1929-1930 годах.

В начале 1929 года началось массовое закрытие церквей. Помещения бывших храмов использовались под склады, овощехранилища, квартиры, клубы, а монастыри, поскольку они были окружены высокими стенами, - обычно под тюрьмы и колонии. Началось разрушение храмов, памятников старины. В 1929 году на Рогожской заставе закрыли церковь Рождества Христова, в ней сделали общепитовскую столовую; в 1930 году закрыли Симонов монастырь, в 1931-м взорвали храм Христа Спасителя. Обратите внимание: на станции метро «Новокузнецкая» стены облицованы светлым мрамором, полы - разноцветным гранитом, по центру на металлических подставках установлены светильники, сиденья мраморные. Мало кто знает, что всё это было вывезено из храма Христа Спасителя.

Вообще, в 1920-е годы, когда утвердилась пролетарская власть, «по просьбе трудящихся» сломали свыше четырёхсот храмов - половину всех, что насчитывалось в Москве, а всего в России было закрыто более восьми тысяч церквей. Одним из предлогов для закрытия было нахождение вблизи культурного или образовательного учреждения, например школы. Колокольный звон в Москве вообще запретили. В тот период были уничтожены тысячи ценных икон, богослужебных книг. Сузили границы религиозных шествий, особенно крестного хода на Пасху. Запретили даже и рождественские ёлки. Запрет был снят только в начале 1935 года, а до 1947 года день 1 января считался рабочим. Чтобы отвадить людей от церкви, в дни религиозных праздников, особенно на Пасху, в школах, институтах и на заводах устраивались вечера . Но всё же, когда перед Пасхой я ехала на трамвае в институт на вечер, проезжая мимо Богоявленского Собора в Елохове, видела там множество народа. В собор

можно было пройти только по приглашениям. В этот день там часто пели певцы Большого театра: Михайлов (бас), Козловский (тенор) и другие.

Недалеко от нашего дома находился Покровский женский монастырь и кладбище при нём. Монастырь был очень богатый, занимал большую территорию: аккуратные песчаные дорожки, повсюду стояли скамейки, росло множество разных деревьев, кустарников с ягодами. В 1930-е годы монастырь и кладбище были разорены, погост превратили в футбольное поле. Слева от входа на территорию монастыря открыли ФЗО (фабрично-заводское отделение), в котором учился мой брат. Монахини расселились поблизости, они были рукодельницами. Мама в 1940 году заказала у них постельное бельё с необыкновенными широкими кружевами, которое подарила мне к свадьбе. Мама была очень экономной, и те деньги, которые я ей отдавала, получая за работу в издательстве «Словари», она откладывала и сделала мне свадебный подарок. Кое-что из этого набора (подзор, накидки на подушки) я отдала потом соседке по дому Ане, крёстной матери Маши.

С 1942 года в отношении государства к Русской православной церкви наступили перемены. Многие из направлений её деятельности были восстановлены, но под неусыпным контролем государственных органов. В печати прекратилась антирелигиозная пропаганда. По предложению Сталина, при правительстве Союза был создан Совет по делам РПЦ, по связям между правительством и патриархом. Однако этот Совет самостоятельных решений не принимал, а получал указания от правительства.

Вместе с тем, хотя Советская власть и внушала, что религия - «опиум для народа», но ведь и Сталина, и Хрущёва, и Брежнева отпевали в церкви. На Пасху церкви и храмы обязательно заполнялись народом. Председатель Совета министров СССР Алексей Николаевич Косыгин не просто присутствовал на пасхальном богослужении, но и причащался. Это не афишировалось, но и не покрывалось завесой строжайшей тайны. Зато теперь быть православным у российского политбомонда стало модно. Некоторые депутаты и члены правительства даже освящают свои рабочие кабинеты.

А что я помню о церкви и священниках? В 1928-1929 годах, в августе, на Яблочный Спас (в этот день яблоки нового урожая освящают в церкви и раздают бедным), мы с ребятами нашего двора пошли в Покровский монастырь. Прихожане нас пропустили без очереди к батюшке, у ног которого стояли большие мешки с яблоками, каждому давали по одному. Мы выскочили из церкви, съели яблоки и вернулись обратно. Батюшка нам дал уже только по половинке яблока, а когда мы снова хотели войти в церковь, нам не дали этого сделать, хотя раньше уступали, повторяя: «Пропустите ангелочков!» И мы подумали, какие же эти священники жадные! В настоящее время в праздник Яблочного Спаса тоже раздают яблоки, которые прихожане приносят святить и оставляют в церкви, передают в больницы, детские дома и дома престарелых. Когда в августе 2006 года я находилась в больнице № 19 на Красной Пресне, то из церкви,

которая находится недалеко, всем больным в течение двух дней приносили по два яблока, а желающим давали и больше.

Другое очень яркое воспоминание. Напротив нашего дома жил батюшка, который служил в церкви на Калитниковском кладбище. Жена его часто приглашала мою маму для уборки квартиры. Однажды попросила её помыть полы, а сама ушла с ребёнком. Мама пришла, подоткнула свою длинную юбку и наклонилась, чтобы мыть пол. Вдруг сзади кто-то её обнял и крепко прижал к себе. Мама еле вырвалась и убежала. Оказывается, это батюшка пришёл домой. Его жена, вернувшись и не увидев мою маму, пришла к нам. Та, в свою очередь, очень деликатная, не рассказала ей о причине своего ухода, однако больше там не появлялась. И вот уже во время Великой Отечественной войны мы шли с мамой на Абельмановскую заставу, переходили Большую Калитниковскую улицу. На трамвайной остановке стоял священник. К нему на коленях ползла старушка, он протянул ей руку для целования, а сам неотрывно смотрел на маму. Улыбался, старался обратить на себя внимание, но мама быстро перешла улицу, я за ней, спросив, почему она бежит. Только тогда мама и рассказала мне про этот случай. Несмотря на то, что прошло уже несколько лет, батюшка всё её не забыл. Я же подумала тогда, разве может священник быть сластолюбцем?

Но все эти воспоминания детства ушли в прошлое. Сейчас я иногда ношу крестик. Хожу в храм только затем, чтобы поставить свечи за здравие живущих, за упокой умерших. Иногда в церковь заходит и мой сын Валера. А дочь Лена стала посещать после того, как отправили в Чечню её сына Сашу; она тогда купила много освящённых иконок, которые теперь стоят у нас в квартире. Валера с Мариной подарили мне золотой крестик с цепочкой, который привезли из Иерусалима. Лена тоже купила мне крестик, а Дима из Израиля привёз свечи из храма Гроба Господня. Думаю, если бы мама была жива, она бы этому очень обрадовалась. Когда за человека молятся или ходят в церковь, то аура этого человека делается практически непробиваемой.

А если он не защищён, то его поле пробивается легко, он начинает болеть. Если ты кому-то желаешь зла, к тебе это возвращается. Надо бороться с такими чувствами, как ненависть и зависть, тогда и болезни будут обходить тебя стороной.

Когда приезжаю на Калитниковское кладбище и иду на могилу моих родителей, мне становится легко. Мама умерла 12 сентября 1966 года, более полвека прошло. Но я помню её улыбку, радость, когда я приходила с работы, когда она встречала других своих дочерей, внуков. Нас она воспитывала в нежности и любви, хотя сама столько натерпелась, в голоде, в страхе за мужа и детей, пережила Финскую и Великую Отечественную войны, гибель сына и зятя, смерть мужа. Когда все эти испытания закончились, ничто не могло сделать её другой. Она осталась ласковой, заботливой, ко всем доброжелательной, всегда светилась. Какая же радость на кладбище? Она заключается в том, что здесь лежат мои родители, которые, даже уйдя из жизни, оберегают меня тем, что они

были.

Помню, как в начале августа где-то в 1960-1962 году мы втроём (мама, я и Леночка), убрав могилу, пошли домой. Кладбище пустынное, никого кроме нас не видно. Вдруг услышали за собой шаги. Оглянулись - молодой мужчина. Испугались, пошли быстрее, и он ускорил шаги. Мы с мамой взяли Лену за руки и чуть ли не бегом двинулись к выходу. Показалась церковь, я оглянулась назад и увидела, что мужчина свернул на другую дорожку. Что это было? Зачем он хотел нас догнать? Или, может, он сам боялся один идти по кладбищу? Мама перепугалась и просила нас приходить на кладбище только на Пасху, когда много людей. А ещё мама рассказывала, что священник в церкви говорил им: «В день Пасхи все умершие выходят к воротам кладбища. Увидят, что кто-то идёт к ним, поворачиваются и ведут к себе на могилу». Я запомнила это и строго выполняю. В последние годы на Пасху ходила с Галей Луньковой, а после её смерти - с Валерой. Несём на могилу кулич, пасху, крашеные яйца. Постоим, поговорим с нашими усопшими, и на душе становится легче, как будто увидели их. И вообще в тот день народу на кладбище много, идут весёлые, с цветами, редко одинокие, больше целыми компаниями. Многие устраивают на могилах и поминки. Раньше даже трудно было пройти на кладбище, это напоминало демонстрацию в добрые времена. Хотя сейчас в церкви объясняют, что на кладбище надо приходить не в день Пасхи, а во вторник второй недели после Пасхи, называемый Радоницей, но я выполняю просьбу мамы. Иногда на Пасху я встречаюсь на Калитниковском кладбище с бывшими соседями. Постоим, помолчим и расходимся до следующего года.

В повседневной жизни надо приходить на кладбище в день смерти близкого. А иногда, когда на душе кошки скребут, туда просто тянет, хочется побыть в уединении, воскресить в памяти светлые моменты, побеседовать с умершим близким человеком, рассказать про свою жизнь, как живут дети, внуки. И поплакать можно, всё это идёт к умершему, который тоже нас не забывает, а молится за нас, замаливая наши грехи. Я уже начинаю рассуждать, как говорила мама! Надеюсь, что она слышит и помогает мне, моим детям, внукам и правнукам. В этом тоже счастье.

Вспоминаю, как мама просила меня не выбрасывать хорошие вещи, которые когда-то могут пригодиться. А я выбрасывала, мама плакала. Она всегда просила убрать квартиру к Пасхе, а я убирала к 1 мая. Выходит, что я обижала маму. Вот сейчас, когда прихожу на кладбище, всё прошу у неё прощения. С возрастом понимаешь свои ошибки, осознаёшь, что причиняешь боль самым близким, самым любимым. Для меня таковыми являются Лена и Валера, а теперь ещё и Маша, Саша, Дима, но я иногда не могу сдержаться - и на них нападаю, а потом ночью плачу. А ведь они для меня всё делают, о чём бы ни попросила. Надо бы иногда промолчать, но вот не могу… Так получается, что всегда попадает тем, кто тебе всех ближе и роднее и кто тебя никогда не обидит. Я прошу своих детей и внуков приходить ко мне на кладбище редко, но весёлыми и счастливыми!

Сейчас на Калитниковское ходят Смирновы - Юра, Надя и Максим, мои

племянники. Они хорошо ухаживают за могилой, там всегда порядок. С ними иногда и я хожу на кладбище - в июле, когда родилась Галя Лунькова.

* * *

Мама нас учила, что самые главные заповеди - не врать, не воровать и никогда никому не завидовать. Меня в семье почти не воспитывали, гак как родители были безграмотными, но они любили меня и жалели. А как они любили друг друга! В Прощёное Воскресенье папа всегда стоял на коленях перед мамой, хотя и не был в чём-то виноват. А мама жалела папу, потому что он всю жизнь работал на улице - и в снег, и в дождь, и в жару. Приучила и нас беречь его, не расстраивать. И я порадовала родителей, когда окончила педагогический институт - это было сокровенное желание папы, он считал, что учителя очень строгие и добрые. Он был человеком строгих правил: я, например, никогда не загуливалась допоздна, на танцы не ходила - мне это было строжайше запрещено.

Из всех детей родители больше всего любили меня, потому что считали самой жалостливой (это значит, что я их больше жалела, чем остальные). Я родилась 14 октября 1921 года, в большой праздник - Покров Пресвятой Богородицы (это престольный праздник и в деревне Большие Сальницы, где родилась мама). Моё имя Анна - библейского происхождения и означает благодать, любовь, благодеяние, милость. Анна - сама доброта. Она преданная дочь, такая же мать, подруга. Может заботиться о других до самозабвения, и не только о членах своей семьи. Доверчива Анна необычайно, но людей с такой же щедростью души, какой обладает она, мало. Поэтому и неприятностей у неё бывает более чем достаточно. Окружающие частенько злоупотребляют её добротой. Обиды Анна принимает близко к сердцу, но прощает без выяснения отношений. Анны любят искусство, видят и понимают красоту. В любви они верны, а в браке терпеливы, но измен не переносят. Всю жизнь бывают окружены поклонниками. День Ангела - 15 октября.

Я не знала ни своих бабушек, ни дедушек, ни крёстных отца и матери. Мы никогда не отмечали ни дней рождений, ни дней Ангелов. Первый раз меня поздравили с днём рождения Юра и Ира Смирновы где-то в 1955-1959 году. Приехали они к нам домой поздно вечером, а мы с мамой и Леной уже спали. Михаил Иванович был в командировке, а Валера - на практике. Мне было так приятно, что пришли любимые племянники, вот тогда-то мы и стали отмечать этот праздник. А дни рождения папы, Алексея (брата) и Анатолия (первого мужа) мы и не знали. По знаку зодиака я - Весы, по восточному гороскопу - Петух.

Мама родила двенадцать детей, из них к 1941 году осталось пятеро: Мария (1911 г.р.), Алексей (1915 г.р.), Александра (1917 г.р.), я, Анна (1921 г.р.), и Лидия (1926 г.р.). Квартирка, в которой мы жили, была очень маленькой для нас. Родители спали на кровати, а мы, девчата, на сундуках напротив их кровати, Алексей - в тёмной комнатушке.

Я делала все домашние дела: картошку чистила, пол мыла, за керосином ходила зимой, что ненавидела, потому как руки мёрзли. А когда стала учиться, то не хотелось идти домой, поэтому делала домашние задания в школе, принимала участие в самодеятельных кружках, выпуске стенгазет, уборке класса. Желание учиться было большое, не пропускала ни одного урока. Однажды, когда я училась в первом или во втором классе, по радио объявили, что в связи с морозами детям в школу можно не приходить. У нас радио не было, сестра Шура узнала об этом от своих подруг и осталась дома. Мама и меня не хотела пускать, но я всё же пошла. Очень замёрзла. Сторожиха пустила меня в школу, обогрела, пожалела, и я вернулась домой. Как же я плакала, сама себя жалея! Вечером пришёл папа и, узнав, что я замёрзла и рыдала весь день, пожалел меня и пожурил маму, на что она сказала ему: «Она же вся в тебя. Решила и пошла». Больше таких случаев не было.

Старалась учиться хорошо. Правда, не выговаривала букву «р». А в букваре 1929 года почти во всех рассказах были слова: «кооперация», «кооператив». Я читала и пыталась эти слова пропускать, но Вера Петровна замечала и заставляла меня произносить их, а у меня вместо «кооператив» получалось «коопелатив». Все смеялись, а я со слезами произносила это по нескольку раз. В классе учился Паша Шувалов, у которого вместо буквы «л» получалась «в», так, например, слово «ложка» произносилось «вожка». Тут уж и я смеялась над ним. Кончился первый год обучения, и я всё лето произносила вслух слова с буквой «р». Была счастлива, когда «рыкала», и ко второму классу уже произносила отчётливо «кооперация», «кооператив». Вера Петровна даже говорила мне, улыбаясь: «Спокойно, не рыкай».

А Паша Шувалов вскоре перешёл в другую школу, потому что над ним смеялись ещё больше. Однажды я встретила его, когда училась в институте. Остановились, поговорили, и он с горечью сказал, что всё так же не произносит букву «л», сказал несколько слов, и мы оба стали над этим смеяться. После этой встречи я уже никогда его не видела, хотя он жил в Абельмановском посёлке. Кем он стал - не знаю. Мешало ли ему такое произношение? Навряд ли!

Класс у нас был дружный, и в том большая заслуга Веры Петровны. Помню, как-то она заболела, и мы всем классом пошли её навестить. Как хорошо она нас встретила, напоила чаем, рассказывала о книгах. Помню, что жила она на Ульяновской улице, в маленькой комнатке, где мы еле-еле все поместились. Это была моя первая учительница, такая же бедная, как и все мы. Она никогда нас не наказывала, понимала нас и старалась, чтобы мы её тоже понимали.

Во втором классе нас приняли в октябрята. Часто всем классом ходили в школу № 10 на Малой Андроньевской улице, где рисовали, лепили, выпускали стенгазеты. Пионервожатый Саша Сидоров был один на две школы - 1-ю и 10-ю. Очень часто я получала почётные грамоты: то за выпуск газеты, то за примерное поведение, а в конце каждого учебного года получала грамоту и за хорошую учёбу. Они были очень красочные, с

портретами Ленина и Сталина, которые мы вырезали и приклеивали на стенгазеты. Получалось красиво, но в результате почётных грамот у меня и не сохранилось. Сейчас жалею! Но зато около наших стенгазет всегда было много учеников, они живо обсуждали все заметки, иногда делали замечания, и в следующих номерах мы всё исправляли. В газетах мы обычно рисовали карикатуры на неуспевающих ребят, но никто не обижался - наоборот, все старались учиться лучше.

Пионервожатый Саша Сидоров уделял нам много внимания, а мы его обожали. Он учился в педагогическом институте, после окончания которого стал преподавать у нас историю и обществоведение. Был он строгим учителем и добивался, чтобы мы действительно владели знаниями, говорил: «Я хочу, чтобы вы знали историю так же, как и я». Когда мы оставались после уроков, он рассказывал нам многое из того, о чём мы нигде не могли прочитать, ведь даже учебников было очень мало. А вот как он вёл уроки. Вызывал к доске, задавал вопрос по пройденной теме, и если ты плохо отвечал, то в журнал ставил не отметку, а точку. На следующий урок он опять вызывал и уже спрашивал по двум темам. Если ты опять отвечал плохо, то он эту точку увеличивал, и так продолжалось пять-шесть уроков. К тому времени все всё знали, и тогда он объявлял: «Отлично, с двадцатью двумя плюсами!» Все наши ученики историю и обществоведение знали отлично, и Сидоров считался лучшим преподавателем в районе. Я до сих пор помню многие даты из истории, биографии вождей по обществоведению. В 1934-1935 годах его перевели завучем в школу в Товарищеском переулке, и мы всегда забегали к нему по дороге домой. В 1936 году в Москве было построено много учебных заведений, и нас перевели в школы по месту жительства. Однажды мы зашли в ту школу в Товарищеском переулке, но нам сказали, что Саша здесь больше не работает. Мы часто вспоминали его, но дальнейшая судьба нам неизвестна.

Саша хотел, чтобы мы были храбрыми, никого и ничего не боялись. Поэтому однажды в 1930 году нам устроили экскурсию в крематорий на кладбище Донского монастыря. Мы даже посмотрели процесс сжигания. Очень испугались, увидев, что, когда труп загорелся, он немного привстал. Некоторые потом ходили на эту экскурсию несколько раз, а я так перепугалась, что до сих пор боюсь этого места, хотя и завещала, чтобы меня кремировали. В то время на фабриках и в государственных учреждениях открыли «уголки кремации», выпустили специальный набор открыток с видами Донского крематория и его печей. Но я всё это обходила стороной.

В 1930 году, когда я уже была во втором классе, в школе был избран родительский комитет. Председателем его стала тётя Шура Баркова, сын которой, Коля, учился в нашем классе. Первым делом родительский комитет обследовал домашние условия всех учащихся, и из самых малообеспеченных образовали группу, в которую из нашего класса были зачислены я и Голда Гальперн (или Гальперина), других не помню. Тётя Шура, увидев, как тяжело живётся нашей семье, а я между тем хорошо учусь, полюбила меня и часто по воскресеньям приглашала к себе в гости,

тем более что жила она недалеко от нас, на Таганской улице. Утром, до уроков, нас в школе кормили завтраком, а после уроков был обед, очень сытный. Мы и отдыхали в школе, и делали домашнее задание. С нами занималась руководительница, студентка. По воскресеньям она возила нас на Москву-реку, где учила плавать. Я была трусихой и вместо того, чтобы держать голову над водой, наоборот, опускала её в воду и захлёбывалась. С того времени я боюсь воды, стараюсь не подходить к ней. Даже когда приехала на Чёрное море и меня сопровождал Михаил Иванович, я только обливалась водой и быстро выскакивала на берег. Стыдно? Конечно, стыдно, но поделать с собой ничего не могла. Хотя у нас в семье плавают все, даже, бывало, мама, после того как мы с ней прополоскаем белье, входила в воду и немного плавала, а я боялась. Весной, в половодье, вода в реке поднималась, подходила близко к домам, но про наводнения я ничего не слышала. Мы полоскали белье только тогда, когда мостки освобождались от воды.

Наша руководительница водила нас и в душ. Летом на улицах стояли деревянные кабинки, куда всегда были очереди. Кабинка была разделена на две части: женская и мужская. Стенки все были сплошь в дырках, и мальчики всегда подсматривали за девочками: «Мы всё видим, всё видим!» - кричали они, а мы визжали и закрывались руками. И однажды наша руководительница, очень маленькая, худенькая комсомолка, сказала нам: «А вы встаньте перед ними и скажите: вот мы, смотрите. Стыдно должно быть вам, а не нам!» Мы так и сделали, и это помогло, мальчики перестали за нами подсматривать и хихикать.

С мамой мы ходили в баню; ближайшие к нам были на Вековой улице и Крестьянской заставе. Последняя обвалилась как-то ночью, наверное, уже от старости, в 1960-е годы. К счастью, никто не пострадал. Бани делились на два отделения: раздевалка и мыльная. Самыми главными банными днями были субботы и предпраздничные дни, когда в банях было тесно, у кранов стояли вереницы моющихся с железными шайками. Помогали друг другу потереть спину. Так продолжалось очень долго, пока мы в 1960-е годы не переехали в отдельные квартиры, называемые хрущобами. Сейчас ругают эти дома, но они нас ой как выручили в своё время!

Шефами нашей первой школы были профсоюзы завода «Серп и молот», трамвайного парка и небольшой фабрики в районе Волочаевской улицы. Мы бывали у них на экскурсиях, профсоюзы очень нам помогали. Наш пионервожатый Саша договаривался с ними, и каждое лето шефы отправляли нас бесплатно в пионерские лагеря на две-три смены, а в течение года нам покупали билеты в театры. Чаще всего мы ездили на утренники и спектакли в Дом культуры автозавода имени Сталина (теперь Лихачёва). Перед началом представления на сцену выходила молодая женщина Наташа. Она всегда рассказывала, кто к нам приехал, что будет сегодня показано. Если же она задерживалась, то мы все хором из зала кричали: «Те-тя На-та-ша! Те-тя На-та-ша!» И как только она появлялась на сцене, начинался или спектакль, или выступления актёров, главным образом из МХАТа. Кто такая тётя Наташа, я узнала только в 1973 году,

прочитав в одном из журналов её воспоминания. Это была Наталья Ильинична Сац, отец которой, композитор Илья Сац, всю жизнь проработал во МХАТе. До сих пор Наталья Ильинична стоит у меня перед глазами. Когда она вела утренники, всегда возникало полное взаимопонимание между ней и сотнями ребятишек, сидящих в зале. В 1936 году она организовала Центральный детский театр на площади Свердлова, который и сейчас там стоит, только называется Театром для юношества. Мы ходили в музеи, часто бывали в Третьяковской галерее.

К школе была прикреплена коммуна - интернат детей работников Коминтерна (в районе Малой Коммунистической улицы, почти на Андроньевской площади). Коммунары часто приглашали нас к себе на праздники, устраивали для нас чаепития. По сравнению с нами, они были лучше одеты, обуты, но к нам относились очень хорошо. Получалось, что мы с классом всегда куда-то ходили, везде нас хорошо принимали, угощали. Тяжёлые, голодные были годы, но для детей в нашей стране ничего не жалели. В школе проводились уроки музыки, нас знакомили с произведениями Чайковского, Мусоргского, с Могучей кучкой, на уроках пели «Мой маленький дружок, любезный пастушок». Когда в 1934 году вышел фильм «Чапаев», мы каждый день бегали в клуб, который открыли в бывшей церкви на Андроньевской площади. Иногда в течение дня бывали на нескольких сеансах, и всё это бесплатно. Смотрели этот фильм много раз не только дети, но и взрослые. Устраивались встречи с артистами: Бабочкиным, Кмитом и другими. Ребята старались быть похожими на них, во дворах играли в чапаевцев. Бабочкин играл в Малом театре, но прославился он именно в роли Чапаева.

Однажды наша ученица Шура Душина пригласила меня к себе на день рождения. Она жила с мамой в полуподвальном помещении Андроньевского монастыря, где в то время в кельях разместили рабочих. В одной из них жила Шура. Пришли я, Нина Морозова и Лида Михайлова (мы учились во втором или третьем классе). Шура достала небольшую бутылочку и говорит: «Вот это очень сладкая красная вода». Налила нам раз, второй, мы выпили и заснули. Пришла её мама с работы, с первой смены, и ахнула. Мы сидим на стульях и спим. Оказывается, она работала на ликёроводочном заводе, и дома у них было много таких бутылочек, одну из которых (кагор) мы и попробовали. Нам тогда попало, особенно Шуре, и больше она никогда нас не приглашала.

Как-то раз позвала на день рождения ещё одна наша одноклассница, Ида Либерзон. Проживала она в коммунальной квартире на Школьной улице. Кроме общеобразовательной школы, Ида училась ещё и в музыкальной по классу фортепьяно. Часто выступала на вечерах в нашей школе. Дружила только со мной, Михайловой и Душиной. Всех нас к себе и пригласила. Присутствовали её родители и домработница. За стол не садились, кого-то ждали. Мы подумали, что придёт ещё Голда Гальперн (в нашем классе были только две еврейки: Либерзон и Голда). Я спросила у домработницы, ждём ли мы Голду. Её ответ я запомнила на всю жизнь: «Нет, Голда - жидовка, грязная, противная. А мы - евреи, чистенькие, образованные». Голда и вправду всегда была с нерасчесанными волосами,

плохо одета. В той семье детей было, наверное, человек десять, и все голодные. Одноклассники после обеда всегда что-то оставляли для её братьев и сестёр. Итак, вскоре к дому подъехала грузовая автомашина, рабочие внесли в квартиру пианино - это был подарок Иде от её дяди (по матери), знаменитого детского писателя Льва Кассиля, а сам он должен был приехать вечером, когда соберутся взрослые. Ида любила меня и дружила со мной; она была очень скромная, приветливая, хорошая девочка. Когда мы учились в шестом классе, она переехала в другой район. 31 декабря 1935 года мы сфотографировались на прощание, и с тех пор я уже никогда с ней не встречалась.

В тридцатые годы открылись магазины «Торгсин», где можно было сдать золото или серебро, а за это купить одежду, обувь, продукты и другие товары. У некоторых учениц были красивые тетради, я об этом сказала маме, мы пошли с ней на Таганскую площадь, в «Торгсин», где она сдала свои красивые серебряные серьги и купила мне тетради, в которых я писала сочинения. Уже намного позже, после войны, появились магазины «Берёзка», где торговали на сертификаты и чеки Внешторгбанка СССР, которые давали в обмен на доллары и другую валюту. Правом отовариваться в этих магазинах пользовались люди, годами работавшие за границей; вернувшись на родину, они могли и здесь приобретать импортные товары. А мы, по возможности, покупали у них одежду, материалы на платье.

В нашем дворе веселее всего было летом. Мы каждый день играли в прятки, залезали во все уголки. Детский смех слышался с утра до вечера. А по воскресеньям все выходили во двор семьями, пели, плясали, устраивали конкурс, кто победит в танцах. Наша семья всегда участвовала в этом конкурсе, плясали все, кроме мамы. Она стояла где-нибудь в уголочке и любовалась, болела за нас. Первым выходил папа, снимал с головы кепку, бросал на землю и со словами «эх, чавело!» обходил круг и отбивал чечётку, сам себя подбадривая «опа! опа!». За ним выходила Мария. Она была высокая, красивая, стройная и тоже плясала цыганочку. А когда трясла плечами, то все сразу же начинали ей аплодировать. За ней Александра плясала «барыню», да ещё с частушками. Потом выходила я с «лезгинкой», которую тогда почему-то называли «кабардинкой». Затем Лида исполняла «яблочко», этот танец она потом всю жизнь отплясывала. Завершал наши выступления Алексей, который мог сплясать всё, о чём бы его ни попросили. И, конечно, мы получали первое место, никто не мог перетанцевать Овсянниковых. Я теперь понимаю, что некоторые впечатления долго живут в памяти.

В 1937 году в нашем дворе организовали «форпост»: собрали деньги с жильцов, добавили домком и мясокомбинат. Купили сетки, мячи для волейбола, городки, настольные игры (лото, домино, шашки), построили сцену, на которой выступали и взрослые, и дети. Всё это организовал брат Алексей. Он хотя и жил на Новослободской улице, но почти каждый день заходил к нам домой. Теперь в наш двор приходили играть и отдыхать почти все жители ближайших домов. Два раза в месяц мы выпускали стенгазету, часто к нам приходили комсорг и директор 464-й школы. В то

время к каждой школе был прикреплён комсорг из ЦК ВЛКСМ. О нашем «форпосте» шёл разговор по всему району, вот почему меня так уважала Александра Петровна Землемерова, директор нашей школы. У меня осталась фотокарточка от 2 мая 1937 года, где я и одноклассники сняты с комсоргом (звали её Софья, больше ничего о ней не помню) в нашем дворе около стенгазеты. «Форпост» фактически существовал до 1940 года: в 1939 году мой брат ушёл на войну с Финляндией, я поступила в институт, и после этого постепенно всё распалось, во дворе остались только городки. В июне 1941 года почти всё мужское население дома ушло на фронт, и «форпост» вообще перестал существовать.

Школа номер один на Малой Андроньевской улице, где я училась с 1929 года, была очень маленькая, даже столовая находилась в подвале. Не помню, сколько в ней было этажей, думаю, что два, и на втором этаже был зал, где нас принимали в октябрята и пионеры. А в 1936 году, когда построили десятки новых школ, меня перевели в 464-ю школу Таганского района на Мясной-Бульварной улице. Это была школа-новостройка, четырёхэтажная, светлая, с большими классами, широкими коридорами. Но вот спортивного зала в ней не было. «Два притопа, три прихлопа» перед уроками в коридоре - вот и вся физкультура. В тёплые дни на школьном дворе мы играли в салочки, прыгали через верёвочку. Когда выдавались свободные уроки (из-за болезни учителей), к нам в класс приходил завуч, просил не шуметь, а меня заставлял читать вслух что-нибудь из художественной литературы. Но ребятам надоедало сидеть в тишине, и мы начинали прыгать через верёвочку. Поднимался грохот на всю школу, к нам бежали учителя, дежурные и выгоняли всех из класса в раздевалку.

В девятом и десятом классах уже был введён урок физкультуры, мы с преподавателем ходили в Ждановский парк культуры и отдыха (теперь это Таганский парк), уютный и красивый, и сдавали нормы на значок БГТО - «Будь готов к труду и обороне». Уроки труда проходили в школе на Большой Калитниковской улице. Класс был разделён на две группы: слесарное дело и столярное. Я была в слесарной группе, там вытачивали какие-то шурупы, а в столярной делали табуретки, скамейки, столы, но куда всё это уходило - не знаю.

Рядом со школой находился мясокомбинат имени Микояна, он и стал нашим шефом. А в Сибирском проезде был клуб мясокомбината, куда мы бегали чуть ли не каждый день на кинофильмы, тем более что дневные сеансы были бесплатными, как и походы детей в музеи.

Вместе со мной в 464-ю школу были переведены Нина Морозова, Шура Душина, Лида Михайлова: наши родители попросили не разлучать нас. С этими девочками я училась с первого класса, а с Ниной все десять лет просидела за одной партой. Она с родителями и сестрой Шурой жила недалеко от 1-й школы, на улице Вековая, в маленьком деревянном домике.

Отец её работал сталеваром на заводе «Серп и молот», а мать - домохозяйка. Семья была религиозная. В большой комнате, в красном

углу, был целый иконостас, всегда горела лампадка. Родители Нины не выбросили иконы в 1929 году, но почти никого к себе в дом не впускали, а из школьников приглашали только меня.

Нас очень хорошо приняли в 464-й школе. Директором была Александра Петровна Землемерова, чудесная женщина, отличный руководитель. Она часто присутствовала на уроках, где и оценивала наши способности, узнавала увлечения. Иногда по воскресеньям мы всей школой выезжали к ней на дачу под Москвой, на озеро Бисерово (наверное, это Купавна). Я почему-то сразу ей понравилась, она впоследствии первой рекомендовала меня в комсомол, часто давала различные задания, которые я всегда выполняла добросовестно, не задерживая. Мои сочинения по литературе отправляли на выставки района.

В 1936 году, когда перешли в 464-ю школу, мы учились уже в седьмом классе, в котором было около тридцати пяти человек. Нашим классным руководителем была учительница биологии Ольга Никитична, очень строгая, но справедливая. Примерно через месяц после начала занятий собрали родительское собрание вместе с детьми. Ольга Никитична уже более-менее с нами познакомилась и, похвалив меня маме, сказала ей, что она может не беспокоиться за мою успеваемость и не ходить на собрания, после чего мама в школе больше и не была. Училась я хорошо, больше всего любила русский язык, литературу, немецкий язык, историю, ботанику, географию и тригонометрию. Из учеников седьмого класса я мало кого помню, за год мы не успели подружиться. По окончании седьмого класса нам объявили: кто хочет учиться в восьмом классе, должен написать заявление на имя директора. Многие, получив неполное среднее образование, оставили школу. Я же, не задумываясь, сразу написала заявление. Помню, как были рады родители, особенно папа.

Я со своими подругами, Морозовой, Душиной и Михайловой, оказалась в 8 «б», к нам примкнули Зина Гриднева и Валя Макарова, с которыми с того времени мы стали неразлучными, особенно с Зиной, которая жила напротив меня в Абельмановском посёлке. Зина и Валя уже встречались с мальчиками, а я вся была в общественной работе. В нашем классе в большинстве учились дети малообеспеченных родителей - рабочих и служащих. Класс был очень дружный, отличников не было, но много хорошистов. В восьмом классе меня первой приняли в комсомол и за серьёзное и ответственное поведение назначили пионервожатой в четвёртом классе. Когда же в классе стало несколько комсомольцев, меня избрали комсоргом.

Четвёртый класс, куда я была направлена пионервожатой, являлся одним из худших в школе, было очень много отстающих учеников, двоечников, некоторые в одном классе учились по два-три года. Когда я после уроков входила в класс, то эти мальчики просто вставали и уходили. С остальными я очень подружилась, и мы каждый день что-то лепили, рисовали, делали домашнее задание. Как только звенел звонок на перемену, четвероклассники уже стояли у дверей нашего класса и

бросались мне на шею.

Я училась в восьмом классе - мои пионеры в четвёртом, я в девятом - они в пятом, я в десятом - они в шестом… Когда я поступила в институт, то директор школы написала в комитет комсомола ходатайство, чтобы мне не давали никаких общественных поручений, потому что я должна быть пионервожатой в седьмом классе. Целый год я ходила к своим подопечным, но уже чаще всего мы встречались по выходным дням. Класс стал успешным, наладилась и дисциплина. Кстати, за эти четыре года мы с ребятами просмотрели все спектакли в Центральном детском театре, Театре юного зрителя. Ходили в музеи, несколько раз были на экскурсии в Храме Василия Блаженного на Красной площади. Да и где мы только не были! Пионеры любили меня, и один из них, Коля Поляков, даже признался в любви, а когда я овдовела, предлагал выйти за него замуж, обещая всегда любить не только меня, но и моего сына… Но всё это будет уже потом.

В нашем параллельном классе «а» было три отличника: Миша Язев, Любочка Кузнецова и Соня Лифенцева. Миша, как мы считали, знал больше, чем наши учителя, особенно по математике и физике. Нам иногда разрешали ходить на уроки математики в 10 «а», и как же было стыдно, что преподаватель мог решить задачу только одним способом, а вторым способом решал Миша и преподаватель аплодировал ему! Он родился и жил в религиозной рабочей семье, был стеснительным, но очень талантливым. Увлекался авиацией, занимался в кружке при Доме пионеров, откуда и получил путёвку в пионерский лагерь «Артек». По окончании 10-го класса без вступительных экзаменов был зачислен в Московский авиационный институт, в том же году мобилизован в Красную армию. В 1941 году все ждали его возвращения, но началась Великая Отечественная война и он погиб на фронте…

Любочка Кузнецова, скромная, строгая девочка из учительской семьи, поступила после окончания школы в МГУ, но в начале войны ушла в ополчение и погибла под Москвой…

Третья отличница, красавица Соня Ливенцева, поступила в ИФЛИ (Институт философии, литературы и искусства), потом он стал МГИМО. Вскоре вышла замуж за студента 5-го курса, их направили на дипломатическую работу в одну из капиталистических стран. В конце войны или сразу после её окончания семья (у них уже был ребёнок) приехала в Москву. Родители и младшая сестра, очень красивая девушка, радостно встретили её, но Сонечка вскоре заметила, что у сестры очень дорогое нижнее бельё, наряды и драгоценности, а главное, она каждый вечер уходила из дома и иногда возвращалась через день-два. От матери Соня узнала, что сестра занимается проституцией в гостинице «Метрополь», и её это потрясло. Сонечка испугалась, что об этом узнает её муж, будет скандал, и их могут не выпустить за границу, и прибежала посоветоваться к директору нашей школы Александре Петровне Землемеровой. Та, зная, что я работаю в органах безопасности, обратилась ко мне. Я рассказала об этом начальнику отдела Леониду

Максимовичу, передала ему все данные. Через день он мне сказал, что всё улажено, никто не пострадает. И правда, после отпуска Сонечка возвратилась в ту страну, откуда приехали, а сестра продолжала жить в Москве. Больше я о них ничего не слышала, да и не интересовалась.

Впрочем, вернёмся к школьным годам. Я старалась, чтобы наш класс был самым сплочённым, и всё делала для этого. Собирала вокруг себя ребят и пересказывала им книги, которые прочитала. После уроков почти все девочки шли ко мне домой. Почему они собирались у меня? Этого я и сама не могу понять. По всей видимости, всё дело в моей маме, Матрёне Осиповне, её называли святой Матроной, женщина необыкновенной души и доброты. Семья была бедная, но она обязательно всех накормит пшённой кашей, блинами, а ведь блины - еда бедных: мука, вода, дрожжи и на постном масле. Чаем напоит, а я пересказываю девочкам прочитанные книги; мы очень любили «Спартака» Джованьоли. Нам больше преподавали историю древнего мира, других стран и континентов, меньше всего касались отечественной истории, но биографию И.В. Сталина изучали, тем более что написана она была простым языком, легко читалась и запоминалась.

Кажется, в 1936 году проходил десятый съезд комсомола, и меня (одну из школы) направили в группу московских пионеров поздравлять его делегатов. Нам выдали кремовые рубашки с короткими рукавами, шёлковый пионерский галстук и кожаный ремень для брюк и юбок. Вот тогда я впервые попала в Кремль, в Георгиевский зал. Несколько пионеров со сцены читали приветствие, а мы стояли между рядами и хором выкрикивали: «Слава делегатам съезда!», «Слава комсомолу!», «Слава Сталину!» Вскоре после съезда на мясокомбинат приехали делегаты рабочих парижских боен: Бидэ, Форэ и Мессер. Пионеры Таганского района, которые приветствовали делегатов съезда, встречали этих рабочих. Нас сфотографировали, и в газете мясокомбината поместили этот снимок, где я оказалась крайней справа.

В мае-июне 1936 года у Кировских ворот, в переулке Стопани, открыли Московский городской дом пионеров и октябрят (ныне это Дворец творчества детей и юношества). Во Дворец направляли по несколько человек из района, и в числе первых попала я. Там было организовано много кружков, я записалась в танцевальную группу ансамбля песни и пляски под руководством Локтева. Репетиции проходили в выходные дни, занималась я с удовольствием. Часто мы выезжали на фабрики и заводы, где нас встречали и провожали аплодисментами. Но в этой группе я пробыла не больше года. В восьмом классе, когда мне дали комсомольское поручение, я уже не имела свободного времени для танцев.

В 1936 году пионеры, посещавшие Дворец, в том числе и я, встречали детей испанских республиканцев - очень торжественно, с музыкой. Прямо на берегу Москвы-реки, куда причалил пароход, многие москвичи забирали детей к себе домой, но большинство этих ребят распределили по престижным детским домам, где их холили и лелеяли.

Все они находились под патронатом Красного креста. Здесь юные испанцы выросли, получили образование, и через несколько лет стали возвращаться к себе на родину. А тех, кто остался, до сих пор охраняет и помогает им Красный крест. Мы тогда часто встречались с испанцами, у них на голове были пилотки с кисточкой - эспаньолки, и мы приветствовали друг друга поднятием руки и словами: «No pasaran!» («Они не пройдут!»; «они» - это фашистские мятежники). Многие комсомольцы в то время стремились уехать в Испанию, чтобы помочь республиканцам не допустить к власти Франко.

В многочисленных кружках Осоавиахима мы тогда изучали винтовку, гранаты, противогаз, сдавали нормативы на значки «Ворошиловский стрелок», БГТО, ГТО. Эти значки носили гордо, как ордена. В Парке культуры имени Горького прыгали с парашютом. Валя Макарова и другие прыгали в аэроклубе на Таганской улице.

Нашей классной руководительнице Ольге Никитичне мы помогали организовывать большую сельскохозяйственную выставку, ответственной за организацию которой назначили меня. Я поехала в Политехнический музей, где договорилась с руководством о выдаче нам муляжей овощей и фруктов. Выставка получилась отличная, на неё приходили экскурсии из других школ, посетили и из РОНО, за эту выставку школа завоевала первое место в районе.

Кроме того, у нас школе было много кружков: рисование, домоводство, авиамоделирование, прекрасный драматический, которым руководила актриса МХАТа. В этом кружке занимались Валя Макарова и Олег Успенский. Валя всегда рассказывала нам, как проходили занятия, часто просила нас пофантазировать: задавала нам этюды, а мы должны быстрее находить выход из любого, даже самого безнадёжного положения и научиться преодолевать трудности. У нас не получалось, зато Валя могла такое придумать, что мы все долго хохотали.

А жизнь в стране бурлила! Помню, как летом 1934 года прибыли в Москву челюскинцы. Целый год мы следили за дрейфом парохода «Челюскин» в Арктике, выпускали стенные газеты, лепили из пластилина самолёты, что летали на Северный полюс спасать пароход, изучали биографии героев. И теперь мы все бежали к Красной площади, чтобы их увидеть. А в 1937 году разрисовывали на карте беспосадочный перелёт в Америку Чкалова, Байдукова и Белякова - тех отважных лётчиков, которых мы встречали за год перед тем, как они совершили перелёт из Москвы на Дальний Восток, на остров Удд, через Северный Ледовитый океан. Помню, как обсуждали разгром японцев на озере Хасан в 1938 году. Такое происходило в первый раз, ничего подобного ранее не было! Мы, школьники, всем этим живо интересовались. Постоянные рекорды, трудовые, а потом и боевые победы рождали энтузиазм и обеспечивали наше патриотическое воспитание. Всё, что видели и узнавали, мы пересказывали друг другу и горячо обсуждали, гордясь нашей Родиной.

Так и проходила наша жизнь: все были увлечены учёбой, занятиями в кружках (конечно, все они были бесплатными), общественной работой,

поэтому дети по улицам не болтались.

В детстве многое не замечается, так что осталось воспоминание, что все были более-менее сыты, довольны, веселы, не было зависти, да и завидовать было нечему. Хотя я и одевалась проще всех, донашивая одежду старших сестёр, но как-то смогла сплотить вокруг себя весь наш класс, за что и любила меня директор школы. Когда я поступала в Управление особых отделов НКВД СССР, то первая рекомендация была от неё. Александра Петровна Землемерова так меня расписала, что я чуть даже не расплакалась.

К концу тридцатых годов жизнь в стране улучшилась, хотя все мы жили скромно, имели только самое необходимое, но нам было чуждо накопительство, не имелось стремления к наживе. Мы справедливо считали, что счастье не в деньгах.

Наш десятый класс был маленьким (четырнадцать девочек, шесть мальчиков), очень дружный, никто никого не подсиживал, ни на кого не жаловался. Учились хорошо, друг другу помогали и защищали. Некоторые девочки уже влюблялись, были определённые пары, а я вся была в учёбе и занятиях со своими пионерами.

Однажды во время урока ко мне за парту подсел Вася Григорьев, неожиданно послюнявил палец и провёл по моим бровям, а затем показал палец ребятам и сказал: «Нет, не красит!» И опять перешёл на свою парту. Оказывается, мальчишки поспорили, крашу ли я брови, а я, как и мама, была чернобровая, никогда не красилась и не применяла косметику.

В школе больше всего не любила и не понимала химию. Преподавателем химии был Николай Самуилович Холкин, ему почему-то дали кличку Чапельник . Он мне очень симпатизировал. Бывало, вызовет к доске, задаёт задачи, а сам подсказывает, чуть ли не сам их решает. Я нервничаю, переживаю, знаю, что все будут смеяться, ведь даже за плохое знание урока он всё равно поставит мне четыре или пять. И меня прозвали Чапельницей. Я его за это ненавидела, избегала, а он всё равно вёл себя так же. Даже когда фотографировали наш выпускной десятый класс, он растолкал всех моих подруг и встал рядом со мной. Недалеко от Николая Самуиловича жила наша одноклассница Вера Рыбина, так она была в курсе его семейной жизни: у него были жена и её племянница, которых он держал в страхе. В начале Великой Отечественной войны Холкин ушёл в ополчение, воевал под Москвой. Не знаю уж, что там было, ведь бои были очень тяжёлые, с переменным успехом, и в какой-то момент немцы (наверное, они окружили подразделение) через громкоговоритель обещали жизнь тем бойцам, кто перейдёт на их сторону. Тогда Николай Самуилович поднял руки и пошёл к немцам, а кто-то из красноармейцев его застрелил…

Преподавателем русского языка и литературы был Пётр Кириллович Боголепов. Прекрасный учитель, мы заслушивались его рассказами, просто внимали ему. Он очень много знал и привил нам любовь к чтению. Пётр Кириллович называл нас только по именам, его уроки были к тому

же уроками интеллигентности, такта, гуманизма, справедливости и доброты. Когда он возвращал после проверки наши диктанты и сочинения, то говорил об их недостатках и достоинствах так, как будто это были произведения классиков! Он любил, чтобы в сочинениях мы высказывали свою точку зрения, и чаще всего задавал сочинения на свободную тему. Как-то после встречи детей испанских республиканцев я написала об этом и отдала Зине Гридневой, а она переписала и сдала учителю. На следующем уроке Пётр Кириллович раздал работы всем, кроме Зины. На вопрос, где же её сочинение, он ответил, что поставил пятёрку, но эта оценка принадлежит не ей, а Овсянниковой. И поставил мне две пятёрки - за два сочинения, а Зине пришлось всё писать самой. Пётр Кириллович сказал, что уже хорошо знает слог и письмо каждого из нас, поэтому его трудно обмануть.

Боголепов видел, что меня обожают пионеры, которые всегда ждали конца урока около нашего класса. И он, и все наши преподаватели решили, что я должна поступить в педагогический институт на филологический факультет, а после его окончания придти на смену Петру Кирилловичу. На всех собраниях и вечерах говорили об этом и в итоге убедили меня.

Когда я уже работала в военной контрразведке, мне по долгу службы пришлось зайти в церковь на Таганской улице. Перелистывая метрическую книгу, я увидела, что там записан Пётр Кириллович Боголепов, и, конечно, поинтересовалась им. Оказалось, что его отец был настоятелем этой церкви, а сам Пётр Кириллович с детства пел в церковном хоре, затем окончил духовную семинарию, его взяли в хор Большого театра, у него был очень красивый тенор. Но однажды на охоте ему выбили глаз, из театра пришлось уйти, и тогда он стал преподавать литературу в школах (в 1936-1939 годах - в 464-й). На школьных вечерах Пётр Кириллович обычно исполнял арии Ленского, романсы. Мы все, преподаватели и ученики, были влюблены в него, а он полюбил ученицу старше нас на один год и женился на ней.

Историю и обществоведение преподавал Александр Павлович Ефременко. Часто, входя в класс, он говорил: «Достаньте учебник по обществоведению, на странице такой-то вырвите лист или зачеркните портрет - это враг народа!» Мы послушно вычёркивали и больше о нём не вспоминали.

Географию вёл Василий Николаевич Хмелёв. На стене класса висела большая географическая карта, стоял глобус, и мы с ним путешествовали по всему миру. Хорошо разбирались в карте, знали тогда все страны, республики, города и многое другое.

Скажу, что вообще все учителя относились к нам очень внимательно, с ними можно было посоветоваться по любому вопросу.

В школе мне не нравились математика и геометрия, а вот тригонометрию любила. Увлекалась немецким языком. Из класса я и Коля Климкин лучше всех знали немецкий язык. Однажды учительница его

спросила, что он читает в газете. «Ich lese nach Zeitung nur происшествия», - ответил он. Всё было правильно, кроме последнего слова, сказанного по-русски.

Как же мы смеялись, и он вместе с нами! Коля очень безобидный мальчик, жил в деревне Грайвороново, в Текстильщиках, где, как говорили, его отец имел большой огород, выращивал овощи и продавал их. Ребята называли Колю «огородником». Он не был ни пионером, ни комсомольцем, а после уроков, не задерживаясь, всегда бежал домой. Я встретила его случайно после войны. Мы обрадовались, немного поговорили, и он рассказал, как попал в плен к немцам. Когда они узнали, что он из Москвы, то сразу же стали кричать, что он комсомолец, избивали его, выбили все зубы. Уже после войны он вставил их, причём все золотые.

Когда учились в девятом, десятом классах, девочки из «а» класса разделились на «лемешанок» и «козловитянок» , первые были поклонницами, или, как теперь принято говорить, фанатками Сергея Яковлевича Лемешева, вторые - Ивана Семёновича Козловского. В классе на одной половине доски всегда стояла подпись Лемешева, на второй - Козловского: девочки очень похоже копировали их автографы. Фанатки ходили на концерты, посылали на домашний адрес их фотографии, а те возвращали снимки с автографами. Доходило до того, что девочки бегали к домам своих кумиров, подглядывали в окна, потом делились впечатлениями. Это было не только в нашей школе и не только среди подростков. Однажды Пётр Кириллович собрал нас, учениц классов «а» 1 и «б», и с возмущением сказал, что был на концерте Лемешева в Колонном зале Дома союзов, и ему было очень стыдно видеть своих учениц, которые, не дожидаясь окончания концерта, прыгали по креслам в грязных туфлях, направляясь к сцене. Пётр Кириллович возмущался, а девочки смеялись. Такие ярые фанатки учились в «а» классе, мы по сравнению с ними были поскромнее и победнее.

Иван Фёдорович Карев, с которым мы служили в Особом отделе Московского округа ПВО, как-то рассказал, что две его дочери были фанатками Муслима Магомаева, всегда бегали на его концерты. Однажды они подошли к сцене, и Магомаев, прежде чем дать автограф, присматривался к девочкам и попросил у младшей дочери её телефончик. Карев очень возмущался.

А тут поведением фанаток Лемешева оказалась возмущена вся Москва, когда вечером после концерта они большой группой провожали его домой и не подпустили к нему жену, Ирину Масленникову, вышедшую его встретить. Одна из фанаток на слова Масленниковой, что она является женой Лемешева, ответила: «Ты недавно стала женой, а я уже давно». Лемешев промолчал, а Масленникова подала в суд на развод. Их развели, и шум в Москве был большой. Почему Лемешев промолчал? Боялся потерять поклонниц? А ведь он всегда подчёркивал, что очень любит Масленникову, которая родила ему дочь Машеньку.

Уже позже, зимой 1952 года, я шла по заданию по улице Горького (нынешняя Тверская). 28 августа того года я родила Лену, после родов

пополнела, вышла на работу в новом зимнем пальто с воротником из чёрно-бурой лисы с хвостиками. Иду довольная, весёлая. Впереди меня - мужчина в светло-бежевом пальто, костюме такого же цвета, шляпе и очках. Часто оглядывался и всегда встречался с моим взглядом. Я поняла, что знаю этого человека, но никак не могла вспомнить, кто это. Он зашёл в дом. Посмотрев в блокнот, я увидела, что мне нужен этот же дом. Вхожу, а мужчина стоит в лифте и меня спрашивает: «Войдёте?» Я по голосу узнала Сергея Яковлевича Лемешева. Опешила, ответила ему отрицательным качанием головы. Он поднялся наверх, а я от лифтёра вызвала домоуправа. Листаю домовую книгу, вдруг появляется Лемешев. Оказывается, они с домоуправом договорились идти в отделение милиции по поводу прописки домработницы. В то время действовало указание МВД: на правительственной трассе не прописывать лиц, которые были на оккупированной немцами территории, а домработница прибыла оттуда. Домоуправ познакомил меня с Лемешевым, стал вспоминать о его жёнах, посмеялся, что тот променял молодую Масленникову на «старуху» Веру Николаевну Кудрявцеву. Лемешев сказал, что он меня заметил от Центрального телеграфа и подумал, что я его новая поклонница, но никак не работник органов. Поговорили, посмеялись, он дал мне свой номер телефона и просил, чтобы я звонила ему, когда понадобится билет в Большой театр. Эту записку с телефоном я отдала начальнику отделения Зернову, так как мы обязаны передавать руководству всё то, что нам предлагали, а лучше вообще от всего отказываться. У Лемешева я только поинтересовалась, почему он был на улице в очках, и в ответ услышала, что он устал от поклонников, поэтому и закрывает своё лицо, чтобы его не узнавали. Ему очень хотелось показать нам свою дочь Машеньку, мы втроём поднялись в квартиру и в прихожей увидели большой портрет его дочери. После этого расстались, они с домоуправом пошли в отделение милиции, а я - дальше по адресам.

Моя свекровь, Елена Никифоровна Гречанинова, была фанаткой Козловского, могла часами говорить о нём, сравнивать его голос с голосами Лемешева, Собинова. В молодости её родители снимали дачу по Казанской железной дороге (её отец был главным бухгалтером в администрации этой дороги), а соседнюю дачу арендовал на лето тенор Большого театра Собинов. У него почти каждый день собирались гости, и Елена Никифоровна до утра слушала, как он пел романсы. Тогда-то она и полюбила оперу. Однажды мы с ней были в бане, уже одевались. Стоял гул, ничего не было слышно, а она вдруг услышала голос Козловского. Громко крикнула: «Тише!» Все онемели и услышали, что по радио поёт Козловский. Тишина была абсолютная, только ария Ленского: «Куда, куда вы удалились?» Закончилось пение, некоторые ей крикнули: «Вот это бабка!» Елена Никифоровна жила очень скромно, но ухитрялась откладывать деньги, чтобы с младшим сыном Юрием, офицером Красной армии, который приезжал на время отпуска в Москву, сходить в Большой театр, послушать оперы с участием Ивана Семёновича. Билеты покупали у перекупщиков по фантастическим ценам.

Десятый класс мы окончили 20 июня 1939 года, а на следующий день

был выпускной вечер. К нему готовились заранее. Профком мясокомбината выделил нам для бутербродов колбасу нескольких сортов, а РОНО - деньги на хлеб и минеральную воду. Спиртного не было, денег с родителей не собирали, но стол получился богатым. Вечер начался с выступления директора школы Александры Петровны, с пожеланиями выступили из профкома мясокомбината, районного отдела народного образования, родительского комитета школы. Все они и, конечно, учителя пожелали нам поступить в институты и не забывать школу. В торжественной обстановке мы получили аттестаты о среднем образовании, и начались танцы, которые продолжались до ночи. В перерывах, как всегда, пел Пётр Кириллович, Валя Макарова и Олег Успенский читали Пушкина, я плясала «кабардинку», Валя - «цыганочку». Всем было весело, мечтали о будущем: кто куда будет поступать учиться или работать, обещали не забывать друг друга, почаще собираться в школе.

Почти все поступили в институты, но в сентябре вышел указ правительства: с 1939 года призывать на срочную службу в Красную армию сразу же после окончания десятого класса. Поэтому всем мальчишкам, уже зачисленным в институты, пришлось идти в ряды РККА. Демобилизоваться они должны были летом 1941 года, чтобы 1 сентября уже пойти на учёбу в тот институт, в который были зачислены в 1939-м. Но началась Великая Отечественная война, и почти все наши мальчишки погибли на фронте… Даже Миша Язев, о котором я уже писала, гордость школы, круглый отличник, о котором говорили, что он будет осваивать космос, так и не пришёл в Московский авиационный институт, куда поступил в 1939 году.

После войны я однажды встретила на рынке Колю Климкина. Несколько раз видела Олега Успенского, он стал артистом драматического театра, женился и уехал куда-то на север. А больше никого и не видела.

В 1996 году, впервые после войны, мы с Валерой приехали в мою 464-ю школу - на её 60-летие. В коридоре первого этажа висела большая стенгазета, посвящённая выпускникам школы. Неподалёку я увидела двух сестёр Миши Язева: стоят, держат в руках фотокарточку 10-го «а» класса. И я подошла, с фотографией нашего 10-го «б». Пришла ещё одна женщина, посмотрела фотокарточку и вдруг, показывая на ней меня, говорит: «А это Нюрочка Овсянникова. Она ездила с нами вожатой в пионерский лагерь, часто выступала в художественной самодеятельности. Однажды мой папа, услышав её пение, сказал, что это будет актриса». И стала меня расхваливать. Валера выслушал её и показал на меня: «А вот и Нюрочка Овсянникова!» Она смутилась, что не узнала меня. Конечно, трудно было узнать через пятьдесят лет!

Из присутствовавших на этой встрече я была самой старшей по возрасту, поэтому меня попросили выйти на сцену и рассказать, как сложилась моя жизнь после окончания школы. И когда я стала рассказывать, что по окончании института служила в Смерше, в зале

воцарилась полная тишина. Я подумала, что что-нибудь не в порядке с моим костюмом. Осматриваюсь, всё нормально. Тогда спрашиваю, почему все замолкли? Раздаётся мужской голос: «Смерш - это страшно». Я рассмеялась и говорю: «Разве я страшная?» Рассказала, чем занимался Смерш во время Великой Отечественной войны и что за люди работали там. Потом все стоя мне аплодировали, а директор школы подарила все цветы, которые были приготовлены для выпускников.

В конце вечера меня пригласили на 70-летие школы, которое собирались праздновать через десять лет - в 2006 году. Прошло десять лет, накануне юбилея я позвонила в школу и узнала, что у них сменился директор и ничего праздноваться не будет, так как в школе проходит единый государственный экзамен. Жаль, нам с Валей Макаровой так хотелось побывать на 70-летии!

Однако сбылось: 26 февраля 2011 года меня пригласили на 75-летие школы. За 15 лет состоялось ещё 15 выпусков, поэтому молодёжи было больше. Одна из школьниц 1958 года выпуска спросила, сколько мне лет. Услышав, что в этом году мне исполняется 90, ахнула, а все зааплодировали. Директор школы Елена Валериановна Астафьева показала мне Музей боевой славы, фото всех директоров школы, начиная с 1936 года, и я увидела портрет первого директора, нашу Александру Петровну Землемерову. Рада была несказанно, как будто я лично встретилась с ней! Елене Валериановне 40 лет, я старше её на 50 лет, и она призналась, что о Смерше ничего не знает, даже и не слышала. Я подарила школе фотографию нашего выпускного 10-го «б», фото с учителем физкультуры и диск «Комиссар госбезопасности». Директор поблагодарила за эти подарки и сказала, что покажут фильм всем учителям, ученикам старших классов, а в День Победы 9 мая - ветеранам, которые всегда приходят в школу и беседуют с учениками.

И ещё эпизод. Когда моя внучка Маша Верина училась в гуманитарном колледже, то на одной из лекций по истории преподаватель стал говорить о недостатках в работе органов безопасности в период войны, плохо отзывался об Абакумове и других руководителях военной контрразведки. После его лекции Маша попросила слова и сказала, что её бабушка очень тепло говорила об этих людях, так как она с ними служила. После этого преподаватель, читая лекции, всегда смотрел, здесь ли Маша, и ничего негативного не говорил.

О школе я вспоминаю с большой любовью. Мы там не просто учились, мы там жили. Особенно запомнились встречи с известными в стране людьми: участниками Гражданской войны, артистами, - которые проходили довольно часто.

В предвоенные годы мы жили скромно, были проблемы и материальные, и бытовые, но, несмотря на это, жили дружно и весело, радовались, что жизнь постепенно становилась лучше. Страна развивалась на энтузиазме, то время само по себе романтичное, когда ни о здоровье, ни об удобствах не думалось. А сейчас в цене практицизм и деньги, поэтому в большем почёте торговец, нежели трудовой человек.

Ещё будучи школьниками, мы часто ездили в Центральный парк культуры и отдыха имени Горького. Это был самый большой парк в Москве, его построили в 1930 году на пустыре замоскворецкой свалки по распоряжению Сталина. Люди приходили сюда целыми семьями, наслаждались свежим воздухом, зеленью. В парке имелось много аттракционов: большое и малое колесо обозрения, горка «мёртвая петля» и другие. В те годы это было в диковинку. Действовали открытые площадки, где слушали лекции, участвовали в диспутах, смотрели выступления участников художественной самодеятельности. В Зелёном театре парка были сборные концерты: Изабелла Юрьева, Тамара Церетели, Ирма Яунзем, Вадим Козин, Лидия Русланова, Редель Хрусталёв, Смирнов-Сокольский, Василий Качалов. Сольные концерты давали Церетели, Козин, Утёсов. У Козина был чарующий голос, особенно когда он исполнял романсы «Мой костёр», «Калитка», «Ехали цыгане», «Пара гнедых», «Улыбнись, Маша», «Когда простым и нежным взором», «Чудо-чудеса», «Осень, прозрачное утро», «Смейся, смейся громче всех», а когда пел «Нишую» и «Пара гнедых», то многие зрители плакали.

Почти из всех окон раздавались песни, исполняемые Петром Лещенко: «У самовара я и моя Маша», «Моя Марусенька»,«Марфуша замуж хочет»,«Мишка, Мишка, где твоя улыбка» и другие. Его пластинки продавались моментально, почти у всех были граммофоны, потом патефоны, а у нас К.П. Луньков исключительно хорошо пел на бис все песни Лещенко.

1936-1940 годы - какое хорошее и весёлое было время! Ходили на демонстрации, чтобы только увидеть на трибуне Иосифа Виссарионовича Сталина. Мы со школой всегда проходили по Красной площади в последнем ряду от трибуны Мавзолея - это шёл Таганский район, и когда видели Сталина, то радость была безмерная. Маршируя в праздничном строю, уверенные и оптимистичные, утверждали, что другой такой страны не знаем, где так вольно дышит человек: Сталин - наша слава боевая! Сталин - нашей юности полёт! С песнями, борясь и побеждая, Наш народ за Сталиным идёт!

Мы ходили весёлые, пели радостные песни, несли портреты Сталина и членов Политбюро. О репрессиях, которых сейчас столько говорят, мы и не слышали. Из наших родственников и знакомых никто не пострадал.

Вот так и прошло моё пионерско-комсомольское детство.

Глава 2. Мои родственники

Немного расскажу о родственниках мамы, с которыми она не прерывала связи. Родители мамы умерли очень рано, она их даже не помнила. Я знала её брата Дмитрия Осиповича Волченкова и двух её сестёр - Татьяну Осиповну Борзенкову и Федосью Осиповну Ланину. Слышала, что они часто вспоминали о брате Антипе, который служил в царской армии, а после службы вернулся в деревню, жил у Татьяны Осиповны, часто болел, так и не женился, вскоре умер. Были ещё сёстры,

но умерли в молодости. Старшая сестра, Татьяна Осиповна, была очень властной. Ещё девчонкой её отдали в прислуги к богатому крестьянину, который, когда овдовел, на ней женился. Так она и осталась в деревне Борзенки, где все носили фамилию Борзенковы. У них был богатый дом, очень большой сад, который славился на всю область, особенно яблоками, которые они продавали и на эти деньги жили.

В 1928-1929 годах я на лето выезжала в деревню к тёте Фене, которую мы с мамой очень любили.

Тётя Феня на несколько дней отвозила меня к тёте Тане, чтобы меня там подкормили. Но я только и ждала, когда же меня заберут обратно, так как Татьяна Осиповна была очень жадной. Когда я говорила, что хочу есть, она отсылала меня в сад, поэтому яблоки мне опротивели. Отправив меня в сад, она в это время кормила своих детей. Правда, детей было очень много, но только двоих из них я позже видела в Москве.

А Федосья Осиповна так и осталась бедной женщиной. У неё не было никакого скота, молоком её угощали односельчане. Замуж вышла за такого же бедняка, он погиб в Империалистическую войну. Осталось двое детей: сын Василий и дочь Фрося. Василия в тридцатые годы призвали в Красную армию, а он был единственным кормильцем в семье. Односельчане посоветовали тёте Фене ехать к Всесоюзному старосте Михаилу Ивановичу Калинину, председателю ЦИК СССР [1]. Когда она пришла к нему и стала просить, чтобы сына оставили дома, так как они с дочерью нетрудоспособные, Калинин ответил: «Ты что, бабка? А кто нас защищать будет?» Вася отслужил в армии и приехал в Москву, поселился у нас, спал на полу. Малообразованный, но трудолюбивый, скромный и очень добрый человек. Пошёл работать на автозавод имени Сталина, жил у нас три года, затем получил комнату в общежитии в деревне Нагатино. Каждое лето отправлялся в отпуск к матери, пару раз с ним ездила и я, а моя сестра Александра вообще до самого замужества приезжала к ним.

Дом у тёти Фени был большой, но ветхий, в деревне его называли домом на курьих ножках. Все окна были открыты, а на моём подоконнике, когда я бывала там, всегда стояла тарелочка с ягодами и стакан молока. Это приносил мне молодой парень, хромой (инвалид детства), проживавший в соседнем доме. У них был богатый дом, жили там родители и много детей, почти все сыновья. Семья была очень дружная, работали с утра до вечера, иногда даже просили односельчан помочь им с уборкой. Те охотно помогали, за что всегда получали лошадей и технику для обработки своей земли. А когда заканчивалась уборка, то у них собиралась вся деревня. Кормили хорошо, обедали все не торопясь. Хозяйка несколько раз подливала щи, потом вываливала в большую миску нарезанную кусочками говядину, и хозяин стучал ложкой по краю чашки. Это означало, что можно приступать к мясу. После этого тихо и степенно каждый брал в ложку по одному куску мяса. Затем следовала каша с маслом. Все были сыты и довольны. Мне это очень нравилось, мяса ели

[1]ЦИК (Центральный исполнительный комитет) СССР - высший орган государственной власти до 1938 года.

досыта и взрослые, и дети, нас никогда не ругали, если мы тянулись за мясом чаще, чем взрослые. Почти вся деревня ходила в эту семью что-то попросить, они никогда никому не отказывали. Но году в 1930 или 1931 Вася приехал из отпуска и рассказал, что вся деревня плакала, когда эту семью как кулаков выселили, и они вынуждены были уехать, не зная куда. Больше о них ничего не слышали.

Когда я приезжала в деревню, все жившие там знали, что я москвичка, и ребята часто, но без злобы посмеивались надо мной. Удивлялись, что я не разбираюсь в грибах, и как-то набрали мне самые красивые грибы, целое лукошко. Счастливая, я принесла их тёте Фене, которая так и ахнула: это были поганки. В деревне Большие Сальницы, где жила тётя Феня, все знали мою маму. Когда мы шли в поле, многие женщины спрашивали у неё: «Этот ангелочек Матрюшечкина?» Вместе со всеми я ходила полоть лён. Когда садились отдыхать, меня все угощали, а я плясала для них «лезгинку». Как мне всё нравилось: поле, лес, речка! Один год приехала туда на праздник Троицы. Все пошли к реке, взяли и меня с собой. Смотрю, все девочки плетут венки из цветов, бросают в воду и что-то говорят. И мне сказали сделать то же самое. Оказывается, бросая венок в воду, надо узнать, куда он поплывёт, там и твой жених живёт. Я стояла на берегу и смотрела, куда поплыл мой венок, а на том берегу было Спасское-Лутовиново, имение Тургеневых. Мне было всё интересно, всё ново - в Москве я этого не видела и не слышала.

Вечерами молодёжь ходила на танцы в ближайшие деревни, чаще всего в деревню Овсянниково. Однажды взяли с собой и меня. Когда возвращались ночью домой, то я увидела сзади огоньки. Вася взял меня на руки и сказал, что это волки, но бояться их не надо, они не тронут, потому что нас много.

Такие мои воспоминания деревне, а с третьего класса я уже ездила в пионерские лагеря. Помню, как мы добирались до деревни Большие Сальницы. По железной дороге до станции Чернь, там нас встречали на повозке.

Мы собирались с Михаилом Ивановичем Зиберовым проехать по тем местам, откуда родом наши родители. Его отец в 1912 году выехал из Орловской области на заработки на Украину, да так там и остался. Собирались-собирались мы, но это оказалось только мечтой, потому что первое время работали, а когда Михаил Иванович вышел на пенсию, то стал болеть и было уже не до поездки в Тульскую и Орловскую области. В 1987 году Чернский район вообще был заражён Чернобылем. А какой был красивый район!

Тётя Феня часто приезжала к нам из Нагатина, жила по несколько дней, они с мамой были очень дружны, никак не могли наговориться. Однажды приехала к нам в слезах. В то время Нагатино было деревней. Вася получил комнату в общежитии, а остальные дома почти все были частными, где держали коров и птицу. И вот тётя Феня во дворе вешала сушиться бельё, к ней сзади подошёл бык и осторожно поднял её на рогах вверх, а она, как и все бедные женщины в то время, была без трусов.

Собрался народ, смеются, она перепугалась, да и стыдно было. Потом бык так же осторожно поставил её на землю. Народ посмеялся и забыл об этом, да и она успокоилась.

Дочь тёти Фени, Фрося, что-то не поладила с женой Васи и уехала с подругой в город Орск Оренбургской области. Первое время она писала письма матери, а после смерти тёти Фени переписка прекратилась. Михаил Иванович Зиберов по моей просьбе разыскал Фросю в Орске, переговорил с ней, и она просила передать брату, что у неё всё в порядке, живёт хорошо. Затем связь с ней опять прекратилась, а потом и Василий умер.

Брат мамы Дмитрий Осипович, дядя Митя, тоже приехал из деревни в Москву, долго жил у нас, потом получил от работы комнату в районе Малой Калитниковской улицы, всю жизнь проработал завхозом, но где - не знаю. Во время Великой Отечественной войны помогал нам материально, особенно семье Шуры. Женился на падчерице своей сестры Татьяны, тоже Татьяне Борзенковой, с ней до конца жизни и прожил. Любил мою маму, старался как-то помочь ей. Знал, что мой отец любил выпить, но как его отучить? И вот дядя Митя с мамой договорились: пришёл как-то вечером к нам, принёс поллитровку, и они с отцом сели за стол, мама поставила закуску. Отец открыл бутылку, разлили по стаканам. Дядя Митя выпил, поморщился и закусывает. Отец немного отпил, посмотрел на маму и дядю Митю, а те никакого внимания на него не обращают. Допил стакан и спрашивает:

- Это что? - Ты же видишь, что это водка! - отвечает дядя Митя. - Это вода! - и папа пробурчал что-то про себя (дома мата мы от него никогда не слышали). - Нет, водка! Ты же видишь, что опечатана сургучом. Оказывается, мама с братом договорились, что запечатают воду. Что подумал отец, так и не узнали. Но с того времени он не стал пить дома, приходил уже выпивший и только пел: «Сухой бы корочкой питался…», а потом и вовсе пить перестал. Умирал он очень тяжело - от рака желудка. Его не стало 4 января 1945 года, провожали на кладбище всем двором. Мама перед его смертью спросила, с кем ей жить, и он сказал: «Только с Нюрочкой». Так мама и прожила со мной до своей смерти.

Меня в детстве и юности звали Нюрочкой, даже Анатолий подарил мне в 1940 году пудреницу, на которой сделал гравировку: «Нюрочке от Анатолия». В Магнитогорске стали звать Нюсей, а с 1942 года - Аней. Родилась я блондинкой, но примерно к тридцати годам волосы стали темнеть, а после шестидесяти лет - седеть.

Папа, когда уже болел, сказал мне: «Когда будет трудно, прочитай молитву: «Помяни, Господи, сына царя Давида и всю кротость его. Ныне и присно, и во веки веков». И когда мне бывает тошно на душе, я произношу её, но не ведаю даже, из какого он завета [2]. Других молитв не знаю.

Мама очень любила своих сестёр, брата и их семьи, всё делала, чтобы

[2]«Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его» - псалом на утоление гневных сердец.

вытащить родных из деревни, устроить в Москве. Это ей удавалось, несмотря на то что и у самой семья была немаленькой - четыре дочери и сын.

Старшая моя сестра, Мария Кузьминична (1911 г.р.), красавица, вышла замуж за Константина Павловича Лунькова, который жил в нашем же доме, в квартире номер один. Он ходил за ней по пятам, отгонял от неё поклонников, которых было множество, даже угрожал им, и многие боялись зайти к нам в квартиру. Он рано остался сиротой, жил со своими сёстрами Елизаветой Павловной и Марией Павловной. Семья была бойкая, в доме их даже побаивались. Константин Павлович работал в милиции, в уголовном розыске, откуда был переведён в центральный аппарат НКВД. Во время Великой Отечественной войны был заместителем начальника Управления по делам военнопленных и интернированных. Успешно справлялся со своей работой, очень хорошо излагал свои мысли, несмотря на то, что окончил только четыре класса.

После войны в звании подполковника уволен в отставку и стал работать начальником охраны: автозавода имени Сталина, велозавода, а в последнее время на мясокомбинате имени Микояна. Все эти предприятия когда-то находились в его оперативном обслуживании. Луньков был награждён орденами и медалями, знаком «Почётный чекист». Он с гордостью подчёркивал, что этот знак ему вручил лично Лаврентий Павлович Берия. Но после того как в 1953 году Берию арестовали и расстреляли, Константин Павлович больше о знаке не вспоминал. В молодости он увлекался голубями. Во дворе построили голубятню, и все дети дома с его разрешения размахивали шестом: или разгоняя голубей, или их созывая. Всё свободное время Константин Павлович проводил на голубятне, его даже называли Костя-голубятник. Но в начале войны он разобрал голубятню и выпустил птиц. В нашем «форпосте» играл в городки, всегда был на соревнованиях победителем. Очень любил футбол, болел за команду автозавода «Торпедо». Если она проигрывала, то был зол, к нему боялись подойти. Если выигрывала, то каждый гол приветствовал криками «Ура!». Мама всегда молилась за эту команду, чтобы Костя не ругал Марию за проигрыш «Корпеды», как она её называла.

Константин обладал хорошим голосом, во всех компаниях был запевалой, исполнял песни Петра Лещенко, в общем мог себя показать. Любил только себя и свою семью, а остальных, можно сказать, и не признавал. Мария Кузьминична тоже окончила всего четыре класса, работала кондуктором в трамвае, затем продавцом в магазине «Детский мир», что на Таганской площади, а в 1937 году, когда родилась Галя, уволилась и уже до конца жизни нигде не работала, растила Галю, затем Володю.

Долго не забывали свадьбу Марии и Константина в 1930 году, когда весь дом гулял три дня и три ночи. Праздновали во дворе, расставили несколько столов, водку и закуску несли сами жильцы. Приходили с работы и, не заходя в свою квартиру, садились за стол, потом шли на

сеновал: одни засыпали, другие просыпались и опять гуляли. Шум, музыка, даже трамваи останавливались, идущие по Большой Калитниковской улице, и пассажиры спрашивали, что за праздник. А Мария в 1930-1931 годах работала в этом трампарке, но на время свадьбы ушла в отпуск, а затем и вообще уволилась оттуда.

Толкование имени Мария - госпожа, преподобная. Общительна, хоровод поклонников обеспечен с ранней юности. Обидчива, своенравна, верна своим детям. Дети Марии и Константина: старший сын Костенька (1931-1935); дочь Галина (1937-2003), работала на велозаводе, была делегатом одного из съездов КПСС, окончила Московскую городскую партийную школу. Последнее место работы - отдел кадров велозавода; младший сын Володя (1945-1981) - светлое пятно в семье. Все члены семьи кремированы и похоронены в одной могиле на Калитниковском кладбище.

Мой единственный брат Алексей Кузьмич родился в 1915 году. Папа возлагал на него большие надежды, хотел, чтобы он получил высшее образование и, как говорится, вышел в люди. Но Алексей после окончания ФЗО дальше учиться не захотел и поступил на Дербенёвский химический завод, где вскоре его перевели в дирекцию завода, он был избран в профсоюзный комитет, отвечал за культурно-массовую работу всего предприятия.

Алексей был очень доброжелательный, общительный, настоящий лидер, вокруг которого всегда собиралась молодёжь. Отец гордился, видя, с каким уважением относятся к Алексею и директор завода, и начальники цехов. Летом он организовывал поездки на теплоходе, однажды и мы выехали с заводом всей семьёй в «Бухту радости». Он создал на заводе театральную студию «Синяя блуза», ставил спектакли; помню один из них - «Чужой ребёнок» Шкваркина. С этими спектаклями студийцы ездили по клубам в Москве, имели большой успех.

Алексей с детства любил плясать, танцевать. В Парке культуры Таганского района каждый вечер проводились танцы, и лучшие призы за исполнение всегда получал он. Вся эстрадная площадка, где играл баянист, была исписана: «Лёша, я люблю тебя». Поклонниц у него имелось полно, и у нас в квартире часто устраивались вечеринки. Родители наши были гостеприимны, приветливы и доброжелательны. Приходили ребята и девушки из рабочих семей: пели, танцевали; не было ни одной драки, ни одного скандала. Алексей не употреблял ни водку, ни вино, не курил, и мама всегда готовила ему клюквенный морс.

Один из его друзей работал где-то на хладокомбинате, откуда привозил мороженое, которое мы купить не могли. Алексей даже выступал в Театре народного творчества (сейчас это зал имени Чайковского) - исполнял танцы народов нашей страны. Хорошо помню, как он плясал «лезгинку» то по-грузински, то по-азербайджански. Для своих выступлений доставал в театрах костюмы напрокат. Однажды в 1934 или 1935 году он пригласил выступить и меня - с «кабардинкой». Я надела привезённый им костюм, но сапоги были великоваты. И когда я

отплясывала на сцене, они соскочили с ног. Раздался смех, но я до конца дотанцевала босиком, а за кулисами горько плакала. Конечно, приза не получила, но мне дали шоколадку - наверное, чтобы успокоилась. Потом меня окружили корреспонденты газет, интересовались, где я училась танцевать, как учусь в школе, в какой семье родилась и так далее, а у меня всё слёзы из глаз лились, так мне было обидно.

Лёша очень любил маму, а из сестёр - меня, искал мне учебники, очень хотел, чтобы я училась. Привозил нам с мамой билеты в театр, и мама, которая раньше никогда нигде не была, попала и в МХАТ, и в зал имени Чайковского и даже в филиал Большого театра. В зале имени Чайковского мы были на концерте хора Пятницкого, а в филиале Большого театра в 1939 году слушали оперу «Сказка о царе Салтане». Восторг был огромный, да и я сама первый раз посетила этот театр. На следующий день сдавала экзамен по тригонометрии, получила пятёрку. Считала, что этому помогла опера.

В 1936 году Алексей женился на Елене Александровне Мартыновой и ушёл жить к ней, на Новослободскую улицу, дом десять, квартира тридцать пять. Вот тогда-то мама плакала, что отдала одну нашу комнату чужой женщине, так как в это время уже Александра привела к себе мужа. Ведь были ещё и мы с Лидой, да к тому же кто-нибудь из маминых родных у нас жил: она всех привечала, а родственники, пожив у нас, устраивались на работу и уходили в общежитие.

Елена Александровна тоже работала на Дербенёвском химзаводе, в чертёжном бюро, вместе с Алексеем выступала в студии «Синяя блуза», где они и познакомились. Жила она в семье, где кроме матери были два брата и две сестры, а квартира была трёхкомнатной. Молодым выделили отдельную комнату, но питались все вместе, материально жили хорошо, главным образом на зарплаты братьев: Василия Александровича и Николая Александровича. Алексей, бывало, получит зарплату, а через неделю Елена Александровна говорит: «Деньги все», и Алексей тогда приходил обедать к нам. Мама всегда готовила ему омлет из двух-трёх яиц и молоко, а в её отсутствие это делала я, хотя он и стеснялся. Отец и мама покупали ему и костюмы, и сорочки, и вообще всю одежду.

Василий Александрович работал в Кремле, в секретариате, и кое-что нам рассказывал. Например, как однажды на территории Кремля встретил Сталина. Испугался и забежал в подъезд. Второй раз - тоже. А когда это повторилось в третий раз, Сталин зашёл за ним следом в подъезд и говорит: «Разве я такой страшный? Нечего бегать от меня!» После этого, встречаясь, они здоровались, и Сталин ему всегда улыбался. Василий Александрович покупал в Кремле сладости, которых мы нигде и не видели. Погиб он в Великую Отечественную войну, на фронте.

Второй брат, Николай Александрович, работал в НКВД следователем, дослужился до полковника, стал старшим следователем по особо важным делам при министре Абакумове [3]. Во время войны он часто вылетал по

[3]Виктор Семёнович Абакумов (1908-1954): в 1941-1943 годах - начальник Управления особых отделов НКВД СССР, затем ГУКР «Смерш» НКО СССР; в 1946-1951 годах - министр

заданиям на фронт. Николая Александровича я знала ближе, поскольку он был другом моего первого мужа, Анатолия Харитонова, дружил с Алексеем, очень уважал моих родителей. Он-то и рекомендовал меня на работу в Управление особых отделов НКВД.

В 1951 году Николая перевели в другое отделение, которое располагалось в кабинете рядом с тем, где он сидел ранее. В один из дней в июле-августе того же года приходит он на работу и, как всегда, первым делом идёт здороваться с прежними сослуживцами. Вдруг видит: комната опечатана, а дежурный на его вопрос: «Что случилось?» - ответил, что всех ночью арестовали. Получалось, что только его случайно не арестовали [4]. Через несколько месяцев он был переведён на Петровку, 38. При встрече сказал мне, что там, куда его перевели, воровство, пьянки, «такая грязь, о которой мы и не догадывались. Жаль, что Сталин до них не добрался!» - этим он и закончил свой рассказ.

Мы много лет не виделись с Николаем, а когда в 1994 году встретились, я узнала, что участником Великой Отечественной войны он не считается. Когда ему посоветовала написать заявление в ФСБ, он испугался и говорит:

- Ты что? Хочешь, чтобы меня арестовали? - За что? - А их за что? Ведь я работал с ними, с Абакумовым, ни в чём они не виноваты, а их арестовали и расстреляли!

Мы с его сестрой с трудом убедили Мартынова, чтобы он написал заявление, а моя дочь Лена проконсультировалась с юристом ФСБ, который сказал, что Николая Александровича к ответственности привлекать не будут, даже хотя бы потому, что ему уже восемьдесят лет. Тогда Николай Александрович написал заявление, Лена сдала его в приёмную ФСБ и вскоре получила на него удостоверение участника войны, а мы с внучкой Машей передали всё это его жене. Николая сразу положили в госпиталь, так как у него уже отказывали ноги, на улицу он не ходил. А через некоторое время он умер. Ужасно: десятки лет прожил под страхом, что к нему вот-вот придут и арестуют! А какой хороший был человек, честный, скромный, трудолюбивый, прошёл Смерш…

Ещё хорошо помню сестру Елены Александровны Анну, или Нюню, как её называли. Алексей всегда говорил, что его в той семье любит только Нюня. Она и меня любила. Когда я ходила к племяннику Володе, сыну Алексея, она всегда стояла у окна и высматривала меня. Вырастила и Володю, и его детей. Добрая была женщина.

Сын брата, Владимир Алексеевич Овсянников, всю жизнь проработал

госбезопасности СССР. Репрессирован. В 1994 году приговор «за измену Родине» изменён на «за злоупотребление служебным положением», однако мера наказания оставлена та же, и, несмотря на все свои заслуги перед государством, Абакумов до сих пор не реабилитирован.

[4] 12 июля 1951 года министр госбезопасности СССР Абакумов был арестован по сфальсифицированному обвинению в государственных преступлениях, осуждён и приговорён к расстрелу 19 декабря 1954 года. По этому делу было арестовано и репрессировано большое количество сотрудников органов госбезопасности.

в Министерстве путей сообщения, почётный железнодорожник. Отличный муж, заботливый отец и дед. Все усилия приложил к тому, чтобы оба внука окончили Университет путей сообщения.

Жена Владимира, Людмила Ивановна, работала зубным врачом. Моя мама, увидев Люсю в первый раз, сразу сказала, что Володе повезло: хорошую хозяйку выбрал. У них двое детей: сын Алексей и дочь Алла, оба имеют хорошие семьи, работают на желёзных дорогах, а Володя и Люся помогают им советами и воспитанием внуков, да и деньгами.

Что означают имена? Алексей - защитник, преподобный. Елена - светлая, сияющая. В точности наследовала характер отца. Категорична, подвержена сменам настроения. Принципиальна, целеустремлённа. Владимир - равноапостольный, священномученик. Людмила - людям милая. Мученица.

Вторая моя сестра, Александра Кузьминична Смирнова (1917 г.р.), окончила семь классов, дальше учиться не захотела, пошла работать тоже на Дербенёвский завод. Очень жизнерадостная, всегда имела много поклонников. На заводе познакомилась с инженером Григорием Григорьевичем Смирновым, за которого в 1936 году вышла замуж, и они заняли в нашей квартире тёмную комнатку - это был закуток от большой комнаты, там стояли кровать, комод и малюсенький столик.

13 января 1937 года у них родился сын Юрий, который спал в верхнем ящике комода, а днём лежал в детской коляске в большой комнате, где жили наши родители, мы с Лидой и брат Алексей. После завтрака коляска выносилась на улицу. Я в это время училась во вторую смену, и все мои одноклассницы очень хотели покатать коляску, даже очередь установили. Коляска с живой куклой или инстинкт женщины?

Во время войны Александра ездила с детьми в эвакуацию в Челябинск, где сильно заболела, а потом сама удивлялась, как только жива осталась. После смерти мужа в 1965 году работала на заводе в охране, умерла в 1987 году.

Григорий Григорьевич работал на Дербенёвском химическом заводе, затем на заводе «Акрихин» где-то под Москвой, откуда перешёл в Министерство среднего машиностроения; по достижении возраста уволился на пенсию. О нём вспоминаю с любовью и глубоким уважением. Очень умный, скромный, любил и уважал моих родителей и всю нашу семью. Мы прожили с ним, можно сказать, одной семьёй с 1936 по 1965 год. Никогда не было ни ссор, ни одного конфликта. В последние годы он очень плохо видел, и я почти каждое воскресенье ходила с ним на кладбище к своему отцу. Мама была спокойна, что меня сопровождает мужчина, что я не одна туда хожу, а я возьму его под руку, и мы медленно-медленно идём. На кладбище сажаю его на скамейку, сама убираю могилку, а он рассказывает мне о своей жизни, детских годах в деревне Тома Костромской области, своей работе, шахматах, которыми увлекался и своих сыновей научил играть. Я знала, что иногда в выходные дни Григорий Григорьевич ходил играть в шахматы на Гоголевский

бульвар. В то время любители шахмат и домино собирались на Гоголевском, Суворовском, Тверском бульварах и сражались друг с другом. Около них всегда собиралась толпа, но всё проходило тихо, спокойно, никому они не мешали.

Много рассказывал он и о своём брате, Иване Григорьевиче Смирнове, который работал маляром-художником, расписывал стены в квартирах певцов, балерин Большого театра, обшивал стены шёлком. Часто ездил в Среднюю Азию, где занимался этим же делом. Был знаком с писателем А.С. Новиковым-Прибоем [5], нередко с ним встречался.

А как мы смеялись с Григорием Григорьевичем, вспоминая о наших поездках на дачу на станции Лесной городок, где мы с ними снимали двухэтажный дом (мы с мамой - первый этаж, а они - второй). Григорий Григорьевич подъезжал за мной на работу на мотоцикле, который он почти всегда чинил, я садилась сзади, и мы по московским дорогам мчались на дачу. Я очень боялась, так как вокруг нашего мотоцикла едут большие автомашины, а мы где-то внизу, такие маленькие. Я даже иногда от страха закрывала глаза. Но все страхи были напрасны, мы благополучно приезжали на дачу, где нас ждали. Григорий Григорьевич был очень порядочным и честным человеком, всегда что-то делал, мастерил, очень любил жену и детей.

О чём говорят их имена? Александра - мужественная, мученица. Честный человек и требует от других такой же правдивости. Но в характере прослеживается властность, категоричность, требовательность. Александра трудолюбива, не любит сидеть дома, её дети вырастают воспитанными и образованными людьми. Григорий - бодрствующий, священномученик.

Александра Кузьминична, Григорий Григорьевич и его брат Иван Григорьевич умерли в возрасте семидесяти лет, их прах покоится в колумбарии на Донском кладбище. У Александры и Григория трое детей: старший сын Юрий (1937 г.р.), очень похож на отца, такой же мастер на все руки, никогда не сидит без дела, всегда чем-то занят. Когда обращаешься к нему с просьбой, никогда ни в чём не отказывает. Окончил Институт радиотехники, электроники и автоматики (МИРЭА), работал в НИИ радиотехники и до сих пор трудится на предприятии, связанном с радио. Его жена, Надежда Константиновна Смирнова, инженер, тоже окончила этот институт и работала вместе с ним в НИИ. Очень порядочная, честная, её любила и уважала моя сестра, её свекровь. У них один сын Максим, окончил тот же институт, что и родители, поступил в аспирантуру, работает в фирме, связанной с компьютерами. Весь в отца и мать, мастер на все руки. Я считаю, что это одна из лучших семей.

Дочь сестры, Ирина Григорьевна Шевченко (1941 г.р.), порядочная, скромная женщина, двадцать шесть лет проработала в органах КГБ-ФСБ, откуда и ушла на пенсию. Муж её, Юрий Леонтьевич, инженер, изобретатель. Помню, как в телевизионной передаче «От всей души»

[5]Алексей Силыч Новиков-Прибой (1877-1944) - автор эпопеи «Цусима», лауреат Государственной премии СССР.

показали двух его дядей, тоже Шевченко, выехавших на сцену на маленьком тракторе, который они собрали сами. А Юрий лично изобрёл тренажёр-пушку для тенниса и назвал его «Оксана», по имени своей дочери. Дочь, Оксана Никитина, работает в НИИ, воспитывает сына Юрия, студента химического института. Её муж, Андрей Никитин, работает на фирме, очень порядочный и честный человек.

Моя младшая сестра Лидия Кузьминична Калюсина (1926 г.р.) живёт в Красноярске. 15 июня 1941 года она сдала последний экзамен за седьмой класс, а 22 июня началась война. Ей тогда было пятнадцать лет. 7 февраля 1942 года поступила работать на Московский велозавод (потом стал заводом «Мосприбор»). Трудилась слесарем на сварочном аппарате, делала детали для автомата ППШ. Норма - 110 штук, а она давала 150-180, работала по двенадцать-четырнадцать часов в сутки. Была маленькая, худенькая, и чтобы достать до станка, ей ставили под ноги скамеечку. 16 августа 1943 года уволилась и 1 сентября уже была в Магнитогорске у мужа - Бориса Сергеевича Калюсина. Работала там секретарём-машинисткой в обкоме комсомола. В 1944 году переехали с мужем в Уфу, в 1954 - в Красноярск. Два года (1954-1956) прожили в Енисейске, где видели репрессированную сестру Берии. В 1956-1957 годах прожили в Ленинграде, а с 1957 года находились в Красноярске. С 1960 года работала в Красноярском агентстве Гражданского воздушного флота, последняя должность - заместитель начальника Центрального агентства воздушных сообщений, в 1989 году уволилась на пенсию.

С её мужем Борисом Сергеевичем (1916 г.р.), лётчиком, я познакомилась в 1941 году, когда приехала в Магнитогорск к своему мужу Анатолию Харитонову. Они с Борисом были друзьями, жили в одной комнате. Прожив там примерно две недели, я узнала, что моего Анатолия должны были направить на фронт.

И тогда Борис Сергеевич пошёл к командиру отряда и попросил послать на фронт его, а Харитонова оставить, мотивируя тем, что тот только что женился. Его отправили на фронт. В 1943 году под Сталинградом Борис был сбит, попал в плен, одну ночь немцы продержали его в яме, но даже допросить не успели: он убежал, вернулся к своим, и его отправили в Москву, откуда Калюсин должен был вылететь командиром отряда в Магнитогорск.

Зашёл он к нам на Мясную Бульварную, увидел Лиду и с первого взгляда влюбился в неё. Перед тем мы знакомили Бориса с моей подругой, но тут он воскликнул: «Мне никто не нужен, кроме такой красавицы, как твоя сестра!» Они договорились, что Лида приезжает к нему. Так она и сделала. Ей было семнадцать лет. Когда в 1945 году родилась дочь, они зарегистрировали брак. Борис Сергеевич до 1975 года летал на самолётах Ан-24 и Ил-18. В 1989 году ушёл на пенсию, а в марте 2000 года тяжело заболел и 5 июля 2004 года умер.

Что сказано об их именах? Лидия - мученица. Энергична, но эта энергия расходуется на суету, разговоры, бесконечные обсуждения мелких проблем. Работает честно, хозяйственна, аккуратна, ей

свойственно следить за нравственностью других. К себе Лидия относится не так критично. Борис - благоверный князь. Выписав значения имён, прихожу к выводу, что многое сходится с характером моих родных.

Их дочь, Галина Седнева (1945 г.р.), окончила биологический факультет педагогического института, работала в лаборатории поликлиники, умерла в 1985 году от астмы. Её сын Артём родился 23 мая 1971 года, его воспитывали бабушка и дедушка - Калюсины, и он взял их фамилию: Артём Владимирович Калюсин. Несколько лет был пилотом ГВФ, в 2005 году уволился, работал в фирме, связанной с финансовыми вопросами, но недолго. Теперь опять летает в ГВФ, живёт в Красноярске с женой и двумя дочерьми.

Кажется, никого из родственников не забыла. Может быть, не всё о них написала, кое-что упустила. Я спешу написать побыстрее, так как боюсь, что не успею.

Глава 3. Институтские годы

В 1932 году на улицах Москвы появился лозунг: «Даёшь метро!» На эту ударную стройку приезжали комсомольцы со всего Союза. Руководил строительством метрополитена Лазарь Моисеевич Каганович. 15 мая 1935 года первая линия метро была открыта. Вначале впускали только экскурсии, все рвались посмотреть «лестницу-чудесницу» - эскалатор, полюбоваться оформлением вестибюлей станций.

Станции метро не раз переименовывались. Например, станция «Площадь Дзержинского» названа так потому, что в здании бывшего страхового общества расположилось учреждение ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД-МГБ-КГБ, а сейчас ФСБ. Первым руководителем ВЧК был Феликс Эдмундович Дзержинский. В 1990 году станцию переименовали в «Лубянку». Красивая была площадь, посредине стоял памятник Дзержинскому, как бы связывая площадь, превращая её в целостный ансамбль. Когда в августе 1991 года по телевизору объявили, что по приказу первого мэра Москвы Гаврилы Попова памятник Дзержинскому демонтируют, я помчалась на площадь. Вышла из метро, памятник уже сняли, а мимо «Детского мира» шла толпа пьяных молодых людей, задирая прохожих. Впереди шёл один из них с мегафоном, приглашая к ним присоединиться и равняться на первых, не отставать. В первом ряду шёл и скандально известный впоследствии Станкевич. А я стояла и плакала. Пожилые люди рядом со мной смотрели на толпу с осуждением. Мне сразу представились кинокартины, как в 1917 году сбрасывались памятники, хулиганили на улицах, громили. Наверное, с того времени не люблю и не уважаю Г. Попова. Тем более что в газете «Московский комсомолец» печатали его статьи, в которых он клеветал на Советский Союз, Великую Отечественную войну, военачальников. Затем он стал ректором Международного института, занимающего большой особняк на Ленинградском проспекте, 17 - бывшее здание Московской высшей партийной школы. Институт платный, студенты подъезжают сюда на импортных автомашинах. Вот и представьте, чьи дети там учатся, что из

них вырастет!

В 1939 году я окончила десять классов и по совету преподавателей сдала документы в Московский городской педагогический институт имени Потёмкина [6], который потом соединился с пединститутом имени Ленина, на филологический факультет. Первый экзамен сдавала по литературе и русскому языку. Предложили пять тем для сочинения, четыре были очень лёгкие (образы героев из произведений, которые мы проходили в школе), а я выбрала пятую - «Гамлет и гамлетизм», - оказалось, одна из всех. Посчитала, что если иду на филологический факультет, то и тему надо выбрать потруднее. Сочинение написала быстро, и мне казалось, что с темой я справилась.

На следующий день пришла сдавать устный экзамен по литературе. Ответила на все вопросы по билету и на дополнительные. Смотрю на экзаменатора, а тот улыбается, кивает с удовольствием на мои ответы. Взял он зачётный лист, намереваясь поставить оценку, но посмотрел в свой блокнот и опять задаёт вопросы. Уже и сам устал, а я отвечаю на всё без запинки. Тогда он спрашивает меня: «Девочка! А какую же тему в сочинении вы раскрывали?» И когда услышал, что я написала о Гамлете, расхохотался и сказал: «Я - профессор, но за эту тему не взялся бы. Наверное, хотела блеснуть?» Я кивнула, а он продолжил: «Вот и получила отметку 3/5» (за раскрытие темы - три, а за орфографию - пять). Поэтому он и посматривал в свой блокнот, где у него были выписаны отметки за сочинения абитуриентов. За устный экзамен он выставил мне жирную пятёрку и посоветовал на будущее брать на экзаменационных сочинениях самые лёгкие темы. Когда же в сентябре мы приступили к занятиям, он, входя в аудиторию, всегда искал меня, улыбался: «Гамлет пришёл, пора начинать». В первый приход на лекцию профессор написал на классной доске свою фамилию - Сухотин, с ударением на последнем слоге. Это был родственник Льва Николаевича Толстого.

Все экзамены я успешно сдала и первого сентября приступила к занятиям. Моя одноклассница Вера Рыбина поступила на исторический факультет, потом она стала директором школы в нашем же Таганском районе.

Первые занятия филологического факультета проходили в массивном старинном здании в начале Большой Грузинской улицы, по нечётной стороне. Но через два-три месяца нас перевели в школьное здание в переулок Гаврикова, недалеко от метро «Красносельская». Там же занимался факультет рисования и живописи. Руководство и секретариат института остались на Большой Грузинской. В начале Великой Отечественной войны это здание переделали в госпиталь, институтские переехали на Гранатный переулок, 8, недалеко от Никитских ворот.

В первых числах сентября 1939 года, когда мы прогуливались в перерыве между лекциями, к нам подошёл студент третьего курса нашего факультета Вилькин: «Девочки! На третьем этаже гуляет Пушкин.

---

[6]Владимир Петрович Потёмкин (1874-1946) - дипломат, нарком просвещения РСФСР, президент Академии педагогических наук.

Хотите посмотреть?» Мы, конечно, все бросились на третий этаж, где увидели, что по коридору ходят студенты третьего курса и среди них действительно прохаживается Пушкин. Но это был, конечно, не Александр Сергеевич, а его праправнук Саша Кологривов, очень похожий на Александра Сергеевича, только повыше ростом, смуглый, такие же курчавые волосы, немного посветлее и всегда улыбающийся. Накануне войны Саша окончил институт, и я его больше не видела. Но в 1970-1972 годах в квартире Лидии Николаевны Лаврентьевой я познакомилась с её подругой, Риммой Лебедевой. Разговорились, и она рассказала, что работала с Сашей Кологривовым на Всесоюзном радио, и все, работавшие там, говорили о нём как о чутком человеке, душевно расположенном к людям. У него было много сил и весёлой энергии. Во время разговора с ней узнала, что он умер.

В начале марта 2006 года я перечитала «Рассказы о потомках А.С. Пушкина» В.М. Русакова. Оказывается, после окончания пединститута, в первые же дни войны, Александр Всеволодович Кологривов был направлен в Муромское училище связи, но уже в октябре 1941 года сражался под Москвой как командир отделения и училище смог закончить только в начале 1945 года. Прошёл с боями Смоленщину, Вязьму, форсировал Одер, везде устанавливал связь между наступавшими подразделениями. Был и в Берлине, в августе 1946 года демобилизовался в звании подполковника. Вскоре пришёл работать на Всесоюзное радио, где показал себя способным журналистом, очень скромным человеком, никогда не хвастался родством с великим поэтом. Александр Кологривов общался со многими деятелями литературы и искусства. В августе 1968 года получил приглашение от ныне покойных детей Ф.И. Шаляпина (жившей в Москве Ирины Фёдоровны и приехавших из-за рубежа Лидии Фёдоровны и Бориса Фёдоровича) поехать вместе с ними в Михайловское и Ленинград.

В эту поездку отправилась и Надежда Алексеевна Пешкова, вдова сына А.М. Горького. Кологривов предполагал подготовить радиопередачу, посвящённую детям знаменитого русского певца, но 24 августа скоропостижно скончался. Похоронили его в Москве, на Ваганьковском кладбище. У него осталось двое детей: Андрей, тогда девятнадцати лет, и Ольга, семи лет.

Наш курс был небольшой, главным образом состоял из девчат. У окна сидели, по нашему мнению, богатые. Это, прежде всего, Вилькина - красивая, высокая еврейка. Её брат, о котором я уже упоминала, учился в нашем институте на курс старше. Их отец в то время был директором большого универмага около метро «Добрынинская». Вокруг Вилькиной вертелись другие обеспеченные студенты - Барон и Ада Ратнер. Фамилии других я не помню. Ада Ратнер после Великой Отечественной войны работала в клубе КГБ на Большой Лубянке, преподавала в детской музыкальной студии по курсу фортепьяно.

Мы, которые победнее, дети рабочих, сидели в третьем ряду, на последних партах. Разница между нами была очень заметная. Они были

хорошо одеты, очень раскованы, немного даже нагловаты. Всегда лезли вперёд, отталкивая нас, а мы по сравнению с ними казались пришибленными, забитыми. Вместе с нами сидела Юлиана Алкснис, чистенькая, аккуратненькая, всегда в тёмном платье с беленьким воротничком. Мы знали, что она живёт с тётей и младшим братом, который учится в общеобразовательной школе и музыкальной, а Юлиана после занятий в институте даёт частные уроки по русскому языку, чтобы оплатить музыкальную школу брата.

На первом комсомольском собрании нашего курса значилась тема приёма в комсомол. Первый вопрос, который задали Юлиане, был: «Кто ваш отец?» Она ответила, что её отец - Яков Иванович Алкснис, бывший командующий ВВС, в 1938 году арестован НКВД и расстрелян как враг народа. В приёме ей было отказано, а я впервые увидела «члена семьи врага народа». После того Юлиану перетащили к себе наши богатые, обеспеченные студентки. Водили с собой в столовую, буфет, всё оплачивали. Что было с ней дальше - не знаю.

В 1956 году на стенде в библиотеке Дома офицеров Московского округа ПВО я увидела небольшую книжечку «Алкснис», взяла её посмотреть. На первых страницах книги был портрет семьи Алксниса: он, его жена, дети (Юлиана и её брат), все счастливые и весёлые. Я обрадовалась, поняв, что отец Юлианы реабилитирован, и решила, что и с ней всё в порядке. Но в 2004 году купила книгу Г.Ф. Байдукова «Командарм крылатых» о трагической судьбе Алксниса и его семьи. Меня удивило, что в ней ни слова не сказано о Юлиане, как будто её в этой семье никогда и не было! Яков Алкснис был арестован в конце ноября 1938 года, расстрелян в июле 1939-го. Его жену, Кристину Карловну, арестовали 24 ноября 1938 года и держали в Бутырской тюрьме, затем в Лефортовской. Обещали её и сына отпустить на все четыре стороны, если она откажется от мужа как врага народа. Кристина Карловна на это не согласилась, была осуждена на шесть лет и отбывала наказание в лагере Потьма Мордовской АССР. Через шесть лет её освободили и осудили снова, теперь уже на двадцать пять лет, сослав в Красноярский край. Когда в декабре 1955 года её реабилитировали, она выехала к сестре в Ригу. В 1956 году посмертно реабилитировали и Якова Алксниса. Так что только через девятнадцать лет Кристина встретилась со своим сыном Имантом, который воспитывался в интернате, потом работал. Однако на протяжении всей книги ни слова не сказано о Юлиане. И я до сих пор не знаю, что с ней случилось. Или она отказалась от отца? Кстати, её племянник Виктор Алкснис - известный политик, депутат Государственной думы двух созывов.

Училась я с удовольствием, записывала все лекции, много читала, просиживала часами в библиотеке института, потому что многие книги я нигде не могла найти.

Русский язык преподавал профессор Сухотин. Он многое рассказывал нам о писателях, с которыми был знаком лично, литературных произведениях, о которых мы раньше и не слышали. Когда началась

Великая Отечественная война, профессор поехал с институтом в эвакуацию, взяв с собой только книги, изданные до 1917 года; по дороге, как об этом говорили потом студенты, он умер в поезде от истощения. Оказалось, что из продуктов у него с собой ничего не было взято, а путь оказался слишком долгим. Ему предлагали помощь преподаватели и студенты, но он от всего отказывался, понимая, что и у других продуктов в обрез.

Лекции по русской литературе, языкознанию и фольклору читал профессор Соколов или Соловьев (точно не помню), его лекциями мы заслушивались. В то время ему, наверное, было за семьдесят лет, ходил медленно, с палочкой, его всегда сопровождал сын, тоже профессор, преподававший русский язык на старших курсах. Мы видели, как сын осторожно приводил и уводил его из аудитории, а затем, прихрамывая, спешил на свои лекции, которые читал по своему же учебнику. Лекции по фольклору и языкознанию были очень интересными. Профессор ездил по всей России, записывал диалекты, заговоры, и, рассказывая о своих поездках, всегда говорил на тех диалектах, которые свойственны этим областям. Мне, например, запомнился диалект Псковской и Новгородской областей, где сочетание «дн» произносили, как двойное «нн». Например:

Менный ковш упал на нно, А на нне-то холонно. И обинно и досанно. Ну, уж ланно. Всё онно!

Старомосковское произношение считается образцовым. Часто говорили, что москвичи «акают», а в Рязани и Поволжье «окают». Но сейчас по причине миграции диалекты утрачены. А сколько профессор знал заговоров! На экзамене по фольклору на первом курсе мне достался билет, в котором стоял вопрос о заговорах. Я всё рассказала, а профессор спрашивает, какой заговор я знаю. И его надо не только рассказать, но и продемонстрировать. Я вспомнила заговор против ячменя, так как мама сама всегда заговаривала меня от ячменей. «Ячмень-ячмень, на тебе кукиш, что хочешь, то купишь. Купи себе топорок, секи себя поперёк. Тьфу-тьфу-тьфу!» - три раза плюёшь на ячмень. Профессор заинтересовался этим заговором, достал свой блокнот и записал, спросив, от кого его слышала. Узнав, что так меня заговаривала мама, уточнил, где она родилась, от кого слышала заговор. Я рассказала о маме, на что он ответил, что в Тульской и Орловской областях бывал неоднократно, но слышал там другой заговор от ячменя и продемонстрировал его мне.

Слушать профессора было интересно: каждый день мы узнавали что-то новое. С ним мы читали Библию на церковно-славянском языке. Мама выпросила такую Библию у соседей по дому, Демидовых, но они дали её всего на несколько дней и каждый раз спрашивали, боясь, что потеряю. Так я её и не дочитала, возвратила хозяевам. Читать же Библию было очень трудно.

На втором курсе все предметы, которые у нас вёл этот профессор, закончились, и он уходил на пенсию. Старшекурсники просили сообщить, когда будет его последняя лекция, чтобы проводить его на заслуженный отдых, поблагодарить за все лекции, которые и они прослушали, уверяя,

что такого лектора уже никогда не услышат. Предложили нам сделать для него общий подарок. Мы избрали комиссию, которая занялась подготовкой к чествованию. Узнали, что он мечтал об одной книге в подарочном издании (какой - не помню). Пошли в знаменитый тогда букинистический магазин Сытина на Лубянской площади, недалеко от Ильинских ворот, и узнали, что в данный момент у них этой книги нет, но мы предупредили: если она появится, то первый в очереди на неё - наш профессор. Когда книга появилась в магазине, наша комиссия получила её, оставив на всякий случай письмо, что купили книгу для профессора.

И вот наступила последняя лекция. Аудитория заполнена студентами со всех курсов, приехали даже из ректората. Лекцию профессор читал блестяще, закончилась она под аплодисменты. Вышла к трибуне наша комиссия и преподнесла профессору адрес и книгу. У него появились слёзы на глазах, он ничего не мог сказать, только произнёс: «Мне не дорог твой подарок - дорога любовь твоя» - и заплакал. Все встали, аплодировали и проводили его до преподавательской. Мы шли за ним со слезам и на глазах, как будто прощались с близким нам человеком. Больше я его не видела.

Лекции по психологии нам читал Шапиро, и учились мы по его учебнику. От него узнали, что И.В. Сталин по национальности – ассириец [7]. В Москве в то время было очень много ассирийцев, все они были чистильщиками сапог: стояли с ваксой чуть ли не на всех улицах и переулках. Шапиро занимался спортом, рассказывал много о футболе. Всё время поправлял нас, говоря, что футбол - игра, которая появилась впервые в Англии, поэтому надо произносить «футбол» с ударением на первом слоге. Занятия с Шапиро были монотонными, неинтересными, и мы частенько убегали с его лекций в кинотеатр недалеко от института, на Краснопрудной улице.

Руководителем кафедры зарубежной литературы являлся Александр Абрамович Исбах. Он не только читал лекции, но и занимался литературным творчеством, литературоведением, даже входил в редколлегии журналов «Октябрь» и «Знамя». Его очерки были переведены на многие языки. Он лично знал писателей Д. Фурманова, А. Серафимовича, В. Маяковского, Э. Багрицкого, Б. Горбатова, В. Луговского, А. Барбюса, Л. Арагона и его жену Э. Триоле, а также Л. Брик и других. Вторая жена Исбаха, Валя Барановская, была студенткой нашего факультета, на курс старше. Когда он читал лекцию, то безотрывно смотрел на Валю, больше никого не видел. А она посещала все его лекции на всех курсах, и он в перерывах беседовал и беседовал с ней. Приятно было видеть их вместе.

Благодаря Исбаху на нашем факультете регулярно выходила стенгазета во всю стену коридора, для неё писали статьи и преподаватели, и студенты. Больше всего статей было от самого Исбаха. Вообще на его лекции приходили со всей Москвы. На нашем курсе зарубежную литературу читал Михальчи, но мы часто сбегали с его

[7]Очевидная ошибка.

занятий, чтобы послушать Исбаха, в которого все были влюблены, так как он интересно рассказывал о писателях, которых хорошо знал лично и изучал их творчество.

В первые же дни Великой Отечественной войны, когда мы окончили второй курс, Исбах добровольно ушёл в Красную армию, и я его больше не видела.

Но после войны читала его статьи в газетах и литературных журналах. Однако когда в конце 1940-х годов разразилась борьба с космополитизмом, Исбах был арестован и обвинён в том, что он и его сотрудники копаются в творчестве поэтов «Серебряного века», - об этом написал в МГБ один преподаватель института, который хотел занять его место. Никто не мог помочь Исбаху, даже отец жены, полковник Генштаба, и его направили отбывать срок на север Красноярского края. О его нахождении там я прочитала в «Повести о пережитом» Бориса Дьякова. После смерти Сталина Исбаха освободили, реабилитировали, восстановили во всех правах. Забыв обиды, он постарался наверстать упущенное: часто ездил по стране и миру, много писал и оставался таким же фанатично преданным идеалам своей юности. Умер в 1977 году, его книги, к сожалению, больше не издаются, литературное творчество не изучается. Не те времена, не те темы, не те герои! А ведь этот человек прошёл службу в рядах Красной армии, был на войне с белофиннами, а с 22 июня 1941 года находился в центре военных действий: политработник, военный корреспондент фронтовой газеты «За Родину». С войны подполковник Исбах вернулся при орденах и медалях, его фронтовые записки легли в основу первых послевоенных книг о Великой Отечественной войне: он честно рассказал о том, что сам видел и пережил. До самой смерти он заведовал кафедрой зарубежной литературы в нашем институте.

Некоторые лекции по литературе читал Ревякин (темы не помню), что-то - Веселов, который написал и издал небольшую книжечку «Кто такой Сергей Есенин».

Как я уже отмечала, на нашем факультете всегда была стенгазета. Около неё толпилось много студентов и преподавателей. Здесь нередко даже возникали диспуты, которые продолжались в аудиториях. Было очень интересно, особенно спорили о Маяковском и Есенине, которых многие хорошо знали, бывали на их литературных вечерах, но никто никогда не говорил, что их кто-то убил, все считали, что это были самоубийства. Наши преподаватели учили нас стихосложению, написанию рассказов, отзывов о художественных произведениях. И тогда я впервые написала стихотворение - послание брату, который в 1939-1940 годах воевал с белофиннами.

Здравствуй, брат мой милый,
Брат родной, любимый,
Шлёт тебе сестрёнка
Дружеский привет…

(Дальше не помню.)

Это стихотворение я записала на пластинку (их называли виниловыми; автор неправа: по адресу Москва, ул. Горького, д. 4, 2-й этаж звукозаписи наносили на целлулоидные заготовки резцом; получившаяся после записи целлулоидная стружка мгновенно сгорала при поджигании; прим. обработчика) в ателье фото - мелодии (ул. Горького, дом 4), отправила брату, и сейчас она находится у племянника Владимира Овсянникова. Конечно, это стихотворение я не предлагала в нашу газету, но рефераты туда передавала. Написала несколько маленьких пьесок на бытовые темы, которые мы ставили в нашем дворе, и я в них играла главные роли.

Из иностранных языков у нас преподавали немецкий, спрашивали очень строго. Я, как и раньше, любила его, хорошо читала, переводила, а большего и не требовалось. Каждое утро по дороге в институт учила слова, заранее выписав их на листок, поэтому переводила быстро, изредка пользуясь словарём. В 1986 году, когда мой внук Дима заканчивал техникум и никак не мог сдать зачёт по немецкому языку, я сделала ему все переводы. Его родители и в школе, и в институте изучали английский язык, поэтому помочь не могли. Я же в 1942 году окончила институт и с того времени за немецкий язык не бралась. Но значит, хорошо успевала, раз смогла помочь Диме сдать зачёт.

В институте нам преподавали военное дело. Начали проходить его уже в старших классах школы, а в институте продолжили: тщательно изучали оружие, разбирали и собирали его, стреляли в тире. Многие занимались в аэроклубах. Валя Макарова мечтала о небе, но медкомиссия не допустила её к прыжкам на парашюте. Другие окончили аэроклуб, прыгали с парашютами, затем пошли в авиационные училища. Преподавали нам и первые навыки по медицине: накладывали повязки, бинтовали. Обязательны были уроки физкультуры. В институте был прекрасный спортивный зал, где мы занимались лёгкой атлетикой, качались на кольцах, делали упражнения на турнике, прыгали через кожаного коня, играли в волейбол, а высокие ростом студенты - в баскетбол. Плавали в Лефортовском парке, на реке Яузе. Я сдала все нормативы на значок ГТО, кроме плавания и гребли. За меня и многих других девушек плавание сдавали наши же студенты, мальчики.

В то время Лефортовский парк был очень красивый, чистый и ухоженный. Много было каскадов и гротов. В свободное время мы часто ездили туда гулять, покататься на лодках, послушать музыку: там всегда играли оркестры, даже днём, когда там гуляли только мамы с детьми.

Учебную практику мы проходили в школах. Однажды пришли на практику вместе со своим преподавателем, а нам навстречу бегут школьники и громко-громко поют: «Кто куда, а я в сберкассу, с буквой «з» и с одним «с»». Мы остановились, ничего не понимаем, а они окружили нас и продолжают петь. Оказалось, что один наш студент-практикант, написав на доске решение задачи, вместо «сберкасса» написал «зберкаса». На следующий день мы пришли в другую школу, а там

ученики встречают нас той же частушкой. Создалось такое впечатление, что это поют уже по всей Москве. Этот парнишка, хорошо знающий математику, был не в ладах с русским языком. Его исключили из нашего вуза, он перешёл в учительский институт, где за два года готовили учителей для начальных классов и в дипломе указывалось среднее специальное образование.

Если не ошибаюсь, после Великой Отечественной войны по зову ВКП(б) из китайского города Харбин в Советский Союз приехало много русских, работавших на КВЖД [8]. Среди них была писательница Наталья Ильина (1914 г.р.), которая в Москве написала книгу о своей жизни, в которой много рассказывала о преподавателях нашего института, где она училась ещё до нас.

Что ещё помню об институте? Я стала более свободной, общительной и каждый месяц получала стипендию. Тогда первым делом мы с сокурсницей Зоей Ивановой бежали в кондитерскую в Столешниковом переулке, где готовили лучшие в городе пирожные, мы покупали своим мамам марципан - вкусную сладкую булочку. Остальные деньги я отдавала маме и была счастлива, что хотя и немного, но помогаю в финансовом плане семье.

Посещала все молодёжные вечера, к нам приезжали артисты театра и кино, смотрела художественную самодеятельность. Однажды один студент пригласил к нам на вечер своего друга Василия Смыслова. Он был нашим ровесником, учился в каком-то техническом институте. На вечере он переиграл со всеми студентами- шахматистами и в каждой партии победил.

В феврале 1940 года морозы в Москве доходили до минус 42 градусов, но занятия не прекращались. Правда, в аудиториях разрешили сидеть в пальто, шапках, платках и валенках. Но, несмотря на тёплую одежду, мы мёрзли. Такую же зиму мы пережили и в 1941-1942 годах. До июня 1941 года у нас дома не было радио. В июне 1941-го наш дом радиофицировали. Вспоминаю, как мы радовались, когда отец принёс чёрную тарелку радио, и у нас зазвучали новости, музыка, трансляция футбола, театральные постановки.

22 июня, в воскресенье утром, передавали программу передач на неделю. Я села записывать, и вдруг объявляют, что в 12 часов будет передано срочное сообщение. Народ стал собираться на улицах около громкоговорителей, дома - около радио. В 12 часов мы услышали выступление товарища Молотова с заявлением советского правительства: «Без объявления войны германские войска напали на нашу страну… Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами». После этого почти все мужчины бросились в военкоматы, райкомы партии и комсомола, стояли в огромных очередях, чтобы быть призванными в армию или записаться в народное ополчение и пойти на фронт. Такой был

[8]Китайско-Восточная железная дорога - магистраль в СевероВосточном Китае; была построена Россией в 1897-1903 годах, в 1924-1935 и в 1945-1952 годах находилась в совместном управлении СССР и Китая.

высочайший патриотизм, стойкость и уверенность в нашей победе!

Моё поколение безмерно любило Отечество, мы жили с верой в светлое будущее и столько всего пережили! Советский народ проявил высокий патриотизм в борьбе с гитлеровскими захватчиками. Большую роль в воспитании у молодёжи патриотизма и любви к Родине играли молодёжные организации - пионерская и комсомол; многое делали Дворцы пионеров и школьников. Москвичи отдавали свои деньги и ценности в Фонд обороны. Мы сдали всё медное, что у нас было: самовар, ступку с пестиком. К нам в дом на Мясной Бульварной улице приходил представитель из райисполкома и записывал всех, кто что-то в этот Фонд сдавал, а мы в списке расписывались. Но никто не принуждал, мы добровольно отдавали всё, что могли, и думали только о том, чтобы Красная армия быстрее победила фашистов, вторгшихся на нашу территорию.

Сразу же после выступления Молотова возникли большие очереди у продовольственных магазинов. Покупали крупу, масло, сахар, хлеб и керосин, которые тогда ещё продавали свободно, но вскоре ввели продовольственные карточки.

Отныне радио не выключалось ни на минуту, чтобы не пропустить объявления воздушной тревоги. Обычно перед этим раздавалось шипение, а потом диктор, знаменитый Левитан, объявлял: «Граждане! Воздушная тревога». Его голос вызывал мороз по коже, поэтому-то Гитлер и хотел повесить его первым, когда войдёт в Москву.

3 июля 1941 года по радио выступил И.В. Сталин. Своё выступление начал с обращения: «Товарищи! Граждане! Братья и сёстры! Бойцы нашей армии и флота!» - и закончил призывом: «Все силы народа - на разгром врага! Вперёд, за нашу победу!»

Вскоре город погрузился во тьму светомаскировки, везде стояли зенитки, летали аэростаты, светили прожектора. Регулярно объявлялись учебные воздушные тревоги. Подходы к бомбоубежищам были обозначены стрелками. На всех оконных стёклах были наклеены крест-накрест полоски бумаги для защиты от взрывной волны. Но частые учебные тревоги сыграли негативную роль: народ перестал ходить на ночлег в метро, при объявлении тревоги не бежали в бомбоубежище. А когда в ночь с 21 на 22 июля был первый налёт на Москву и всё грохотало, то люди бежали, звали детей, бабушек и мам. Это было похоже на панику. Зато некоторые стояли толпой, наблюдая за работой прожекторов и зениток, и даже вылезали на крышу, чтобы посмотреть на самолёты. Люди в форме НКВД чуть ли не пинками гнали зевак в подвалы.

Но вскоре и мирным жителям пришлось бороться с воздушным противником, вернее с последствиями его налётов. Мы гасили зажигательные бомбы. Вначале боялись, а потом привыкли. Хватали «зажигалки» щипцами и бросали их в бочки с водой, которые поставили на чердаках, а если рядом было слуховое окно, то выбрасывали их на улицу. Днём мы дежурили на крыше института, к вечеру возвращались

домой, а когда объявлялась тревога, то шли в бомбоубежище. Папа никогда не ходил туда, ждал рядом, боялся за нас, потому что так называемое бомбоубежище напротив нашего дома было не оборудовано, мы там задыхались от нехватки воздуха, кашляли, были обмороки. Мама брала с собой только документы.

С первых дней войны стали организовываться отряды народного ополчения. В них вступали специалисты мирных профессий: рабочие, инженеры, техники, учёные, деятели искусств. Военных навыков у них не было, многое пришлось познавать уже в ходе боёв. Сотни тысяч москвичей круглосуточно работали на строительстве оборонительных рубежей, в этом главную роль играли женщины и подростки. Валентина Макарова тогда была студенткой Первого медицинского института, но их часто вывозили на окопы. Доблестным и самоотверженным был труд на оставшихся в Москве предприятиях. Я уже писала, как работала на заводе моя младшая сестра Лидия. Враг приближался к Москве, все силы были брошены на то, чтобы его остановить.

Когда наш пединститут уехал в эвакуацию, я поехала в Магнитогорск - к Анатолию Харитонову. 31 декабря 1939 года меня пригласил на свадьбу Николай Мартынов, где и познакомил со своим лучшим другом, Анатолием Ивановичем Харитоновым. Когда-то они вместе работали на авиационном заводе на Ленинградском проспекте, занимались в аэроклубе, прыгали с парашютом, готовились к лётной работе. Но Николая райком комсомола направил на работу в НКВД, а Анатолий после окончания авиационной школы стал пилотом Гражданского воздушного флота (ГВФ).

Анатолий стал ухаживать за мной. Мне, восемнадцатилетней девушке, стеснительной, никогда ещё не встречавшейся с ребятами, было страшновато, что за мной ухаживает взрослый мужчина. Написала письмо брату Алексею, находившемуся в то время на Финской войне, просила совета, что делать. Алексей ответил быстро, расхвалил Анатолия, написал, что бояться мне его не следует, ничего плохого он мне не сделает. С начала 1940 года мы стали с ним встречаться в свободное от его полётов время. Почти каждое воскресенье ходили на вечерний девятичасовой сеанс в кинотеатр «Метрополь». Там было три кинозала (красный, синий и зелёный, если не ошибаюсь) и концертный зал, где всегда выступала какая-нибудь певица. В этот зал пропускали за тридцать минут до начала сеанса. Мы с Анатолием встречались в семь часов вечера, он всегда ухитрялся сразу же пройти со мной в кинотеатр, угостив конфетами билетёршу. Поэтому мы слушали концерт не один раз, а два или три, пока не попадали в кинозал, куда брали билеты. По окончании сеанса бежали домой, так как папа запрещал мне возвращаться позже одиннадцати часов. Анатолий провожал меня до подъезда, и я влетала в квартиру почти всегда вовремя.

Благодаря Анатолию я влилась в дружную компанию: четыре лётчика и девушка Нина, с которой они познакомились на теннисном корте. Все четверо ухаживали за Ниной, а она выбрала одного из них, который

воспитывался в детдоме, ни одного родственника у него не было. Они поженились перед войной, родился сын. Сама Нина работала в издательстве «Словари» в Орликовом переулке. Узнав, что я материально плохо обеспечена, она устроила меня на надомную работу: я переписывала большими буквами латинские цифры и буквы. Работа была лёгкая, но я просиживала за ней все ночи. Получив за это деньги, отдала их маме, а она купила мне красивое платье и приготовила постельное белье - моё приданное.

Однажды я, как обычно, ждала Анатолия около кинотеатра, а он не пришёл. Николай тоже не знал, что произошло. И только примерно дней через двадцать ему позвонил Анатолий и просил передать мне, где нам надо встретиться. Встретились в сквере у Большого театра, Анатолий подошёл хромая. Оказалось, что он упал во время лыжных гонок, сломал ногу, лежал в больнице, позвонить не мог, а попросить кого-либо из своих друзей встретиться со мной боялся, думая, что они могут меня у него отбить. На этой встрече Анатолий рассказал, что родился он в 1915 году в Орловской губернии в бедной крестьянской семье. Отец его рано умер, мать осталась одна с тремя сыновьями и дочерью. Тогда старший сын, Анатолий, был взят на воспитание тётей, сестрой матери, которая жила в Москве, на углу Костянского и Просвирина переулков. Небольшая комнатка в полуподвале, низкие окна на уровне тротуара. Тётя (имени не помню) была одинока, работала на заводе, я видела её несколько раз. Умерла в 1942 году. Она очень любила Анатолия и воспитала его порядочным, честным человеком. Вся жизнь его была связана с Москвой: окончил семь классов, работал на авиационном заводе, ходил на занятия в аэроклуб, откуда его направили в Батайскую авиационную школу, после окончания которой определили в ГВФ. Анатолий усиленно занимался спортом, играл в большой теннис, бегал на лыжах, катался на коньках, всегда занимал на соревнованиях первые места. Очень общительный, коммуникабельный, добрый, весёлый, он старался помочь людям всем, чем только мог. В своём отряде Харитонов был комсоргом, его любили и уважали, для всех он был Толич.

Зимой мы часто ходили с ним на каток Центрального дома Красной армии, в районе Суворовской площади. Для меня брали напрокат коньки с ботинками, а у него были свои собственные. Катался он отлично; всегда был одет в спортивный костюм, девушки на него заглядывались, а он выделывал на льду такие пируэты, что мне становилось перед ним стыдно, так как я каталась раньше только на коньках-«снегурочках», прикрученных верёвками к валенкам, да ещё и была в пальто. Было тяжело, но Анатолий с удовольствием учил меня кататься и не обращал внимания на тех, кто посмеивался над моими падениями.

В 1940 году или в начале 1941-го открылся Центральный дворец лётчиков. Мне кажется, что это было на Ленинградском проспекте, где сейчас театр «Ромэн». Мы с Анатолием были там на открытии, он провёл меня по всему Дворцу, всё показал. В одной из комнат полуподвального помещения мы обнаружили бильярдную, где как раз играл легендарный

лётчик Михаил Водопьянов [9]. Анатолий назвал себя и представил меня как свою девушку. Водопьянов внимательно посмотрел на меня: «Милая девочка, не выходи замуж за лётчика. Они часто падают и погибают». «Зачем вы её запугиваете? Ведь она и замуж тогда за меня не пойдёт!» - воскликнул Анатолий. Михаил Васильевич засмеялся и ответил: «Если любит - пойдёт!» Мы ещё немного посмотрели на игру и пошли в зрительный зал на концерт. Было очень много знакомых Анатолия, особенно девушек. По сравнению с ними я выглядела золушкой: они были одеты в крепдешиновые платья, красивые туфли на каблуках, а я - в ситцевом платье, простеньких чёрных туфлях на низком каблуке. Разница была огромная, но Анатолий смотрел только на меня.

Летом 1940 года Анатолий сделал мне предложение, но папа и слышать не хотел о моём замужестве, объясняя это тем, что я ещё очень молода и должна окончить институт. Я поехала на дачу к подруге Зине на станцию Жилёво Павелецкой железной дороги. Каждый день ходили с ней по грибы, а их было в том году очень много, мы приносили полные корзины. Её мама, тётя Маруся, охала и говорила, что это к войне. Анатолий уехал в отпуск в санаторий ГВФ в город Гагры, оттуда часто писал мне письма. В августе-сентябре его направили на курсы повышения лётного мастерства в город Елец, там он познакомился с Борисом Калюсиным. Через несколько месяцев Анатолий вернулся в Москву и рассказал, что там он в компании отравился спиртом, пролежал в больнице месяца полтора, думал, что не выживет. После этого у него появилось отвращение к спиртному, и он вообще перестал его употреблять. А меня это очень обрадовало, хотя пьяным я его никогда и не видела.

Когда началась Великая Отечественная война, отряд Анатолия направили в город Магнитогорск, откуда он каждый день звонил мне по междугороднему телефону и уговаривал приехать к нему. Я буквально пропадала на почте в Сибирском проезде, куда Анатолий вызывал меня к телефону. Мы с мамой решали, что делать, и в конце концов пришли к выводу, что я поеду в Магнитогорск, но не знали, как сказать об этом папе, который видел Харитонова лишь однажды. Но в начале октября, когда мама сказала об этом отцу, он ответил: «Пусть едет. Может быть, одна из нас останется в живых».

В Москве из нашей семьи оставались мама, папа и Лида, а все остальные уже эвакуировались. Я дала телеграмму Анатолию о дате отъезда, сообщила номер поезда и вагона. Ехала очень долго, так как навстречу нам шли и шли воинские эшелоны, а с фронта в тыл в первую очередь пропускали поезда с ранеными. Анатолий каждый день дежурил на вокзале, но только через двенадцать дней наш поезд пришёл в Магнитогорск. Анатолий привёз меня на съёмную квартиру, где он жил. Встретили меня там очень доброжелательно, хозяева имели целый дом и несколько комнат сдавали. Одна из квартиранток, как только меня увидела, спросила: «Неужели в Москве все такие красивые?» А когда на

[9]Михаил Васильевич Водопьянов (1899-1980) - Герой Советского Союза, генерал-майор авиации.

улице нас с Анатолием увидел его командир, то резко сказал ему: «Как ты мог привезти несовершеннолетнюю?» Мне же в октябре исполнилось уже двадцать лет.

Через несколько дней я была зачислена в Магнитогорский педагогический институт и приступила к занятиям. Институт находился недалеко от города, в спецпоселке, где жили выселенные из многих областей СССР кулаки. Они построили для себя дома, для детей и внуков - институты: педагогический и металлургический. Но через месяц нас, студентов, направили в колхоз на сбор картошки, а Анатолия вдруг откомандировали на переучивание в Среднюю Азию. Он срочно приехал за мной, мы только успели 29 ноября зарегистрироваться, сфотографироваться вдвоём, и он улетел. Наша совместная семейная жизнь продолжалась только месяц и одну неделю, и я осталась одна среди чужих людей - хозяйка, её муж и двое детей: дочь, черноглазая красавица Галя, моложе меня лет на пять, и сын Славик, лет шести-семи, который привязался ко мне, никуда не отпускал, даже в институт за мной бегал.

В одной из комнат у моих хозяев жили приехавшие из Ленинграда евреи: вдова с сыном, молодым поэтом А.Р. Рясинцевым. В день моего отъезда в Москву к ним приехала бывшая жена Рясинцева с их сыном трёх-четырёх лет. Очень красивая молодая русская женщина. Её бывшая свекровь рассказывала, что та в Ленинграде работала директором гастронома, смогла наменять на продукты золота и бриллиантов и привезла всё это с собой. Что стало с этой семьёй - не знаю, но молодая женщина куда-то устроилась на работу, а сына оставила с бабушкой и отцом, это я узнала из письма ко мне от хозяйки дома.

Вторую комнату хозяева сдавали семье из двух преподавателей математики, эвакуированных с Украины. Ещё две комнаты снимали лётчики и бортмеханики. В одной из этих комнат поселились и мы с Анатолием. Все квартиранты и хозяева были очень дружны, никаких ссор не было, все переживали за своих близких, с которыми пришлось расстаться.

Из Средней Азии один раз в месяц прилетал самолёт, пилот которого привозил нам продукты и письма от наших мужей. Прилетал утром, а вечером улетал обратно. Однажды так прилетал и Анатолий. Низко-низко прошёл над нашим домом, так что все догадались, что это летит Толич Харитонов. Тогда-то Анатолий и рассказал мне, как встречают в эскадрилье возвратившегося лётчика: вначале он раздаёт письма, а затем даёт характеристики на всех жён, кто и как ведёт себя. Сказал, что он всегда садился сзади всех, в уголок, и очень боялся, что могут сказать что-то плохое про меня, что я, мол, загуляла. Сидит, опустив голову, а рассказчик в последнюю очередь обращается к нему: «А твоя только в институте или дома. Выходит гулять со Славиком», и от этих слов, говорил Анатолий, ему становилось легче. Многие жёны погуливали с лётным составом другой эскадрильи, а у меня даже и мысли об этом не было. Я только и ждала весточки от него, очень нервничала. Ревновала и

считала, что к этому были причины. А теперь и думаю, зачем сама нервничала и его заставляла: была война, лётный состав погибал десятками, сотнями, но любил-то он только меня, при первой же возможности летел ко мне.

В декабре 1941 года эскадрилья Анатолия была передислоцирована на аэродром Мячиково в Раменский район Московской области. Константин Павлович Луньков по просьбе Анатолия выхлопотал мне пропуск в Москву, и в феврале 1942 года я уже была дома. Перед моим отъездом из Магнитогорска поэт Рясинцев, видя, как ко мне привязался Славик, написал стихотворение и повесил на дверь комнаты, из которой я уезжала. Вот оно:

Нюся и Славик

Как проснётся Нюся утром,
Он кричит ей: «С добрым утром!»
Припев
Вот какой он кавалер,
Кавалерам всем пример.
Пошла Нюся завтракать,
Он уж с нею как-нибудь.
Идёт Нюся в институт,
Он у двери тут как тут.
Поскорее приходи
И смотри, не простудись.
Как увидит самолёт: «Анатолия!» - орёт.
Как приходит Нюся в дом,
Сразу к ней бежит с письмом.
Нюся села заниматься,
К ней он лезет целоваться.
Припев
Вот какой он кавалер,
Кавалерам всем пример.
Нюся в театр собралась,
«Ну и что же, очень мило».
Только двери затворила,
Он выходит, говорит:
«Очень жаль, что не забыла».
Припев
Вот какой он кавалер,
Кавалерам всем пример.
Как ложится на кровать,
Сразу Нюсю он кричать.

«Не пора тебе уж спать».
Как сказали про Москву,
Заревел он: «У-у-у…
Не пущу её в Москву,
Я боюсь: её убьют».
И всё плачет, не боясь,
Что скорей его побьют,
Чем её в Москве убьют.
Припев
Вот уж это кавалер,
Кавалерам всем пример.

Когда я села в поезд, Славика еле оторвали от меня, ему хотелось уехать со мной.

Первое время я переписывалась с хозяйкой; в 1943 году моя младшая сестра Лида вышла замуж за Калюсина и жила с мужем у них в доме. Хозяева встретили её, как дочь, учили всему, ведь ей было только 17 лет. Кроме хозяев, у которых жила, я дружила с Аней Кольцовой, интеллигентной женщиной. Она была замужем за лётчиком Кольцовым, у них двое маленьких детей. Говорили, что у неё с мужем плохие отношения, и Анатолий просил меня почаще её навещать. Она была немного постарше меня, увлекалась литературой, поэзией, и мне с ней было очень интересно. Считали, что Аня капризна, ни с кем, кроме меня, не общалась.

В нашей эскадрилье была одна женщина-пилот, одинокая. И вдруг пошёл слух, что она забеременела. Все женщины всполошились и только гадали, кто отец ребёнка. Когда родила, бегали смотреть, на кого похож. Выяснилось, что отцом ребёнка был Кольцов. Когда это дошло до Ани, она решила уехать домой в Москву. Написала письмо своему дяде, крупному военачальнику Мерецкову [10], с просьбой, чтобы он прислал ей пропуск. Меня попросила передать это письмо. Я ездила к нему домой, в Ветошный переулок, возле Красной площади, передала жене, но никто пропуска не прислал, да и наша переписка прекратилась. Больше о Кольцовых я ничего не слышала.

Вскоре я восстановилась в Московском педагогическом институте. Перед госэкзаменами происходило распределение на работу. В то время Анатолий значился на Калининском фронте, поэтому 14 августа 1942 года меня распределили в Калининский областной отдел народного образования преподавателем русского языка и литературы средней школы. А когда я сдавала госэкзамены, Анатолий был уже на подмосковном аэродроме Мячиково.

Уезжать в город Калинин, расставаться с Анатолием я, конечно, не

[10]Кирилл Афанасьевич Мерецков (1897-1968) - Маршал Советского Союза (1944), Герой Советского Союза (1940); перед Великой Отечественной войной - заместитель наркома обороны, с конца 1941 года - командующий войсками Волховского фронта.

хотела, и мы стали ходить в Наркомат высшего образования, чтобы меня оставили в Москве. Дошли до начальника отдела кадров, женщины, которая грубо и резко отказала нам, ссылаясь на то, что её муж служит в Военно-морском флоте, и она, мол, не бежит к нему, работает в Москве, а муж находится в море. Анатолий ответил ей, что сделает всё возможное, чтобы меня оставили в Москве, или, в крайнем случае, возьмёт меня в свою воинскую часть.

Его друг Николай Мартынов посоветовал мне сходить в райком комсомола, чтобы меня призвали в Красную армию, а оттуда направят в Управление особых отделов НКВД СССР. Когда я пришла из райкома в райвоенкомат, там уже был на меня запрос из НКВД. Я собрала три рекомендации: от полковника Мартынова, райкома ВЛКСМ и директора 464-й школы Землемеровой. Быстро прошла спецпроверку, до меня туда же в 1941 году оформляли моего брата Алексея, только не успели подписать приказ. Порекомендовали ему не ходить в военкомат дня два-три, но так как мы все были очень законопослушные, то на второй день войны он пошёл в военкомат, как ему и было предписано в военном билете. В сентябре 1941-го Алексей Кузьмич пропал без вести под Ленинградом…

Я прошла уже и медицинскую проверку, но Наркомат высшего образования никак меня не отпускал. Однако руководство отдела, куда меня рекомендовали, было во мне заинтересовано, поэтому они добились того, что меня принял начальник Управления особых отделов генерал Виктор Семёнович Абакумов. Мне заказали пропуск в дом номер два на площади Дзержинского. Вошла я в кабинет, где было много офицеров и генералов, и растерялась. В таком большом кабинете я никогда раньше и не была. Оказалось, что это приёмная. Многие встали со своих стульев, усадили меня и, видя моё смущение, стали успокаивать, говорить, что Абакумов очень хороший человек, никогда никого не обидит. Увидев своих будущих руководителей, я успокоилась.

Раздался звонок, и офицер, сидящий в приёмной, встал, открыл дверь «шкафа» и прошёл внутрь. То, что я приняла за шкаф, оказалось дверью в кабинет Абакумова. Затем туда вызвали по очереди Осетрова, Алексея Васильевича Миусова, Ивана Фёдоровича Зернова, а потом и меня. Кабинет большой, светлый, посередине длинный стол, перед которым за небольшим столиком сидел Абакумов, а мои будущие начальник расположились за большим столом. Очень доброжелательно, с улыбкой смотрит он на меня и предлагает сесть. Я села напротив него в глубокое кресло, не рассчитала и провалилась в нём. Получилось, что ноги поднялись вверх. Еле-еле выбралась и подумала, как же я опозорилась, но Виктор Семёнович даже виду не подал и, улыбаясь, стал со мной разговаривать. Перед ним лежало моё личное дело. Листая его, задавал вопросы. Прежде всего спросил, люблю ли я мужа, есть ли у нас дети. Поинтересовался, как я училась, чем увлкаюсь и так далее. На все вопросы я ответила полно и чётко, и мне показалось, что мои ответы ему нравятся. Абакумов поблагодарил меня и сказал, что я свободна.

Вышла я из кабинета, прошла в коридор и вижу, что бежит Николай Мартынов. Увидел меня и спрашивает: «А ты что здесь делаешь?» Я объяснила ему, и он успокоился: «Значит, меня из-за тебя вызывают, а то я подумал, что что-то не так сделал». В этот день он только что прибыл с фронта.

Вскоре Мартынов вышел от Абакумова, а потом уже и Осетров, Миусов и Зернов. Миусов и Зернов рассказали мне, что Абакумов не хотел подписывать приказ о моём назначении, доказывал им, что я люблю мужа, рожу ребёнка и уйду из органов, а секреты работы уже буду знать. Но его уверили, что я из органов не уйду, так как хочу здесь работать.

- Видите, какие характеристики ей дали, даже Мартынов, которому Вы доверяете, - сказал Миусов. Абакумов засмеялся и заметил:

- Красивая девушка, а он, наверное, ухаживает за ней! - Да ведь Мартынов - лучший друг её мужа! - Но муж-то на фронте, а Мартынов здесь. - Так жена Мартынова работает в органах, в правительственной связи. - Ну, хорошо. Я подумаю. На следующий день приказ был подписан, и я пошла в пединститут. Секретарь института, увидев меня, закричала: «Аня, тебя приняли на работу в Управление военной контрразведки!» Я ей показываю, чтобы она замолчала, а она всем рассказывает, как мы с мужем добивались оставить меня.

Глава 4. Начало профессиональной деятельности в военной контрразведке

20 ноября 1942 года я приступила к работе в 10-м отделе Управления особых отделов НКВД СССР. В этот день помощник начальника отделения Иван Фёдорович Зернов предупредил сотрудников, что он сейчас приведёт новенькую, чтобы все задержались, а когда познакомятся, тогда можно и разойтись по заданиям. Привёл меня на конспиративную квартиру на улице 25-го Октября. Когда я туда вошла, все уже построились и стали со мной знакомиться.

В отделе было два отделения: «наружка» и «установка». Я была зачислена в «установку», где и проработала до середины декабря 1952 года. В нашем отделении женщин было две-три, а остальные - мужчины, старше меня лет на десять-пятнадцать, главным образом малограмотные, пришедшие в органы по путёвке райкома комсомола с фабрик и заводов. Но коллектив был очень дружный, что ещё больше привлекало к работе.

Кроме этих двух отделений имелась группа обыска и ареста. В ней было двое мужчин: Антропов и Булеха, высокие, плотные, здоровые.

Были у нас ещё большой гардероб и фотомастерская, в которой работали ребята, которых мы называли чудо-мастерами. Там работала только одна девушка, Аня Савельева, проживавшая в Покровском-Стрешневе, с ней мы были в дружеских отношениях. Гардероб в отделе был очень богатый, но я, наверное, воспользовалась им лишь однажды, когда мне в ходе задания понадобилась телогрейка. Когда оперсоставу

наружного наблюдения необходимо идти в ресторан (а это случалось часто), они бежали в гардеробную и выходили оттуда такими красивыми, шикарно одетыми, что можно было любоваться. Никто бы и не подумал, что они работают в органах. В эти вечера выезжали в ресторан и начальники групп для поддержки и помощи сотрудникам. Деньги на ресторан выдавались минимальные, хватало на бутерброд и бутылку воды, но и об этом писалось объяснение в бухгалтерию. Иногда «наружке», когда все они были задействованы, помогали и мы, «установщики».

Вспоминаю, как однажды поздно вечером ехали мы по Кутузовскому проспекту, рядом с шофёром сидел старший группы наружного наблюдения. Трасса и в те времена являлась правительственной, и когда нас пытались остановить за превышение скорости, то наш сотрудник поднимал три пальца и нас нигде не останавливали.

Все водители в отделе были аттестованы, с них спрашивали так же строго, как и с нас. Помню только одного шофёра, Петра Лукашенко, который перешёл в наше отделение, а затем, если не изменяет память, в 1952 году - в 7-е управление МГБ. Он часто ездил в Марьину Рощу, возил домой Женю Петрову. Хотя Женя всегда говорила, что не боится никого в Марьиной Роще, но полковник Збраилов считал, что отвечает за жизнь своих сотрудников, поэтому будет спокоен только тогда, когда её доставят домой. Такую ответственность он чувствовал за всех нас!

Вечером того же дня, 20 ноября, привезли зарплату, всем выдали, и наш начальник финансов кричит: «Харитонова!» А я молчу, не думала, что это меня зовут, знакомлюсь с «установками», которые уже отписаны за день работы офицерами. Опять слышу: «Харитонова!» Я подумала, что у кого-то такая же фамилия, как у меня. И.Ф. Зернов говорит, что меня вызывают получить зарплату. «Но я же ещё не работала», - отвечаю.

Оказывается, зарплату выдавали один раз в месяц, двадцатого числа, и этот день называется до сего времени днём ЧК. Мне выдали зарплату за десять оставшихся дней месяца. И я узнала, что моя зарплата - 900 рублей. Когда пришла домой и сказала об этом маме, та ахнула. А когда мама сказала отцу, он загоревал: «Мать, Аня пошла по плохой дорожке!» Так он подумал потому, что его зарплата в то время составляла 300 рублей, хотя работал он с утра до вечера, весь день был на улице, сам даже баллоны с газом носил.

Анатолия вызвал на беседу заместитель начальника моего отдела Алексей Васильевич Миусов, коротко рассказал о моей работе, просил не беспокоиться обо мне, что я, если это будет необходимо, могу задерживаться на работе и сутками. Анатолий никогда не ревновал меня, так как я не давала никаких поводов, поэтому я спокойно работала, а он летал над Москвой и Подмосковьем, сбрасывал листовки, летал в тыл к немцам. Обстановка в Москве была напряжённой, каждый день и ночь бомбили, поэтому по утрам Анатолий звонил мне на работу, узнавая, жива ли я.

Мои родители и подруги никуда из Москвы не уезжали, и когда я через три месяца вернулась из Магнитогорска, рассказали, какая паника была в городе 15-16 октября 1941 года. В некоторых районах помойки были завалены портретами, бюстами вождей, почётными грамотами, сочинениями Ленина. Книги сваливали во дворах, на улицах и жгли. Почти весь центр Москвы заволокло тогда удушливым дымом. Военкоматы и райкомы партии были безлюдны, открыты настежь. По всей видимости, их покидали поспешно, в паническом страхе, не успев даже уничтожить архив. Встал общественный транспорт, включая метро. Рабочие колбасного цеха мясокомбината имени Микояна, уходя домой, растаскивали колбасные изделия, даже на шее у них висели сардельки (эту картину я наблюдала ещё в сентябре, когда рабочие шли мимо нашего дома). С мотоциклетного завода, где работала Лидия Кузьминична, похитили спирт, начались коллективные пьянки. Некоторые руководители заводов убегали, нагрузив машины продуктами питания, рабочие их задерживали, избивали, выбрасывая из машин их и членов семей. Толпы москвичей громили магазины, склады, грабили друг друга. Многие уходили из города, шли через Абельмановскую заставу, по Рязанскому шоссе, мимо наших домов, а моим родителям нечего было прятать, спасать, и они остались защищать Москву. Выбитые стёкла в окне заменяли подушками, одеялами, фанерами. Спали одетыми, многие во время бомбёжки не спускались в бомбоубежище. Стало плохо с электричеством: не разрешили пользоваться розетками, их опечатали, но люди пользовались «жуликами» («жучками»). Всем, у кого были радиоприёмники, приказали сдать их в домоуправление, где они и пролежали до конца войны, так как боялись, что население будет поддаваться гитлеровской пропаганде.

14 октября 1941 года был праздник Покрова Пресвятой Богородицы. В этот день митрополит Сергий обратился к народу с посланием, что Пресвятая Дева защитит Москву своим Покровом. Мама рассказывала, что в тот день всё духовенство молилось о победе нашего народа, а чудотворная икона Божией Матери была обнесена вокруг Москвы на самолёте, и это спасло Москву. А в день первого наступления в начале декабря был освобождён город Тихвин.

Журналист газеты «Московский комсомолец» Лев Колодный отрицает обнос иконы вокруг Москвы, но молва народная об этом говорит, я не раз от многих слышала об этом. Писатель И.М. Любимов в своей книге «Малознакомая Москва» также приводит этот факт. Великая Отечественная война началась в день, который отмечался Русской православной церковью как день Всех Святых, и советский народ надеялся, что русское оружие победит. Митрополит Сергий в первый же день войны собственноручно напечатал на машинке и разослал воззвание, в котором призывал православный народ встать на защиту Отечества. Он же первым назвал войну Отечественной. Верующие жертвовали в Фонд обороны огромное количество денег и ценностей. В печати прекратилась антирелигиозная пропаганда. Советское правительство стало отмечать наградами высших духовных лиц. Вновь был избран патриарх, им стал

Сергий [11].

19 октября 1941 года председатель Моссовета Пронин объявил об осадном положении и комендантском часе. Но именно тогда по городу развесили огромные портреты Любови Орловой и объявили о её предстоящих выступлениях в Москве. Многих москвичей такое объявление успокоило. Стало быть, положение не настолько ужасное. Узнали, что и Сталин не уехал с правительством в Куйбышев, а остался в Москве с москвичами. Это тоже успокаивало.

Зима 1941-1942 годов выдалась суровой. Почти во всех квартирах стояли печки-«буржуйки», которые очень трудно было достать. Но Анатолий привёз «буржуйку» и нам, и Елене Александровне на Новослободскую улицу. Дрова стоили дорого. В керосинные лавки стояли громадные очереди. Чтобы хоть как-то согреться, жгли мебель, книги. С Калитниковского кладбища снимали деревянные кресты и ограды - всё это шло в топку.

Правительство ввело карточную систему, но хлебные карточки отоваривались с проблемами, так что очередь в булочную не расходилась даже во время бомбёжек или обстрела, несмотря на настойчивые требования милиции и дружинников. Полученный хлеб дома делили на равные кусочки, чтобы всем хватило. Вместо масла по карточкам давали комбижир, пахнущий солидолом. Мыло было жидкое, жутко пахнущее и плохо промывающее волосы: в результате появились вши. На рынке можно было купить или обменять на ювелирные украшения и сало, и мёд, и мясо, но цены были просто фантастические: они взлетели в среднем в тринадцать раз, а на некоторые продукты, например мёд, в тридцать. Обманывали везде и всюду: принесённый с мороза кусочек сала порой оказывался стеарином, сахар - мелом.

Студентов кормили в столовой обедом: на первое - капуста с водой, на второе - капуста без воды, на третье - вода без капусты. Это означало: щи, капуста с постным маслом и чай без сахара, иногда морковный, а иногда и просто вода. Хотелось сладенького. Потом стали выдавать суфле. Это как сгущённое молоко, но только жидкое. Иногда давали патоку, тёмно-коричневая сладкая жидкость уже была радостью для нас.

После 1943 года появились ленд-лизовские посылки из США с яичным порошком, пресной тушенкой. Такие посылки часто привозил Анатолий. Ввели ордера на промышленные товары. Однажды мама (это произошло уже после войны) на ордер купила галоши, продала, получила деньги и счастливая пришла домой. На стол положила пачку десятирублёвок. А Валера, которому в то время было четыре или пять лет, стал смотреть эту пачку и говорит: «Бабушка, а ведь это бумага». Оказалось, маме всучили «куклу». Вверху была настоящая десятирублёвка, а остальные - аккуратно нарезанные бумажные листы, приклеенные и туго стянутые. Как же мама плакала!

---

[11] 8 сентября 1943 года Патриархом Московским и всея Руси был избран митрополит Московский и Коломенский Сергий (Иоанн Николаевич Страгородский) (1867-1944).

Прилетая в Москву, Анатолий часто говорил, что находиться здесь гораздо опаснее, чем на фронте. Во время воздушных налётов, когда немецкие самолёты прорывались к городу, люди бежали в укрытия, в метро. В 1943 году я была беременна Валерой, поэтому мужчины выгоняли меня из «конспиративки», заставляли отсиживаться в метро, а сами оставались на месте. Тогда я шла на станцию метро «Площадь Дзержинского». Там, где был эскалатор, сделали деревянные поручни, за которые можно было держаться. Вся толпа спускалась вниз по лестнице, подталкивая друг друга. Внизу на платформе дежурили санитары, молодые девушки раздавали деревянные раскладушки с натянутым брезентом. Все их брали и шли в туннель, где тускло мерцал свет, посередине прохода стояли раскладушки. Из глубины туннеля слышался плач, иногда рыдания. Вот здесь действительно было страшно, легче было остаться на улице, но оттуда всех загоняли в метро.

На площадях и пустырях нарисовали здания, построили макеты заводов и деревенских домов для дезориентации немецких лётчиков. Над городом парили аэростаты. В 1941 году Гитлер заявил, что намерен уничтожить столицу Советского Союза. Под Можайск даже был доставлен эшелон с норвежским красным гранитом, предназначенным для пьедестала памятника фюреру в Москве. Впоследствии этот гранит был пущен на облицовку ряда домов на улице Горького, например здания рядом с Центральным телеграфом.

Как я уже писала, Анатолий почти каждый день летал, так как за эти полёты он получал свободные часы и проводил их со мной. Но меня не всегда отпускали с работы, и он, повидавшись со мной, иногда даже просто на улице, уезжал обратно на аэродром, в свою воинскую часть.

Я очень хотела иметь ребёнка, но Анатолий был против, мотивируя тем, что в то время лётчики погибали десятками. Он сказал мне: «Если что случится со мной, тебе будет очень тяжело, так как ты не приспособлена к жизни: тихая, скромная, за себя постоять не можешь, тебе никто не сможет помочь, потому что и родители уже старые». Я ему отвечала: «У тебя много друзей, они всегда помогут мне и нашему ребёнку». И тогда он сказал мне то, что я запомнила на всю жизнь: «Друзья - пока я жив, не будет меня - не станет и друзей».

Так впоследствии всё и произошло. Первое время они приезжали часто, а потом стали приезжать всё реже и реже. Я ничего не хочу сказать о них плохого, все были дружные, хорошие ребята, многие из них, к сожалению, погибли. Лётчик Покровский (имени его не помню) однажды приехал, играл с Валериком, а на прощание сказал мне: «Я знаю, что вы любите Анатолия, но прошу вас после войны, когда ваша боль немного утихнет, выйти за меня замуж». Анатолий рассказывал мне обо всех, с кем дружил в воинской части, говорил, что Покровский, бывало, выпьет стакан водки и летит, куда ему прикажут. Погиб он вскоре после Анатолия, посмертно получил звание Героя Советского Союза [12].

[12]Информация о присвоении лётчику Покровскому звания Героя Советского Союза не подтверждена.

Я всё-таки забеременела: до родов отпуск был двадцать восемь суток и тридцать два дня после родов. В то время Анатолий часто приезжал домой. Мы жили с моими родителями на Мясной Бульварной улице. Когда он бывал дома, мы ходили в кино, театр, на концерты, он очень любил оперетту, и мы чуть ли не в каждый его приезд ходили в сад «Эрмитаж» на «Сильву». И в день рождения Валеры он потащил меня на эту оперетту. Там у меня начались боли, схватки, и после первого акта Анатолий на такси отвёз меня домой, предупредив, что ночью вылетает через линию фронта, но летит первым пилотом и беспокоиться мне незачем. Он и раньше говорил, что если летит первым пилотом, то с ним ничего плохого не случится: он знает дорогу и всё, что его ожидает. У нас дома в этот день был мамин брат, дядя Митя, он подтрунивал надо мной, что я рожу богатыря-лётчика. А у меня боль всё больше и больше! Тогда мы с мамой собрались и пошли в родильный дом имени Клары Цеткин в Шелапутинском переулке. Родила я Валеру на рассвете, а ночью прислушивалась к шуму самолётов, так как знала, что должен лететь Анатолий.

Беспокоилась и о маме, не зная, как она дойдёт домой. Ведь ещё с 19 октября 1941 года в Москве и прилегающих районах было объявлено осадное положение, действовал комендантский час. Потом мне мама рассказала, что её по дороге несколько раз останавливал патруль, и она, показывая мою одежду, которую несла в руках, объясняла, что отвела дочь в родильный дом. Анатолий на следующий день узнал, что я уже родила. Спросил у моей подруги Зины, кто родился. Та решила его разыграть и отвечает: «Две девочки». Он замолчал. Видя, что он помрачнел, продолжает: «Да нет, девочка и мальчик». Анатолий отвечает: «Это уже лучше». Зина засмеялась: «Поздравляю с сыном!» Анатолию, как мне потом рассказывали, от радости хотелось плясать. Он мечтал о сыне, похожем на меня, хотя сын - вылитый отец.

Мама ходила в роддом каждый день, а Анатолий смог выбраться один раз, и мы поговорили с ним по телефону. Этот роддом существовал уже много лет, был хорошо обустроен. У каждой кровати стояла тумбочка с телефоном, можно было позвонить из приёмного отделения. Анатолию дали номер коммутатора роддома, и он звонил каждый день, в любое время суток. Валерий родился худеньким, но больше трёх килограммов, а рост пятьдесят один сантиметр.

Три раза в день мне приносили его кормить, я полюбила его, всего облизала и за себя, и за папу. Однажды приносят кормить, а я, как только его увидела, вскрикнула: «Это не мой ребёнок!» Медсестра поморщилась (она несла двух детей, по одному на руке), но когда и моя соседка сказала, что ей принесли чужого ребёнка, то бросилась к нам, посмотрела на ручки ребят, к которым были прикреплены бирки с фамилиями, извинилась и поменяла ребятишек.

Моя соседка по палате - красивая татарочка, и её сынок был такой же красивый, черноглазый, упитанный, похожий на маму. А когда мне дали моего белобрысенького, я поняла, что мой сынуля - самый лучший

ребёнок, которого я люблю. Когда Анатолий его увидел, то всего обцеловал, было видно, как он счастлив.

Анатолий, мечтая о будущем, говорил, что у нас будет много-много детей, и все будут похожи на маму. Командование Анатолия стало направлять его не только за линию фронта, но и в Астрахань - за фруктами для лётного состава, а он привозил их и для меня, кормящей матери. Анатолий также привозил из Астрахани по двадцать-двадцать пять литров фруктового вина в бутылях, арбузы, яблоки и овощи. Мама бортмеханика Вячеслава научила мою маму делать баклажанную икру. До этого мы даже и не слышали о баклажане.

Мы с мамой захотели окрестить Валеру в церкви, и я сказала об этом Анатолию. Никогда не видела его сердитым, но в этот раз он даже побелел от злости: «Ни в коем случае! Если узнаю, то и в дом не зайду!»

А Валера часто болел, плакал и днём, и ночью. Мы с мамой ходили по бабкам-знахаркам, заговаривали грыжу, что только ни делали - ничего не помогало. Анатолий, успокаивая его, подбрасывал к потолку, но бесполезно. И мы с мамой решили всё-таки его окрестить. Во время войны в церквях при крещении паспорта родителей не требовали. И мама пошла одна в церковь на Калитники, крёстными записала Вячеслава, бортмеханика Анатолия, и Зинаиду, мою подругу. Когда священник спросил у мамы имя новорождённого, то она его забыла, да и не выговаривала. Стоит и молчит, а потом и говорит:

- Есть такой знаменитый лётчик! Батюшка сразу же сориентировался: - Валерий Чкалов? - Да, да! - обрадовалась мама. - Но такого имени в святцах нет, - ответил батюшка и записал его по имени Валериан. Сейчас я думаю, что более правильно - Валерьян, это имя есть в святцах. Когда в церкви заполняю листки за здравие, то пишу два имени: Валерий и Валериан.

Своей комнаты у нас до сих пор не было, мы даже не могли где-нибудь уединиться. После рождения сына командование отряда, где проходил службу Анатолий, через легендарную лётчицу Марину Раскову [13] выхлопотало ему комнату по адресу: 1-й Аэропортовский проезд, дом 55-а, корпус 1, квартира 9, на первом этаже. Это была коммунальная квартира из трёх комнат, одну комнату размером двенадцать с половиной квадратных метров выделили нам. До войны здесь жил лётчик с женой, теперь он находился на фронте, а жена - в эвакуации. В спешке они оставили все свои вещи, а мы из-за этого не смогли ничего для себя приобрести, так как ставить и класть было негде. Когда в 1945 году хозяева пришли за вещами, они очень благодарили нас за то, что мы всё для них сохранили, даже замки не вскрывали в шкафах. Написали благодарность в хозяйственную часть ГВФ о том, что получили всё в целости и сохранности. А то, что мы покупали для себя, мы с мамой оставили в нашей квартире на Мясной Бульварной.

---

[13]Марина Михайловна Раскова (1912-1943) - лётчица.штурман. Герой Советского Союза (1938), майор (1942), командир бомбардировочного авиационного полка.

Дом номер 55-а, где было четыре корпуса, принадлежал Министерству Гражданского воздушного флота, жили там лётчики, бортмеханики и обслуживающий их персонал. Почти все погибли в Великую Отечественную войну. Говорили, что на этом месте до революции 1917 года стояли церковь и кладбище. После революции всё это разгромили и построили дома. Валерий учился в средней школе, которая находилась на этом участке и, играя в футбол, ребята находили черепа, которые также подбрасывали, как и мяч.

Комнату эту мы получили, но переехали в неё я, мама и Валера уже в 1945 году. При жизни Анатолия мы с ним изредка туда заходили. Когда он летел через линию фронта, то звонил мне на работу накануне. Я приезжала в эту комнату. Пока самолёт заправляли топливом на Центральном аэродроме имени Фрунзе на Ходынке, Анатолий забегал ко мне. Иногда даже не успевал снять шинель, как в окно комнаты стучал бортмеханик: «Самолёт заправлен!», и они бежали на аэродром, а я на метро уезжала к маме и сыну.

Анатолий числился в 46-м гвардейском Таманском полку, которым командовала Герой Советского Союза Марина Раскова. Летали на лёгких У-2, или, как их называли, «кукурузниках». Эти машины из-за тихоходности и слабого вооружения казались вроде бы лёгкой добычей для истребителей, однако малая высота давала им другое преимущество: они появлялись неожиданно, и немцы не успевали их сбить. Немцы презрительно называли У-2 «кофейной мельницей», «русфанер», «ночной ведьмой», но за уничтожение такого самолёта их командование давало Железный крест и 5 тысяч марок.

Первое время Анатолий, летая на У-2, сбрасывал листовки с фотографиями руководителей рейха и соответствующими ядовитыми комментариями. Больше всего сфотографирован был Геринг: на отдыхе в своём замке, на охоте и так далее. Листовки сбрасывали и над Москвой, и над Подмосковьем - в немецкие окопы. Анатолий оставлял листовки и мне, чтобы я разбрасывала их по Москве. Изредка его отправляли отдохнуть в Москву, но меня с работы не отпускали. Однажды он приехал очень расстроенный. Оказывается, в Белоруссии в тыл врага надо было выбросить молодую девушку, лет восемнадцати. Она перед броском бросилась на шею Анатолия и сказала, что, обнимая его, прощается с Родиной. Это сильно подействовало на него, он сказал, если немцы победят, то он в России не останется, а перелетит со мной в Америку и всё равно будет убивать нацистов, которые разбили нашу жизнь.

Позже Анатолий стал летать на больших американских самолётах «Дуглас», их отряд специально отправляли на переучивание в Сибирь. С того времени он летал только через линию фронта, главным образом в партизанские отряды. За несколько месяцев до его гибели я видела сон: в нашей комнате много-много граммофонных пластинок, и вдруг они падают и разбиваются пополам, ни одной целой не осталось. Проснулась. Рассказала сон маме и приятельнице, они сказали, что это не к добру. Тогда я совсем потеряла покой, умоляла Анатолия не летать часто в

партизанские отряды, обещала, что сама по возможности буду приезжать к нему и привозить Валерика. Но он всё равно летал и летал.

30 мая 1944 года он позвонил и сказал, что завтра улетает в Белоруссию, к партизанам, а затем дней десять будет дома. Вечером я уложила спать Валеру, родителей, а сама никак не могла заснуть, сидела за столом и читала. В ту ночь разбушевалась страшная гроза. Проснулась мама, стала молиться, а я встала к окну и смотрела на грозу.

Анатолий мог бы не лететь, возвратился бы на аэродром, но экипаж принял решение выполнить задание. Перелетели линию фронта, но дождь заливал костры, которые зажигали партизаны. Несколько часов самолёт летал над местом, где надо было сесть, керосин был уже на исходе. И тут самолёт попал в эпицентр стихии. Машина потеряла управление, резко пошла на снижение, и вдруг в самолёт ударила молния, он загорелся, упал на землю, стал взрываться. Взрывы продолжались почти всю ночь. Только когда всё более-менее успокоилось, возвратились партизаны и стали собирать то, что от самолёта осталось. В нём летели девять человек, везли боеприпасы и продовольствие для партизан. Из всего, что было, собрали три гроба: кусок серой английской шинели (такую шинель успел получить только один Анатолий, и это всё, что осталось от него); женскую грудь (в партизанский отряд летела женщина-врач); кое-какие обрубки и всякие мелочи. Эти гробы похоронили в лесу около деревни Хоросты Ленинского района Белорусской ССР. На могилу поставили дощечку с фамилиями: первым был записан командир воздушного корабля лейтенант Харитонов Анатолий.

Он всегда звонил мне, когда прилетал с задания. Но прошло десять дней, а звонка всё не было. Тогда я стала звонить в штаб воинской части, но мне каждый раз говорили, что Анатолия отправили на открытие Второго фронта.

Дней через пятнадцать после его гибели мой начальник отделения подполковник Соколов сказал, что меня вызывают в штаб воинской части. Заныло сердце. Приехала на аэродром, хорошо его расположение знала, а тут вдруг заблудилась. Навстречу идёт молодой лётчик, спросила у него, как пройти в штаб.

- Вы чья-то сестра? - спрашивает он. - Я жена Харитонова. - Это который только что погиб? - уточнил он, но, увидев, что у меня выступили слёзы, сразу же убежал. Я пришла в штаб, где находились командир, его жена. Стали рассказывать мне, что Анатолий улетел на открытие Второго фронта, а я разрыдалась и сказала, что всё уже знаю. Они принялись успокаивать, но у меня начался озноб, поднялась температура, и меня перенесли в медицинскую часть, где всё рассказали, отдали его вещи, фотокарточки, похоронку и его опечатанный чемодан. Когда вскрыли чемодан, все ахнули: он был полон шоколада, который выдавали пилотам на случай вынужденной посадки. Так как Анатолий не пил и не курил, то табак и водку, что выдавали лётному составу, менял на шоколад. Его он берёг для меня...

Самолёт, на котором летел Анатолий (в этот день он летел вторым пилотом, новый маршрут через линию фронта был ему незнаком), погиб; другие самолёты из-за грозы не вылетели, но катастрофа спасла лётчиков от трибунала.

После гибели Анатолия я сильно болела: начались галлюцинации. Увижу на улице лётчика, бегу за ним, хватаю за руку, он оглядывается, я вижу, что это чужой человек, отворачиваюсь и убегаю. Пропал голос, и когда меня на партийном собрании принимали кандидатом в члены ВКП(б), я стояла на трибуне, а сказать ничего не могла. Но приняли единогласно. Врачи предлагали направить меня на лечение в психиатрическую больницу. Очень плакала мама: что же будет с Валерой? Мне было двадцать два года, а Валерию - восемь месяцев. Как мы мечтали с Анатолием, что у нас будет много-много детей, и если бы не война, то, наверное, так и было бы!

Сейчас пишу о нём, и у меня такое впечатление, что он рядом со мной, хранит меня, Валерия, внуков и уже правнуков.

Эти воспоминания об Анатолии я писала накануне 6 июня 2006 года - сатанинского дня - 666. Всю ночь Москву терзали небывалая гроза, шквалистый ветер и ливень. Молнии в чёрном из-за туч предрассветном небе сверкали каждые сорок секунд, такой же разгул стихии был 30 мая 1944 года. Маша, Саша и Светлана спят. Я пишу, и когда стали сверкать молнии, то мне показалось, что на моей ладони лежит ладонь Анатолия. Я оглянулась, никого нет. Опять положила свою руку на стол и снова чувствую его ладонь. Смотрю на окно, вижу маму. Какая-то мистика, даже страшно стало! Лена - в краткосрочном отпуске у Лёвы, Валера - в командировке в Италии. Я хожу по квартире, напал какой-то страх, но Анатолия чувствовала всю ночь рядом с собой, как будто он меня успокаивал. На следующее утро прочитала в газете об этой стихии, её обрисовали как «погодный беспредел»: свалено столько-то деревьев, повреждены автомобили, происходили короткое замыкание и остановки троллейбусов. Гроза и плотная облачность вынудили три самолёта, направлявшихся в столицу, изменить аэропорты назначения. Позвонила Марине, рассказала ей про эту ночь, и она ответила, что я очень восприимчива, надо успокоиться и несколько дней не писать свои воспоминания. А я испугалась, что опять начинаются галлюцинации, поэтому рано ложусь спать, перед сном глотаю успокоительные препараты и стараюсь ничего не писать, хотя боюсь, что до смерти не успею.

Я всегда помню Анатолия и очень жалею, что мало осталось его фотографий. Он был рад, когда в 1943 году ввели погоны, но в форме так и не сфотографировался. Мама отпевала его в церкви, и песочек, который выдал священник, мы похоронили в могиле на Калитниковском кладбище, к моему отцу. Повесили табличку с его фамилией и именем на ограду: кто проходит, читает, значит вспоминает, а для нас он остался вечно живым.

Мы с мамой были удивлены, когда Валера, в первый раз увидев фотографии отца, потом везде его узнавал, даже на групповых снимках, а

ведь ему тогда было лет шесть-семь.

После гибели Анатолия сотрудники окружили меня любовью и вниманием. У моего отца, мы уже знали, прогрессировал рак лёгких, но он всегда спрашивал у мамы, почему Аня плачет, ни с кем не разговаривает, почему Анатолий не приезжает, почему у нас так тихо. А мы от него всё скрывали. Он умер, не зная, что Анатолий погиб. Может быть, и догадывался: просил поднести к нему Валерия, гладил его по головке и всё время напоминал, чтобы мама жила со мной, только со мной.

Через некоторое время меня вызвали в финансовый отдел ГВФ, назначили пенсию на Валерия - 634 рубля, так как в личном деле Анатолия из родственников числились только я и сын, а тётя, которая его воспитывала, к тому времени уже умерла. Примерно через два-три месяца из Орловской области приехала мать Анатолия, пришла к нам, вот тут-то мы с ней и познакомились. Она рассказала, что два её сына, моложе Анатолия, погибли на фронте ещё раньше его, она осталась в деревне совсем одна, решила приехать к дочери Надежде, которая жила в комнате тёти (одно время, ещё при жизни Анатолия, Надежда жила у нас).

Мать Анатолия, Евдокия Васильевна, очень подружилась с моей мамой, поэтому каждый день приезжала к нам, а когда мы переехали на 1-й Аэропортовский проезд, то и неделями жила у нас. Они с Надеждой стали хлопотать о её прописке в Москве, но, поскольку она приехала с оккупированной немцами территории, в прописке отказали. Вот здесь я впервые обратилась к своему начальнику отдела полковнику Леониду Максимовичу Збраилову с просьбой помочь в этом вопросе. Он знал о моей болезни после гибели Анатолия и всё время хотел чем-то помочь, спрашивал: «Хотите, мы комнату вам дадим?» А я считала, что раз мы остались втроём - я, сын и мама, - то нам и нашей двенадцатиметровой комнаты достаточно. В то время наш отдел арестовывал много диверсантов, перебежчиков, и их комнаты доставались отделу, поэтому все наши сотрудники, кто нуждался в жилплощади, были ею обеспечены.

Леонид Максимович, очень внимательный, отзывчивый начальник, всегда старался помочь своим подчинённым, когда к нему обращались с просьбами. В ответ на мою просьбу он сказал: «Не обещаю, но постараюсь». Через несколько часов дежурный по отделу сообщил: «Срочно поезжай в отделение милиции с документами свекрови». В отделении мою свекровь, никогда не жившую в Москве, приехавшую с оккупированной территории, сразу же прописали. Евдокия Васильевна приехала из Орловской области без денег, одежды и обуви. Мы с мамой немного приодели её и решили поделить с ней пополам Валерину пенсию. Я пошла в финансовое управление ГВФ и подала заявление. Как же меня уговаривал адвокат ГВФ, чтобы я этого не делала! Мол, свекровь получит пенсию на других двух сыновей — 100 рублей (они были рядовыми красноармейцами), а я просто сама буду ей доплачивать из пенсии Валерия. Но я его не послушала. В то время я являлась офицером, оклад хороший, и я даже не думала, что в этом смысле будут какие-то

изменения. Позже пенсия на Валеру уменьшилась до 317 рублей, а в 1956 году нас, женщин, демобилизовали, оставили вольнонаемными, и зарплата стала мизерная — 138 рублей. Валера ещё учился в школе, затем поступил в институт, но стипендию получал редко, так как за тройки стипендию не давали. Стал подрабатывать грузчиком на железной дороге, и мы жили на алименты за Лену и мою зарплату. Пенсию мамы в размере 181 рубль получала Александра Кузьминична по тому адресу, где мама была прописана — на Мясной Бульварной. Когда её муж Григорий Григорьевич узнал о нашем незавидном положении, то перевёл пенсию на маму на 1-й Аэропортовский проезд. А перед этим мама решила пенсию на Алексея (100 рублей) передать Елене Александровне для Володи. Намекнула ей об этом, та сразу же пошла в райсобес и, написав заявление от моего имени, стала получать эти 100 рублей. Меня за это очень ругали Луньковы, но ведь маме всегда всех было жалко, а шишки падали на меня...

Евдокия Васильевна жила с дочерью, воспитала её сына и всю жизнь была благодарна мне за всё, что я для неё сделала. Надя работала в булочной, затем в кафе, воспитывала сына Алика, помогала растить двух внуков. В 1972 году она очень меня выручила. Дело в том, что у меня после двух хирургических операций был низкий гемоглобин, а предстояло делать третью операцию. Тогда она достала мне большую банку чёрной икры, которая меня и выручила: подняла гемоглобин. Мы с Валерой и Михаилом Ивановичем хоронили Евдокию Васильевну, а затем и Надежду на Хованском кладбище, по месту их жительства. Когда Алик терял работу, Валера помогал его семье, пока там всё не наладилось.

Что означает имя Анатолий? В детстве Анатолий часто замкнут и стеснителен. В отношениях с окружающими спокоен и может найти общий язык с разными по характеру людьми. Если он руководит, то при этом не допустит унижения человеческого достоинства. Анатолий рассудителен, уравновешен и умеет завоёвывать доверие женщин. Ему больше нравятся блондинки. Хорошие отношения с родителями жены устанавливаются сразу, с тестем они становятся хорошими друзьями. Так всё и было! Знак зодиака - Дева, по восточному гороскопу - Петух.

* * *

Я хорошо помню, как в июле 1944 года по Садовому кольцу вели пленных немцев, их было не менее 55000 человек. Они шли понурые, безобразно одетые: болтающиеся обноски, разбитые деревянные башмаки, а некоторые вообще шли босиком, рваные шинели и шапки, закутанные в какие-то тряпки, звенели консервные банки, которые были у них вместо тарелок. Москвичи стояли на тротуарах, скорбные и молчаливые. Была гробовая тишина, некоторые бросали им хлеб, но никто их не оскорблял и не швырял в них камни, как пишут сейчас...

Вернусь к началу работы в органах госбезопасности. Мне объяснили, чем занимается контрразведка, какие задачи стоят перед ней. С первых дней войны контрразведчики вели беспощадную борьбу со шпионами,

предателями, диверсантами, дезертирами и всякого рода паникёрами и дезорганизаторами. Противник активно использовал бывших военнослужащих Красной армии, которые под видом побега из плена направлялись для внедрения в боевые подразделения. Эти агенты помимо всего имели задания по ведению пораженческой агитации, распространению провокационных слухов, склонению военнослужащих к переходу на сторону врага и сдаче в плен.

Усвоив основные задачи, я стала привыкать к распорядку отдела. Нам внушили, что каждый сотрудник должен знать только то, что ему требовалось по работе, конспирация была во всём. Мне дали псевдоним «Хаценко» - созвучно с фамилией Харитонова, которую я тогда носила. Все донесения подписывала этим псевдонимом. Выдали оружие - маленький пистолет, не помню, какой системы. Он всегда лежал в моей сумочке и был такой тяжёлый, что пробил дно нескольких сумок. Анатолий, приезжая домой, всегда чистил и смазывал его. Вместе с оружием лежала записная книжечка, где я зашифрованно записывала задания, делала небольшие наброски о каждом проверенном объекте.

В 1944 году, ещё до гибели Анатолия, на шоссе Энтузиастов двое подростков днём напали на сотрудницу Московского уголовного розыска, у которой пытались вырвать сумочку. Она отчаянно сопротивлялась, но, видя, что силы на их стороне, выхватила из сумки оружие и выстрелила одному в ногу, он упал и остался лежать, а второй убежал. В отделении милиции, когда разобрались, женщину отпустили, сообщив об этом в МУР. И наш Леонид Максимович решил отобрать у нас, женщин, оружие, чтобы за его пропажу нам не попасть под трибунал. Мы сложили оружие в сейф, а брать его с собой могли только с разрешения начальника отдела.

Выдали удостоверение сотрудника НКВД, которое в работе почти не применялось, держали его в сейфе. В целях конспирации нам давали документы, зашифровывающие нас и нашу ведомственную принадлежность. Главным из документов прикрытия являлось удостоверение уголовного розыска, которое выдали всем сотрудникам «установки» и наружной разведки. Другие документы у всех были разные. У меня имелись удостоверения Наркомата среднего образования и работника почты и связи, а иногда срочно выписывали то, что непосредственно требовалось для выполнения конкретного задания.

Сотрудники отдела были молодые, пришли в органы по путёвкам из райкомов комсомола, с заводов, фронта. Чтобы узнать, с чего начинать нашу работу, ко мне прикрепили на полмесяца Веру Канзинбаеву, которая работала в «установке». Походила она со мной всего дней пять, показала, как работать с домовой книгой, ориентироваться с бухгалтерскими карточками, подбирать источники для сбора сведений на объектах. Я быстро всё усвоила, у меня принял экзамены Толя Железников, её муж, и с того времени по заданиям уже ходила одна, ориентируясь на месте, как и что делать. В отделе говорили, что я была очень дотошная, вытрясала от источников всё, что им было известно, до самых мелочей. Узнавая о связях объекта, устанавливала их адреса, ездила туда, поэтому мои

установки были полные, чёткие, я отвечала на все поставленные вопросы оперативного работника, который давал эти задания. И многие оперуполномоченные Управления особых отделов на своих заданиях писали: «Просим исполнить «Хаценко»». В отделении «установки» только я одна была с высшим образованием, а потом, 29 апреля 1943 года, начальником отдела был назначен Леонид Максимович Збраилов, у которого тоже имелось высшее образование. Наш отдел был многочисленный - за счёт наружного наблюдения. Многие даже и не знали друг друга по фамилии, только в лицо. Когда на отчётно-выборном собрании объявляли состав и говорили, что с высшим образованием - два человека, то раздавались вопросы: «Кто? Пусть поднимутся». Мне приходилось подниматься, поэтому меня все знали.

Режим труда у нас сложился очень суровый, выходных и праздников не было, дисциплина очень строгая. Полковник Збраилов предупредил всех: если заболеешь, то хоть на корточках, но доберись до телефона и сообщи дежурному, что с тобой случилось, где ты находишься, нужна ли какая помощь. Но мы в то время были молодые, весь день и в любую погоду на улице, поэтому почти никто из нас не болел. Во время работы днём звонили дежурному, сообщали, где мы находимся, и если в эти районы поступала «установка», то передавали её нам, тогда менялся план работы, мы не успевали даже пообедать. Работали напряжённо с утра до вечера, не жалея себя. Утром получали задания и расходились по всей Москве. Обеденный перерыв с 17:00 до 20:00. К восьми вечера возвращались на «конспиративку», отчитывались, что сделали за день. Работали до часа ночи. Правда, Збраилов дал указание начальнику отделения отпускать меня домой, как только я всё напишу, поэтому я уходила в одиннадцать-двенадцать часов вечера, а остальные засиживались до ночи. Начальники же оставались до пяти утра, пока работал И.В. Сталин. Отдел располагался на конспиративной квартире, а начальник, его заместитель и два секретаря работали в доме два на площади Дзержинского. Сотрудники наружной разведки работали в две смены: утром и вечером. Когда смены менялись, было очень шумно. В «наружке» всегда работали парами, парень и девушка, поэтому почти все переженились, но ни ссор, ни конфликтов не наблюдалось.

Сотрудники «установки» несколько раз меняли свои конспиративные квартиры: улица 25-го Октября, в здании Наркомата Военно-морского флота на Арбате, в районе проезда лётчика Серова - это около Мясницкой улицы, Копьёвский переулок - позади Большого театра. На всех этих квартирах работала и Евгения Петровна Петрова, моя сослуживица, она пришла к нам в отдел в конце 1945 года, когда вернулась с фронта и родила сына. В большом зале на конспиративной квартире на улице 25-го Октября проходили партийные и комсомольские собрания, проводили совещания, политзанятия и показывали немецкие кинофильмы без перевода, но мы всё понимали. Эти фильмы смотрели те, кто освобождался от работы или мог быть вызван на работу «наружкой» и поэтому находился в отделе. Чаще всего просили показать фильм «Купальщица», как мы его назвали. Суть этой картины: очень красивая

блондинка моется в большой бочке, а потом выскакивает оттуда совершенно голая. Кто-то сказал, что это жена Гитлера Ева Браун, но потом мы узнали, что это звезда Третьего рейха Марика Рекк. Иногда этот кинофильм крутили всю ночь, стоял хохот, раздавались реплики. Ведь в советское время в кино не показывали обнажённых, а здесь в течение всего фильма мы видели обнажённую блондинку во всех позах.

Зарплата у наших офицеров, я считаю, была хорошая. Выдавали продовольственные и промтоварные карточки, которые мы отоваривали на Большой Лубянке и Кузнецком мосту. Там были длинные очереди, и однажды Валерик потерялся в магазине на Большой Лубянке, так что дежурный по магазину объявил по местному радио, что Валерий Харитонов должен подойти к кассе, где его ждёт бабушка…

Когда к нам пришёл начальником отдела Леонид Максимович, то, узнав, что я окончила в институте факультет русского языка и литературы, попросил меня вести уроки русского языка для сотрудников нашего отдела. Поэтому после того, как я сдавала свои донесения, я писала с ними диктанты, разбирала ошибки и вообще учила, как писать донесения. Когда же у нас появились выходные дни, то Збраилов сказал мне, что каждый месяц я должна организовывать экскурсии в литературные музеи, на выставки, посещать театры, читать лекции на литературные темы. Ещё на первом комсомольском собрании меня избрали председателем культсовета, и я отвечала за всю культурно-массовую работу. С того времени все сорок лет, что я проработала в органах, всегда была ответственной за культурно-массовую работу, являлась членом комсомольского бюро, затем партийного.

Тогда же решили выпускать стенную газету, где я была корректором редколлегии. Газета была очень острой, с карикатурами, но просуществовала она месяцев пять, так как всех членов редколлегии постепенно перевели в другие отделы. В последнем номере стенгазеты нарисовали всех членов редколлегии наподобие знаменитой картины Репина «Запорожцы пишут иисьмо турецкому султану», где вставили подлинные наши фото. Потом каждый вырезал из этой картины себя, и у меня хранится часть этой картины, где я - писарь.

Мы проводили вечера самодеятельности, как же там было весело! Однажды кто-то из выступающих был занят по работе, и пришлось выступать мне с «лезгинкой». Мой танец сфотографировали, снимок поместили в стенгазете, но вскоре кто-то сорвал фото, таким же манером украли ещё несколько моих фотографий. Считали, что там я была хороша.

Збраилов часто повторял, что мы, сотрудники органов, всегда должны быть на голову выше других, в курсе всего, что делается в стране. И наш рабочий день начинался с политинформации.

В конце 1943 года к нам в отдел пришло пополнение из Московской контрразведывательной школы, курсанты которой были главным образом из пограничных и внутренних войск. Среди них были Вадим Казанский, Александр Гречанинов, Лука Лукашов и другие. Самым культурным,

интеллигентным человеком из них являлся Вадим. Вёл себя спокойно, старался не выделяться, в общении был очень прост, интересовался литературой, театром, хорошо знал Москву, много рассказывал о старой Москве, и мы любили его слушать. Он часто рассказывал о своей невесте, впоследствии жене, которую боготворил, ни на кого из наших девчат не обращал внимания. Это был очень порядочный, честный человек, старался помочь всем окружающим, чем только мог. Как-то он вспомнил, что однажды летом, ещё до войны, он с товарищами катался на лодке на Пионерских прудах (так тогда именовались Патриаршие пруды), и они защитили девушек, чью лодку пытались перевернуть какие-то два парня. Их задержали и отвели в отделение милиции. Поблагодарив ребят, дежурный стал разбираться с нарушителями порядка, один из которых назвал фамилию другого (Скрябин) и просил позвонить по телефону, где ответили: «Приёмная Вячеслава Михайловича Молотова» [14]. Милиционер рассказал о том, что произошло, и ему ответили, что сейчас доложат Молотову; через несколько минут передали, что пусть задержанный посидит в КПЗ. Только вечером за парнями пришла машина, один из них оказался племянником Вячеслава Михайловича и жил в его семье. Жители района хвалили Молотова, что он не стал сразу же защищать родственника и наказал хулиганов.

Главное внимание в работе мы уделяли борьбе со шпионажем, поиску и обезвреживанию вражеских агентов, выявлению дезертиров. В 1942-1944 годах несколько раз нас срочно вывозили в лес под Москвой, куда сбрасывали десанты немецких агентов. Впереди нас шли солдаты с ружьями наизготовку, а за ними мы с палками, обшаривали кусты, нет ли там парашютов, раций или каких-то других подозрительных предметов. Об этом хорошо написал Богомолов в своей книге «Момент истины (В августе 44-го…)».

Наш отдел обслуживал в оперативном отношении все военные городки, военные дома, военные гостиницы, находящиеся в Москве и Московской области, и, по возможности, всех военнослужащих, приезжающих в Москву. Когда проходили военные парады, мы делали «установки» на всех гостей, которых приглашали на трибуны Мавзолея, обеспечивали государственную безопасность. Когда работала в «установке», все праздники я или дежурила в отделе, или находилась на чердаке одного из домов, из окон которого была видна вся Красная площадь. И за всё время никаких неприятностей у нас не было.

Как-то раз, это было в 1942 или 1943 году, нас всех по телефону срочно вызвали на Арбат. Оказалось, что по Арбату только что проехал И.В. Сталин; его, как обычно, сопровождали ещё две машины. Когда проехала первая из них, то перед машиной Сталина раздался взрыв. Конечно, поднялся шум, прибыло всё начальство службы безопасности и правоохранительных органов. Но выяснилось, что это вылетела крышка люка: скопившийся в коллекторе газ сдетонировал при наезде на люк колеса машины. Сталин, когда ему доложили, сказал, что надо

[14]Вячеслав Михайлович Молотов (Скрябин) (1890-1986) - председатель Совета народных комиссаров (Совета министров) СССР в 1930-1941 годах

предупредить ответственных лиц, чтоб они всё проверили, но никого не наказывать.

Летом 1943 года запеленговали рацию в доме на Рождественке. Мне было приказано установить, в какой квартире эта рация и кто на ней работает. Тщательно проверила весь дом, выяснила, что в одной из квартир остановился офицер, приехавший в командировку с фронта. Поселился у своей сестры, которая работала на заводе и часто отсутствовала по нескольку дней. Соседи же уехали в эвакуацию, и этот офицер фактически жил в квартире один.

Установили за ним слежку, проверили документы. Всё в порядке. И вдруг он передаёт по рации, что в такой-то день и час он выходит из дома и тогда-то будет переходить линию фронта. Наш отдел приготовился. Я должна была находиться в подъезде и, увидев, что офицер вышел из квартиры, махнуть белым платком в окошко повыше того этажа (стекло из форточки наши ребята заранее выставили). Прибыла я рано, вошла в подъезд и вдруг вижу, что этот офицер уже спускается вниз. Увидев меня, остановился, пропустил, и боковым зрением я замечаю, что он смотрит мне вслед. Прохожу один этаж, второй, третий - он всё стоит! Дошла до последнего этажа, стучу в квартиру, захожу и прошу стакан воды. Когда старушка пошла за водой, быстренько выскакиваю обратно и, сняв туфли, спускаюсь к окну. Выдавливаю стекло из форточки, порезав при этом руку (я ведь была на другом этаже), и машу окровавленным платочком. Когда увидела, что со всех сторон к подъезду пошли пары наших сотрудников, то села на ступеньку лестницы и… заплакала. После мне рассказали, что к объекту подошли Антропов и Булеха, наша группа обыска и ареста, заломили руки за спину и втолкнули в подъехавшую машину. Сделано всё было молниеносно, так что прохожие не успели даже сообразить, что произошло. Абакумов и Збраилов стояли на углу у Архитектурного института, Абакумов направился вслед за машиной - на Лубянку, а Збраилов подошёл к нам, похвалил за чёткую работу. Старший группы «наружки» поинтересовался у Збраилова, кто стоял с ним рядом. Когда услышал, что Абакумов, растерялся, что не узнал его, и сказал, что тот всё время интересовался, как идут дела, а он послал его на три буквы. «Что теперь мне будет?» - загоревал он. Збраилов засмеялся и ответил, что ничего не будет, так как Абакумов и сам нервничал. Абакумов и Збраилов часто присутствовали при задержании особо опасных преступников.

В 1943 году стал создаваться «ядерный проект» - институт, который тогда именовался «лабораторией № 2 Академии наук СССР» и находился на территории Щукинского военного городка. Ныне это институт имени Курчатова. Вскоре там был установлен атомный реактор. Многие из жителей городка стали устраиваться туда на работу, и я каждый день здесь бывала, делала «установки» на желающих работать на этом объекте. Одна из женщин, к которой я пришла побеседовать (она работала горничной в гостинице на территории военного городка), заподозрила меня в шпионаже. Стала расспрашивать, как меня найти, если она ещё что-то о ком-то вспомнит. Я ей рассказала и обещала прийти на следующий день. После моего ухода она побежала в уголовный розыск

отделения милиции, поведала о нашем разговоре, и там сказали, чтобы она сразу же сообщила о моём появлении. А я, возвратившись в отдел и рассказав о беседе с этой женщиной, решила вновь к ней зайти, чтобы закрепить наше знакомство, так как получила от неё интересную информацию про многих её соседей по дому.

На следующий день я позвонила ей в дверь квартиры, и она, увидев меня, растерялась: «Это вы?» Я засмеялась и говорю, что обещала же зайти. Но тут к ней пришла соседка по квартире, осталась в комнате со мной, а та стала кому-то звонить по телефону (аппарат стоял в коридоре). Быстро переговорив, женщина вернулась в комнату и стала рассказывать, что она вчера разыскивала меня в комендатуре военного городка, расспрашивала всех обо мне, но по её описанию никто такую не знал и не видел. Оказывается, она описала меня девочкой лет семнадцати. И потому, конечно, работники комендатуры меня не признали. Раздаётся звонок, входит начальник уголовного розыска с двумя милиционерами. Проверили документы и повели меня в отделение милиции, которое находилось на территории городка. Ведут меня, а многие жители городка меня знали, здоровались. Начальник угрозыска, кажется, майор по званию, спрашивает: «Кто же ты есть?» Привели к начальнику отделения милиции, он задаёт мне тот же вопрос. Я отвечаю, что сотрудник МУРа. Несколько часов продержали меня: «входите», «выходите», «подумайте»… Моё муровское удостоверение начальник отделения милиции держит у себя, слышу, что кому-то звонит, что-то спрашивает, ему отвечают, а он повторяет: «Нет-нет-нет». В конце концов я попросила разрешить мне позвонить. Только набрала номер телефона Збраилова, как начальник отделения милиции вырвал у меня трубку и услышал:

- Збраилов слушает!

- Леонид Максимович! Так это твоя девушка у меня сидит?

- Мы уже несколько часов разыскиваем её по всей Москве! - ответил Леонид Максимович. Он тут же сам приехал за мной. И выяснилось, что МУР, выдавая нам удостоверения, не поставил в нём какой-то одной точки. Пришлось Збраилову самому туда ехать и разбираться, после чего нам поставили недостающий знак. Начальник отделения расхвалил меня Збраилову, сказав, что я стойко держалась. «Мне бы таких!» - закончил он.

* * *

19 апреля 1943 года И.В. Сталин утвердил постановление Совнаркома, которым было образовано Главное управление контрразведки Смерш Наркомата обороны СССР. Смерш означало «Смерть шпионам!». Начальником ГУКР Смерш был назначен Виктор Семёнович Абакумов. В соответствии с чрезвычайными условиями военного времени органы Смерш наделялись широкими правами и полномочиями. На них возлагалось проведение оперативно-розыскных мероприятий, значительно расширены карательные меры в отношении военных преступников. Спецслужбы Германии усилили заброску на нашу

территорию агентов и диверсантов, более тщательно подготовленных. Кадры брали из изменников, предателей, карателей, уголовных элементов. Возрастало количество заброски агентуры через линию фронта на самолётах. При отступлении немецких войск противник оставлял агентов со специальными заданиями, некоторых сбрасывали на парашютах.

Так, на Гончарной улице, на Таганке, в своей квартире остановился некий полковник, приехавший с фронта (его семья находилась в эвакуации). Мы знали, что он был завербован немцами и вот-вот должен вернуться обратно через линию фронта. Наша оперативная группа выехала к нему. Я пошла в квартиру узнать, дома ли он. Квартира на верхнем этаже, но электричества нет, лифт и звонок не работают. Стучу в дверь, никто не открывает. Повернулась спиной к двери и стала бить по ней ногами, чтобы меня услышали. Неожиданно открывается дверь, и я буквально падаю в коридор. Чувствую, что меня кто-то схватил за шкирку и бросил в маленькую комнатку, закрыв снаружи дверь на защёлку. Я поняла, что нахожусь в туалете. Слышу, кто-то бегает по квартире. Раздаётся сильный стук в дверь, кто-то бежит к чёрному ходу, но там уже ждут наши ребята. Вошли в квартиру, один схватил этого полковника, другой побежал к парадной двери, куда ещё стучали. Влетает Збраилов, его первый вопрос к задержанному:

- Где наша девушка?

- Если бы знал, что ваша - убил бы! - закричал неприятный плюгавенький полковник. Дальнейшую судьбу задержанных мы не знали. Слышали, что некоторых перевербовывали и отправляли обратно за линию фронта, некоторых привлекали к радиоиграм.

Однажды заместитель начальника отделения Зернов дал мне задание: срочно установить образ жизни и связи одного человека, но предупредил, чтобы я не заходила к нему в квартиру. Я обошла несколько квартир, всех расспрашивала, но никто ничего о той семье не мог сказать. Тогда я всё же решила войти в квартиру. У соседей всё досконально узнала. Возвращаюсь радостная на «конспиративку», а меня встречает бледный Зернов и спрашивает: «Зачем заходила в квартиру?» Оказывается, там стояла «техника», и весь мой разговор услышали и Збраилов, и оперативный работник, который вёл дело. Доложили Абакумову, он прослушал запись и сказал, что я очень хорошо провела беседу, грамотно, никак не задела объект, а всё, что требовалось, выяснила. С того момента самые сложные задания давали мне.

В отделении лучшими «установщиками» считались Николай Гаврилович Жегулов и я. Сказать, что я была очень храброй, нельзя. Тихая, стеснительная, очень спокойная, всегда улыбающаяся, может быть поэтому мне легко давалось войти в доверие. Я всегда носила с собой какую-нибудь художественную книгу, и многие, к кому заходила, просили рассказать о ней или сами хотели посмотреть. Ведь тогда мы были самой читающей страной в мире.

Иногда мужчина-«установщик», даже Жегулов, ничего не мог установить. Представляете, он входит в квартиру (а до войны больше было коммуналок, на кухне много хозяек) и спрашивает ту, которая нужна ему для беседы. Ситуация: муж у женщины на фронте, а с ней неизвестный мужчина уединяется в комнате. Соседки это понимают по-своему, а женщина волнуется, как бы чего её мужу не написали. В общем нужного разговора не получается! Мне в этом отношении было легче. Я узнавала об источнике, кто она, чем занимается, чем интересуется, где была в эвакуации. Когда появляюсь на кухне, то сразу называю, например, Мария Петровна. Та подходит, говорит, что не знает меня, а я говорю ей: «Как? Мы же с вами в эвакуации были», и тогда почти каждая меня признавала. Смешно, да? А в комнате, куда мы заходим, я показываю ей удостоверение МУРа, и она серьёзно говорит, что ошиблась, думала, что я действительно была с ней в эвакуации. И начинается наш доверительный разговор, иногда даже долгий.

Однажды офицер с фронта прислал в НКВД письмо, где изложил, что он перед войной женился и поехал с женой в Орловскую область, чтобы познакомиться с её роднёй. Там их застала война, он сразу же выехал в свою часть, а она задержалась. Сейчас он находится в Орловской области и в соседней деревне узнал, что его жена работала на немцев, выдала многих коммунистов и комсомольцев, а когда немцы покидали деревню, бежала с ними, но они её бросили по дороге. В настоящее время она в России, где-то на Урале, а точный адрес может знать только одна её подруга, с которой она окончила до войны Институт иностранных языков. И указал адрес этой подруги. Некоторые мужчины из «установки» были на её квартире, но никак не могли узнать необходимый адрес. Тогда послали меня. Я выяснила, что эта подруга очень любит читать, не пропускает ни одной новинки, и пошла к ней с только что вышедшей книгой графа А.А. Игнатьева «Пятьдесят лет в строю» [15]. Мы говорили о литературе, новинках, она просмотрела мою книгу и вдруг говорит мне: «Записывайте адрес!» Я прикинулась: «Какой адрес? Чей? Мне он не нужен!» Но она продолжала: «Запишите на всякий случай, вдруг понадобится». Я записала с неудовольствием, «на всякий случай». Ещё немного погворили и расстались. Я вышла от неё, с первого же таксофона позвонила в отдел, передала адрес, а когда вернулась вечером, то мне сказали, что жену офицера уже арестовали в Свердловске и сопровождают в Москву.

Когда освобождали территории от немцев, то многие соседи сообщали о таких предателях. Многие из них были замужем, мужья сражались на фронте, а в Москве оставались родственники, через которых мы и узнавали адреса этих женщин.

Один раз мне пришлось переодеться в телогрейку и вручать телеграмму «с фронта» сестре одной из таких женщин. Только я вошла в квартиру и сказала, что принесла телеграмму с фронта, у меня её чуть было не вырвали, а я заявила, что такие телеграммы передаём только

[15]Алексей Алексеевич Игнатьев (1877-1954) - граф, военный агент (атташе) во Франции во время Первой мировой войны, генералмайор Русской армии; генерал-лейтенант Советской армии (1943).

лично. Родственники сказали, что женщина проживает в другом городе. «Скажите адрес, мы её туда перешлём». В ответ получила адрес, который сразу же сообщила в отдел. Делали мы это быстро и чётко, но перед каждой подобной операцией договаривались с начальником почтового отделения, что идём к таким-то, и оформляли телеграмму на подлинном почтовом бланке, так что провалов не было.

Однажды я пришла по делу в промтоварный магазин. Долго говорила с директором, а когда он меня провожал, я залюбовалась на детские костюмчики, которые были развешаны по всем стенам. Мой взгляд заметил директор и спрашивает:

- Вам что-то нужно?

- Нет-нет, ничего! - отвечаю я, хотя у меня только Валерий родился, а ордера на одежду получить было трудно, большая очередь. Директор почувствовал всё, о чём я подумала, и говорит:

- Берите всё, что хотите, без денег и без ордеров! Когда я отказалась, он сказал:

- Те, кто работает в МУРе, у нас ни от чего не отказываются. Но я сразу же ушла. И сколько таких случаев было! Часто бывала в антикварном магазине на Арбате, где, как нам сказали, иностранцы скупали подлинники старинных картин и увозили из нашей страны. Мы в этот магазин ходили по очереди, проверяли наличие таких картин: они были нами отмечены.

Полковник Збраилов каждый день приходил к нам на «конспиративку», беседовал на различные темы, а если кто-то обращался к нему за помощью, всегда помогал, и мы знали, видели, что о нас беспокоятся, заботятся. Один-два раза в месяц заходил и Виктор Семёнович Абакумов, отвечал на наши вопросы, спрашивал: «Как работается? Кто или что мешает?» Он говорил, что товарищ Сталин учил, чтобы не было неприятностей, надо держать карманы закрытыми. Когда приходилось по работе идти в магазин, многие наши сотрудники вообще зашивали карманы, чтобы не подложили взятку или «подарок». Нам было приказано: ничего ни ог кого не брать, даже не прикасаться.

Как-то я попала к одной графине, тоже на Арбате. До революции она с семьёй жила в квартире из десяти комнат, а в 1917 году семья выехала за границу, но она влюбилась в чекиста и осталась в Москве. Чекист на ней не женился, в квартире ей оставили одну комнату (как тогда говорили, уплотнили), в которую перенесли её вещи и мебель. Комната напоминала антикварный магазин, где еле-еле можно было протолкнуться. Мы долго беседовали: в этом доме она жила с рождения, со всеми жильцами была в хороших отношениях, многие приходили к ней посоветоваться, поэтому она знала о жильцах всё. Когда я прощалась с ней, она очень хотела подарить мне что-нибудь на память. У неё стояли чудесные статуэтки, висели картины, гобелены. Я от всего отказалась, она даже расстроилась. «Вы работаете в уголовном розыске? Не может быть! С такими лучистыми светлыми глазами, добрым лицом и улыбкой - и

в уголовном розыске... Нет!» Я была очень признательна ей за рассказ о доме и жильцах. Она не проявила ни злобы, ни отчаяния, хотя после Октябрьской революции её «уплотняли», чекист бросил, она работала переводчицей и потихоньку продавала свои вещи, на что и жила. Учила французскому языку соседских детей, но денег с них не брала.

Однажды я получила «установку» на Капитолину Васильеву: охарактеризовать её и связи - обычное, очень простое задание. Жила она со своей матерью где-то в районе шоссе Энтузиастов. Но в беседе с людьми, там проживавшими, я узнала, что Капитолина - лучшая пловчиха СССР, недавно вышла замуж и переехала с матерью к мужу по адресу: Гоголевский бульвар, дом 7. Поехала туда: огороженный двухэтажный дом, во дворе, в будочке, стоит солдат. Подхожу к нему и прошу пропустить меня к коменданту. «Подождите», - вежливо отвечает солдат, а я оглядываюсь, не понимая, что это за здание. Вдруг ко мне подбегает офицер, который посмотрел моё удостоверение уголовного розыска, и говорит:

- К нам больше не приходите!

- Почему?

- Узнаете в своём уголовном розыске! - офицер записал номер моего удостоверения и пошёл обратно в дом.

Я поинтересовалась у солдата, как это он так быстро прибежал, а солдат показал мне кнопку звонка на полу, на которую он нажимал, вызывая дежурного.

Потом мне стало известно, что с Гоголевского бульвара позвонили Збраилову, который объяснил, что это была обыкновенная проверка для выдачи пропуска на трибуну Мавзолея. От Леонида Максимовича я узнала, что в этом особняке живёт Василий Иосифович Сталин, а Капитолина Васильева была его очередной женой.

* * *

В 1942 году генерал-лейтенант Власов попал в окружение, а кто-то из населения сдал его немцам. Изменив Родине, Власов сформировал так называемую Русскую освободительную армию (РОА), которую возглавлял два с лишним года, принимая участие в войне на стороне гитлеровцев. РОА создавалась из советских военнопленных, эмигрантов и белоказаков. В эту армию Смерш внедрил своих работников и агентов, которые вели тайную борьбу. В 1945 году многих власовцев арестовали, они давали показания на ближайшее окружение генерала Власова, некоторые из них до войны жили в Москве. Нам было приказано всех их разыскать и арестовать.

Мне поручили найти аккордеониста, который везде и всюду сопровождал Власова. Было известно, что он проживал в районе Таганки. Несколько дней с утра до вечера я обходила все улицы и переулки на Таганской площади, а разыскала его в конце Малой Коммунистической улицы, в маленьком одноэтажном доме, почти на Андроньевской

площади. Установила, что в начале Великой Отечественной войны он был призван в Красную армию, был на фронте, потом считался пропавшим без вести. В конце 1945 года неожиданно вернулся домой и рассказывал, что был в плену у немцев, где ему выбили все зубы; когда Красная армия освободила его из плена, опять воевал в её рядах, дошёл до Берлина, вставил там золотые зубы, приобрёл дорогой перламутровый аккордеон и затем был демобилизован по болезни. Из бесед я выяснила, что в игре на этом музыкальном инструменте ему не было равных, до войны он играл в домах культуры, домах отдыха, на танцплощадках, часто подрабатывал на свадьбах. Я придумала легенду: попросила его сыграть на свадьбе моей сестры. Договорились, что приду завтра с сестрой и деньгами, а вечером этого же дня он был арестован. Предатель генерал-лейтенант Власов был арестован 12 мая 1945 года на территории Чехии и в июле 1946 года повешен.

В начале 1948 года я получила задание на генерала Крюкова (улица Воровского, номер дома не помню). Там проживали его дочь, учащаяся средней школы, и тёща. Приятельница тёщи рассказала, что первая жена генерала умерла, сам он всю войну был на фронте, а сейчас сюда приезжает редко. С тёщей у него отношения очень хорошие, он даже приезжал советоваться с ней по поводу женитьбы на Лидии Руслановой, с которой познакомился во время её гастролей на фронте. Как рассказывал генерал, поздно вечером после концерта Русланова предложила ему прогуляться. Было очень тихо, и вдруг Крюков остановился, сказав, что слышит крик ребёнка: ему показалось, что плачет его дочь. Русланова, зная, что он вдовец, встала перед ним на колени и поклялась заменить его дочери мать. Тёща ответила Крюкову, чтобы решал сам, главное - не забывать дочь. Русланову в то время любили миллионы людей, плакали и смеялись, когда она пела, заслушивались её песней «Валенки». Своих детей у неё не было, Крюков женился на ней и переехал в её квартиру. Всё выслушав, я приехала в отдел, через Центральное адресное бюро узнала адрес Руслановой - Лаврушинский переулок, куда вскоре и выехала группа обыска и ареста.

В 1945 году я получила задание в Чистый переулок. Разыскала дом неподалёку от улицы Пречистенки. Оказалось, что до 22 июня в этом особняке располагалось посольство Германии. После отъезда немцев особняк передали Московской патриархии. Патриархом Московским и всея Руси тогда был уже Алексий I. Вопросы в установке стояли самые простые: кто живёт в особняке, кто их посещает. Я думаю, это опять-таки была простая проверка лиц, приглашённых на гостевые трибуны на Красную площадь. Хорошо помню, что мне рассказывала дворничиха этого особняка. Показала мне рукой на окно второго этажа, сказав, что там до поздней ночи горит зелёная лампа, при свете которой работает патриарх. Его покои убирают две женщины: чёрненькая и светленькая. Одна приходит во вторник и четверг, вторая - в среду и пятницу. Другие люди в его покои не заходят. Каждую неделю приезжает автомашина из Кремля, привозит продукты, никого больше она не видела, хотя весь день проводит во дворе. Во время нашего разговора к ней подошёл её сын, лет

шести-семи, и она говорит мне: «Знаете, какой чудодейственной силой обладает патриарх? Если мой сын заплачет, патриарх кладёт ему на лоб свою руку, и тот замолкает». Я рассмеялась и сказала, что это он от страха замолкает, а она обиделась на меня, отметила, что у ворот всегда собирается много православных, жаждущих прикоснуться к патриарху, так как от него исходит только успокоение и радость.

Как-то раз я случайно попала к Ольге Ковалёвой, исполнительнице русских народных песен. До войны и в первые годы после неё она часто выступала по радио и была знаменита. Когда пришла беседовать, то узнала её по голосу.

Или получила спецпроверку на Екатерину Васильевну Зелёную. Пришла в квартиру напротив её по лестничной клетке, беседую, и вдруг входит Рина Зелёная - оказывается, это и есть Екатерина Зелёная! [16] Познакомилась со мной, стала рассказывать анекдоты, и мы от души хохотали. Тогда люди были проще, свободнее, и я к ним заходила без страха. В «Чкаловском доме» (на улице Чкалова, теперь это Земляной вал) видела Маршака, его жену (секретаря), англичанку; семью сына Чапаева; Ольгу Эразмовну Чкалову с детьми; многих известных людей, все были простые в обращении, всегда очень благожелательно относились к нам, «сотрудникам МУРа».

Как-то в домоуправлении посёлка «Сокол» - это кооперативные дома для писателей и артистов - я познакомилась с писателем Костылёвым [17]. Увидел у меня в руках второй том «Ивана Грозного», который он написал, и приглашал к себе, обещая подарить третий том, который уже получил из издательства. Но я уверила его, что этот том через несколько дней уже будет у меня. Почувствовала, что он обижен моим отказом, но нам запрещали что-либо брать.

В «установке» я проработала двенадцать лет и два месяца. Здесь описала только те случаи, которые остались в памяти.

Каждый день выполняли по нескольку заданий, поэтому многое видела, знакомилась с разными людьми, в том числе известными. Несколько раз, например, бывала в Московском энергетическом институте имени Молотова, где беседовала с директором института, доктором технических наук Валерией Алексеевной Голубцовой (жена Маленкова) [18]. Она хорошо знала почти всех студентов, особенно старших курсов, и как же она их защищала в разговоре со мной!

Были и курьёзные случаи. Однажды я зашла в домоуправление на улице Чкалова, а бухгалтер мне говорит: «Что же вы ходите, а не ищете воров, которые обнесли вашего московского начальника?» Мы ходили по документам МУРа, а с его руководителем случился вот какой казус. Он получил новую квартиру и собирался переезжать; все вещи собрали и

---

[16]Екатерина Васильевна Зелёная (1902-1991) - народная артистка РСФСР.

[17]Валентин Иванович Костылёв (1884-1950) - писатель, автор романов «Иван Грозный», «Кузьма Минин», «Питирим», лауреат Государственной премии СССР.

[18]Георгий Максимилианович Маленков (1902-1988) - председатель Совета министров СССР в 1953-1955 годах.

упаковали. Хозяин предупредил тёщу, что утром у него совещание, звонить ему не надо, но на переезд ему выделили две-гри автомашины. Потом вечером он заедет, всё проверит и её перевезёт. Уезжая на работу вместе с женой, он отдал тёще чемоданчик с ценностями. Затем, примерно через час, пришла машина, вошли грузчики, работали сноровисто, погрузили веши и уехали; пришла вторая машина, загрузили и её, а старший просит отдать чемоданчик, мол, выполняет распоряжение начальника, а тут тёще внука пора кормить. Сказано - сделано. Всё стало ясно, когда приехали настоящие грузчики. Когда я вечером пришла на «конспиративку», наши офицеры только о том и говорили, слух быстро разнёсся по всей Москве. Но полковник Збраилов посоветовал нам на вопросы об этой краже говорить, что всё это вымысел.

Был во время войны случай, когда на конспиративную квартиру пришёл Леонид Максимович Збраилов и объявил, что в районе Арбата есть некая «генеральша Матильда», о которой сообщили, что она шпионка и её надо срочно разыскать. Ребята сказали, что это надо поручить везунчику, как меня они в шутку называли. Если бы они знали, сколько я трачу сил на розыски, езжу по городу с утра до вечера! Впрочем, мне самой эта работа была очень интересна. Вот и «генералыпей-шпионкой» я заинтересовалась: Арбат являлся моим районом, и мне казалось, что я там всё и обо всех знала. У меня там было много доверенных лиц, чуть ли не каждый день с ними разговаривала. Старшим из оперативного состава на Арбате был Толя Железников, дотошный и ответственный работник, который мне сказал, что это, видимо, выдумки и не надо тратить время. Но раз руководитель сказал, то я поехала искать эту Матильду.

Сколько перелистала домовых книг, со сколькими лицами переговорила - никакой Матильды нет. Прихожу в последнее домоуправление на Арбате, просматриваю документы, тут входят несколько женщин, и одна из них обращается к другой, называя её Матильдой. Меня даже пот прошиб! Когда они ушли, я спросила домоуправа, кто это такая. Получила ответ, что это жена генерала, находящегося на фронте, живёт на Большой Пироговской улице, в общежитии Военной академии. Зовут её Матрёной, но этого имени она стыдится и представляется Матильдой. Она знала всех генеральш в Москве, бывала в их семьях - это был её круг общения. Однажды Матильда пришла к подругам на Арбат и сказала, что с фронта приезжает маршал Жуков. Объяснять, как получила эту конфиденциальную информацию, она не стала, хотя на самом деле всё было очень просто. Матильда захотела о чём-то поговорить с женой Георгия Константиновича, позвонила ей, но оказалось, что та ушла в парикмахерскую и очень надолго. Тогда она позвонила сестре Жукова, но и там ответили, что дама пошла в парикмахерскую. Вывод простой: маршал летит в Москву! Вот кто-то из бдительных гражданок и сообщил про «генеральшу-шпионку Матильду».

Всё это я доложила, когда вернулась в отдел. Но этот успех мне даром не прошёл: теперь при виде меня ребята пели: «Матильда, Матильда, Матильда моя!», кто-то даже в стенгазету юмористическую

заметку написал, а один офицер наружного наблюдения, Булыжников, всегда называл меня Матильдой.

Когда наши сотрудники собирались после обеда, многие рассказывали, кого видели, с кем встречались, разговоров хватало на целый вечер. Был у нас Миша Смыслов, который часто заходил по работе в православный собор в Сокольниках. Если вечером приходил возбуждённый, то мы уже догадывались, что он опять дискутировал с настоятелем собора. Однажды приходит и говорит, что настоятель хочет провести среди прихожан лекцию о религии и пригласил его в качестве оппонента, но руководство отдела запретило ему идти на это мероприятие и приказало вообще прекратить связи с настоятелем. Кстати, Мишин тесть, в семье которого он проживал на углу Покровского бульвара, был сектантом. Збраилов сказал: «Вот с ним и веди полемику!»

Однажды на нашей конспиративной квартире на улице 25-го Октября засорился туалет - дело житейское, - и мы все бегали в общественный, который был неподалёку, в проезде рядом с гостиницей «Метрополь». Шикарный туалет, весь в зеркалах, всегда полон людьми, особенно вечерами и ночью. Это было примерно за месяц до моих родов, и я, предупредив ребят, что иду туда, выскочила без документов. Прибежала, заняла очередь в кабинку, женщин полно, не протолкнуться, а ведь надо и руки помыть, там тоже народ. Но никто не выходит, только и говорят про облаву, а я выйти не могу: документов нет. В это время к «конспиративке» шёл Вадим Казанский и заметил милицию. Заходит в квартиру: «Где Аня?» Ему объяснили. Он увидел на столе мою сумочку, с которой я почти никогда не расставалась, спрашивает, почему я сумочку не взяла. Ему объясняют: выскочила на пять-десять минут. Он быстро развернулся и побежал к туалету, а я стояла уже на выходе. Только я вышла, он схватил меня за руку, сказал милиционерам, что это наш сотрудник, и повёл меня на работу, просвещая, что затолкали бы меня в автобус, увезли бы, возможно, за 101-й километр от Москвы: это была облава на проституток. Конечно, меня выпустили бы, но сколько на это ушло бы времени! Об этом случае доложили полковнику Збраилову, и он приказал, чтобы меня провожал в туалет кто-нибудь из сотрудников, а меня отчитал за то, что пошла без документов. Хорошо, что через два дня починили наш туалет, так как было неудобно перед ребятами: мало того, что провожают, да ещё и ждут. Я была очень благодарна Вадиму за своё спасение и смогла отплатить ему той же монетой. Когда через несколько лет он случайно выстрелил из своего личного оружия на другой конспиративной квартире, а начальник отделения Соколов спросил у меня, что это было, я ответила, что всё в порядке - громыхнуло на улице. Ответ выскочил сам собой, а ребята сказали, что я спасла Вадима от разбирательств.

Помню, как однажды мне попала установка на Казанскую Любовь Петровну, проживающую в уже упоминавшемся «Чкаловском доме». Оказалось, это жена Вадима, они только что поженились, Любовь Петровна была дочерью директора 1-го часового завода, а родственников высокопоставленных сотрудников проверяли очень тщательно и

характеризовали её только положительно. Кстати, Вадим никогда не говорил о том, из какой семьи его жена. Последний раз я видела Вадима в восьмидесятые годы в Малом театре. Они с женой сидели в ложе первого яруса, мы заметили друг друга уже после последнего антракта. Но встретиться после спектакля не получилось. Через несколько лет Женя Петрова сказала мне о его смерти.

Мне приходилось работать и с агентурой, особенно когда наши оперативные работники уходили в отпуск. Часть своей агентуры, особенно активной, они передавали на связь мне.

Однажды агент-женщина плакала у меня на груди, объясняясь в любви к Вадиму Казанскому. Пришлось даже провести внутреннее расследование, и выяснилось, что Вадим никаких поводов для этого не давал, он вообще был очень культурным, воспитанным человеком, поэтому и произвёл впечатление на своего агента, в особенности по сравнению с её мужем, грубым и неотёсанным, как она сама говорила, майором. Этого агента передали на связь другому оперативному работнику, а Казанского перевели в другой район.

В одном из переулков в центре города находилась гостиница, в которой часто останавливались офицеры, приезжавшие в Москву в командировку. Иван Дмитриевич Сидорин, уходя в отпуск, передал мне на связь старшего администратора ресторана этой гостиницы, агента-женщину «Кармен». Она была видная, эффектная, похожа на цыганку, вся в украшениях. Я встретилась с ней два-три раза, и вдруг она просит пригласить на явку полковника Збраилова. Мы пришли с ним вместе, и «Кармен» сказала Збраилову: «Мне очень нравится ваша сотрудница, но работать с ней я не могу, так как мне стыдно рассказывать ей о своих связях с мужчинами, и я не могу посоветоваться с ней, ложиться ли мне с ними в постель. Когда я ей рассказываю, она то бледнеет, то краснеет». Збраилов посмеялся и ответил, что тоже не может дать ей в этом отношении совета: пусть, мол, решает сама. Но пришлось ему самому продолжать с ней встречаться, пока не вернулся Сидорин. С другими агентами было проще, и я никогда не имела ни одного замечания. Всегда всё шло тихо, спокойно.

Я рассказала о ярких примерах, с которыми пришлось столкнуться, а сколько их было! Записи делать запрещалось, а память подводит. Часто делала «установки» на лиц, подобранных для работы в военной контрразведке. Учитывалось всё: коммуникабельность, порядочность, эрудиция, честность, физическая подготовка.

Одна из девушек «наружки» вышла замуж за рабочего фабрики «Гознак» и решила устроить его к нам. Уже в отделе кадров фабрики я услышала о своём объекте, что он уходит работать в Смерш, рассказывает всем о деятельности «наружки», и многие на фабрике просят, чтобы он и им помог туда устроиться. Конечно, его в органы не приняли, а жену уволили.

Работал у нас в отделе Вася Чернышёв, невысокого роста офицер,

хвастун, очень любвеобильный, в разговоре без мата не обходился, так что даже в нашей стенгазете была большая статья «Вася-матерщинник». Однажды к нему приехал из Рязани отец, который, вернувшись домой, всем и каждому рассказывал, что его сын работает в «Смерче». В результате Васю перевели работать в строительные части, и к нам он обратно уже не вернулся.

Сотрудников военной контрразведки кадры проверяли один-два раза в год: интересовались поведением, связями, и не только их, но и членов семей.

Поскольку мы числились в негласном аппарате, в 1942 и начале 1943 года у нас была отдельная поликлиника, свой клуб, нам запрещалось посещать кафе и рестораны, знакомиться с кем-либо на улице или в общественных местах. Мы приходили только на отчётно-выборные партийные собрания Смерша голосовать за Алексея Васильевича Миусова, который несколько лет был секретарём парткома ГУКР, а затем 3-го Главного управления [19]. Нас тогда пускали на балкон, мы были молодые, раскованные, горластые. Когда мы узнавали, что наш Миусов (он являлся заместителем начальника отдела Збраилова) избран, то покидали собрание.

В первые годы нам и путёвки в санатории НКВД-КГБ не давали, да я и не помню, работали ли они. Первый раз я поехала в санаторий МГБ «Кратово» под Москвой летом 1951 года. Меня провожала в санаторий мама. Увидела на территории много кавказцев и испугалась за меня. Я её успокоила, убедила в том, что меня никто здесь не обидит. Когда на следующий день я вышла в красивом халате на приём к врачу, то эти кавказцы нарекли меня «Екатериной Второй», но я с ними не общалась и держалась подальше от них. В то время в этом санатории было три двухэтажных корпуса. Первый называли «Дворянское гнездо», второй - «Коварство и любовь», третий - «Песок и глина». Я попала в третий корпус, так как свободных мест в первых двух не было, и, услышав, что я в третьем корпусе, меня даже сторонились, боясь, что я больная. А мне было спокойнее: гуляла по территории, читала, меня часто навещал А.И. Гречанинов, с которым мы встречались и уже решили пожениться.

В столовой за одним столом со мной сидела семейная пара из Барнаула. Однажды прихожу, а жена сидит одна. После завтрака пошли с ней прогуляться по территории санатория, и она рассказала о себе. Оказывается, её муж был вторым секретарём Алтайского краевого комитета ВКП(б), его направили на укрепление органов МГБ тоже в Барнауле. Он ознакомился там с аппаратом МГБ и приехал с женой в Москву, где получил путёвки в этот санаторий, но им всё не понравилось, и он направился в ЦК ВКП(б) вообще отказываться от перехода в органы. К обеду в «Кратово» вернулся её муж, весёлый, и сказал, что через друзей всё уладил и опять вернется в крайком партии. А мне его жена

[19] В 1946 году ГУКР «Смерш» вошёл в состав 3-го Главного управления МГБ СССР, которое в 1953 году было переформировано в 3-е Главное управление МВД СССР, а в 1954 году, - в 3-е Главное управление КГБ при Совете министров СССР.

откровенно сказала: они думали, что МГБ - это золотая жила, но увидели такую бедность, что пришли в ужас, даже в санатории нет ковров, а в номерах всё старое, изношенное - не то что в санаториях ВКП(б). А мы-то думали, что нам хорошо, да и действительно было хорошо, мы не привыкли к роскоши! Вспоминаю, как мы, чекисты, жили. Только в 1930-е годы появились у нас телефоны, которые мы выставляли в окна, чтобы всем было слышно, когда они звонят.

В 1950-е годы люди, измученные войной, стремились к домашнему уюту: появились этажерки с популярными тогда семью мраморными слониками «на счастье» (они и сейчас есть у нас), фарфоровые фигурки, пластинки «на рёбрах» (молодые люди приобретали в больницах рентгеновские снимки и записывали на них заграничные хиты, продавая их потом из-под полы). В 1960-е годы появилась радиола первого класса «Ригонда»: можно было слушать радио и грампластинки на трёх скоростях. А я не могла её купить, так как не хватало денег. В 1970-е годы появились в продаже мебельные стенки. Я стояла в очереди в магазине, чтобы получить открытку-извещение на такую покупку. У нас и сейчас в квартире стоят две такие стенки. За коврами люди годами стояли в очереди, и хорошо, если он доставался. Вот так и жило большинство чекистов. Так что мне и похвастаться нечем: я безвыездно жила в России, а после демобилизации оклады у нас, вольнонаёмных, были маленькие. Но мы не жаловались, жили от зарплаты до зарплаты, не воровали, не ловчили, а о золотой яме даже не мечтали.

В следующий раз в санатории я была уже только в 1970 году, после операции щитовидки. Тогда там уже начали строить новый многоэтажный корпус, но всех отдыхающих ещё направляли в старые. А в 1981 году Михаила Ивановича Зиберова после инфаркта направили в «Кратово» на долечивание, он очень боялся ехать один, и я купила путёвку туда же. На территории санатория из старых осталось только «Дворянское гнездо», два других корпуса были снесены. Зато построили многоэтажный корпус, в котором были и библиотека, и танцевальный зал, и кинозал, много однокомнатных номеров, номера-люксы.

* * *

Я очень хорошо ориентировалась в Москве, знала все проходные дворы, сквозные подъезды, ходила и никого не боялась. Если же меня вызывали на задание ночью, то за мной приезжала машина, и шофёр провожал меня до нужной квартиры, особенно если этот дом и двор я плохо знала. Во время войны было спокойно, а вот когда в первые месяцы после войны в Москве появилась банда «Чёрная кошка», то стало немного страшновато ходить по закоулкам, но зато легче собирать сведения: только заикнёшься о банде, всё тебе рассказывают, поскольку все горели желанием её уничтожить. Говорили, что Сталин даже не успел узнать о её существовании, как банду разгромили, а всех участников арестовали и осудили.

Как-то я получила задание на студента, проживающего на одной из

дач в Покровском-Стрешневе. Он жил с родителями, дача была частная, домовая книга у хозяина. Дня два ходила вокруг и около дачи, но объект и его родители были очень замкнуты, ни с кем не общались, никто из окружающих их не знал. Попыталась пройти на дачу, но, когда вошла в калитку, ко мне бросился большой пёс, пришлось вернуться, ведь я до сих пор боюсь собак. Только узнала, что у них на даче со стороны лесопарка проживает одинокий мужчина, тихий, спокойный, уже немолодой. Он убирает территорию дачи, иногда ходит за картошкой в магазин. Однажды подкараулила его и разговорилась как сотрудник уголовного розыска. Он немного знал соседей, но больше всего рассказал о своих хозяевах. Когда я сказала, что они меня не интересуют, он ответил: «Это ясно, но у них такая захватывающая жизнь, что читаешь биографию моего хозяина, как детектив». Я поинтересовалась, где он читал эту биографию, и он рассказал, что, убирая дачу, увидел в корзинке порванные листы, собрал их, отутюжил и прочитал. Он отдал их мне, сказав, чтобы я потом их уничтожила. Я прочитала всё это с большим интересом. Узнала, что хозяин (фамилию его не помню) почти всю жизнь находился на нелегальной работе за рубежом, побывал во многих странах, последние годы жил в Лондоне, где у него была книжная лавка. Женился на англичанке, родился сын, но семья не знала и не догадывалась, кто он. Когда почувствовал, что за ним следят, смог вернуться в Москву. Через некоторое время из Лондона вывезли и его семью, они получили в подарок ту дачу, в которой и проживали. Сын уже вырос, и наши органы стали готовить его на нелегальную работу.

Я написала всё, что смогла узнать, и приложила эти листочки биографии. Как мне было жаль этого мальчика, который, возможно, повторит жизнь своего отца! Больше по тому адресу я не появлялась. В том же посёлке жила наша фотограф Аня Савельева, но она никого из этой семьи не знала и сказала, что она и её мама никогда не видели, чтобы кто-то к ним заходил.

А почему я так боюсь собак? Когда была в Магнитогорске, в 1941-1942 годах состоялась перепись населения, и все студенты направлялись по всему городу на перепись. Мне достался спецпоселок, где располагался наш институт. Вхожу в калитку одного дома и с ужасом вижу, что на меня летит большая собака.

Я потом только разобрала, что она была на цепи, которая тянулась вдоль забора. Даже не успела понять, как увернулась от неё, но хозяин этого дома выскочил и меня же обвинил, показав на заборе надпись: «Во дворе злая собака». А у меня на уме были только Анатолий, родители, о которых я ежеминутно думала, поэтому ничего вокруг и не замечала. С того времени ещё больше боюсь и больших, и маленьких собачек.

Несколько раз мне приходилось бывать на опытном поле Сельскохозяйственной академии, находившемся в районе Лихоборской набережной. Поле было большое, собачек было полно, но сторож успокоил меня, сказав, что они не тронут, на всякий случай порекомендовав набрать с собой маленьких камушков: «Замахнись, они тебя не тронут, но

приведут ко мне». Рассказал, как в начале войны немцы сбросили на их поле парашютистов-диверсантов, он помог нашим органам всех их поймать.

Нам, «установщикам», помогали многие жители, так как патриотизм мы впитали в себя, будучи ещё октябрятами, пионерами и комсомольцами.

Сейчас иногда думаю, какой, оказывается, я была храброй, что никого в то время не боялась. Знала, что всё это делаю для победы нашей Родины. А сейчас вечерами боюсь идти по улицам, переживаю за детей и внуков, если они задерживаются, - такое неспокойное время.

После гибели Анатолия и моей болезни полковник Збраилов предлагал мне перейти в отделение наружной разведки, объясняя это тем, что я всегда буду не одна, а с напарником, и мне будет веселее. Я согласилась, решила посмотреть, что у меня получится. Первым объектом стал начальник гостиницы ЦДКА. Нам передали его под наблюдение, когда он вышел из гостиницы и направился к остановке трамвая. Мы с напарником за ним. Подошёл трамвай, все бросились ломиться в его двери, распихивая друг друга. Напарник вошёл, а я не смогла. И вдруг чувствую, что меня кто-то приподнял и внёс в вагон. Обернулась, а это наш объект. И говорит мне: «Девушка, нельзя стоять и ждать, когда очередь рассосётся. Так вы никогда не уедете». Он стал назначать мне свидание, а я вижу, как напарник показывает, чтобы я выходила из трамвая. Я быстро вышла, позвонила с телефона-автомата, чтобы выслали в помощь другого человека, а сама - в отдел, рассказала Леониду Максимовичу, что случилось, он посмеялся: «Первый блин комом. Пойдёте во вторую смену».

Во вторую смену я пошла с красивым, высоким парнем. Идём, разговариваем, и вдруг он говорит: «Аня, если на тебя набросится женщина, то ты её не бойся и не кричи. Это моя жена». Оказывается, он только женился, и жена очень ревновала его, так как частенько встречала его во многих местах Москвы с разными девушками, нашими сотрудницами, и однажды довела его чуть ли не до нашей конспиративной квартиры. Руководство отдела беседовало с ней, но ничего не помогло, пришлось впоследствии его уволить, хотя работник был отличный. После этого при подборе в «наружку» отбирали внешне незаметных ребят.

Работая в «установке», я каждый день встречала наших из «наружки» в трамваях, автобусах и троллейбусах. Они распихивали народ локтями, их толкали, ругались, но они молча проталкивались вперёд, чтобы вести объект, так как за потерю или за расшифровку получали взыскания или замечания.

Я всё взвесила и отказалась от перехода в отделение наружной разведки: чувствовала, что по своему характеру и поведению не смогу здесь работать, хотя служба там шла год за два. Да и Збраилов сказал, что не хотел бы терять такого прекрасного «установщика».

Спортом мы занимались один-два раза в неделю: играли в волейбол, бегали на разные дистанции, всё время поддерживали физическую форму. В один из дней осени 1949 года мы, как обычно, сдавали на стадионе «Динамо» нормы по бегу. Бежали на 100 метров. Одеты были легко: майка и трусы, а на улице стало прохладно, во время бега пошёл небольшой снежок. Я наглоталась этого снега и получила воспаление лёгких. Вскоре в лёгких обнаружили затемнение, и в начале января 1950 года меня направили в профсоюзный лёгочный санаторий в город Алупку, Крым. Ездила на экскурсии: мыс Ай-Тодор, Ласточкино гнездо, Воронцовский парк, гора Ай-Петри, Мисхор. В Ялте посетили армянскую церковь, где снимался Игорь Ильинский в кинокартине «Праздник святого Йоргена»; там же посетили дом-музей А.П. Чехова, где после экскурсии провела беседу его сестра, даже подарила всем нам по небольшой брошюре о нём со своим автографом. Рассказала, как она сохранила музей, когда в город вошли немцы.

Там я участвовала в художественной самодеятельности, даже выступила на первенстве санаториев ЦК госучреждений - всё с той же «лезгинкой». Фотограф, который всегда ходил с отдыхающими, с юмором нам говорил: «Смотрите на соседку, если это не повредит вам дома». Все смеялись, но при фотографировании старались не смотреть друг на друга, а только на фотографа или вообще в сторону.

До 1952 года я лечилась у невропатолога. Когда получила путёвку в санаторий, то врач меня проинструктировала, чтобы я не замыкалась в себе, а была всегда в гуще событий, отдыхала и не нервничала. В санатории я действительно отдохнула, развеялась. Вернулась в Москву, посетила поликлинику, затемнения в лёгких не обнаружили, но врач предупредила, чтобы я не простужалась, не стояла на сквозняках, а я всегда их любила, даже сейчас.

Кроме спортивных занятий, мы каждую неделю ходили стрелять. Часто проводили соревнования. Среди женщин я всегда занимала первое место. Во время войны нас вывозили на стрельбище на станцию Подлипки или в Мытищи. В лесу ставили мишени и стреляли лёжа из своего оружия и винтовки. Я любила стрелять, но очень долго целилась. Руководство проверяло мишени, Збраилов объявлял результаты, хвалил меня, а потом спрашивает: «А где же Аня?» Ребята показывают в сторону кустов. У меня после стрельбы всегда было расстройство желудка. Наверное, оттого, что нервничала: хотелось попадать только в десятку. В конце концов, боясь, что у меня могут быть неприятности со здоровьем, Збраилов освободил меня от стрельбы, вернее не направлял на соревнования, но я стреляла и в Подлипках, и в тире в Москве.

Леонид Максимович, когда замечал, что у кого-то из женщин отдела случаются промахи в работе в «наружке» или «установке», переводил её на секретарскую работу в Управление. Он всегда всех жалел, так как знал, что работать нам было тяжело. И как о нас беспокоились не только он, но и Абакумов и его заместитель Селивановский! [20] До сих пор помню,

[20]Николай Николаевич Селивановский (1901-1997) – генерал-лейтенант, в 1943-1946

как однажды на «конспиративку» вместе со Збраиловым пришёл Николай Николаевич Селивановский. Я была беременна, перед родами женщин оставляли дежурными по отделу, чтобы не гонять по Москве. Николай Николаевич, увидя меня за столом, обращается к Збраилову: «Почему девушка…», и тот делает мне знак, чтобы я поднялась. Не дожидаясь конца вопроса, я встала из-за стола. Селивановский, как только увидел мой живот, начал извиняться, усадил меня в кресло, принёс стул и попросил, чтобы я на него положила ноги, объясняя, что так будет удобно будущему малышу. Тут уже мне было неудобно, а Збраилов улыбался.

В связи с этим вспоминаю, как пришла как-то на ночное дежурство. Мама накормила меня пирогами с маком и ещё с собой дала. Я наелась и захотела спать. Говорю второму дежурному, можно ли мне лечь, а он отвечает: «Ложись, но ведь скоро вернётся вторая смена, и спать тебе не дадут». И я по его совету легла в одной из комнат, в которой забаррикадировалась: сделала нагромождение из стульев чуть ли не до потолка. В «наружке» ребята были озорные, любили пошутить, и я подумала, что разбудят меня, будут шуметь, не дадут отдохнуть. Вторая смена вернулась, некоторые решили здесь заночевать, так как утром надо было уезжать с первым поездом метро к оставшимся объектам. Ходят по комнатам, шумят и испугались, почему я не подаю голоса, не случилось ли что со мной, ведь знали, что я беременна. Стучат в дверь, я не слышу. И только когда посыпались стулья, я вскочила. Ребята вбежали в комнату и спрашивают, почему я так долго им не открывала. На следующий день передали в нашу стенгазету заметку: «Аня - соня!» Збраилов прочитал и пришёл побеседовать со мной, подумал, что ребята, возможно, меня этим обидели. А я ответила, что так крепко спала из-за пирогов с маком.

Коллектив нашего отдела был очень дружный, дисциплинированный, трудолюбивый. Но, как говорят, в семье не без урода. Наше отделение переехало на Копьёвский переулок. Однажды, дело было в 1947 году, Гриша Мурашов отпросился пораньше, чтобы съездить к своей девушке и поздравить её с днём рождения. Это была дочь композитора Кабалевского от первого брака, она жила на Красной Пресне. Только Гриша дошёл до метро, как через пять минут возвращается и говорит, что у него из кармана кто-то вытащил всю мелочь. Нам выделяли на каждый месяц деньги на проездной билет. Покупали все, кроме Гриши, он часто ходил домой пешком, потому как жил неподалёку, на Ленинградском шоссе, за Белорусским вокзалом, и всегда копил деньги, чтобы что-то подарить своей девушке. Мелочь мы ему набрали, но стали думать, что за вор у нас появился?

Днём на «конспиративке» была только Женя Петрова, иногда заходил начальник отделения подполковник А.В. Соколов. Вдруг через несколько дней один сотрудник говорит, что у него пропали детские галоши, которые он купил по ордеру для сына. Тут уже поднялся шум. Стали открывать все шкафчики, ящики в комнатах - ничего нет. Кто-то решил посмотреть в прихожей, где не было электричества. Пошли с ручным

годах - заместитель начальника ГУКР «Смерш» НКО СССР, в 1946-1947 годах - начальник 3-го ГУ МГБ СССР.

фонариком и нашли не только галошки, но и другие вещи, которых ещё не хватились. Через некоторое время у кого-то пропала большая сумма денег. Мы вспугнули вора, и он притих. Постепенно мы успокоились. Но вскоре нашего сотрудника Владимира Колузанова вызвали в отделение милиции: была арестована группа молодых ребят, которые продавали антикварные книги. Они указали, что покупали их у Колузанова. Выяснилось также, что он украл красивую китайскую шаль и много патефонных пластинок с песнями Петра Лещенко у хозяйки явочной квартиры. Збраилов вызвал сотрудника и сказал, что уволит его, если не вернут украденное. Вскоре кто-то из знакомых Владимира позвонил в ту квартиру и, когда хозяйка открыла дверь, сунул ей в руки узел с шалью и пластинками и стремглав бросился вниз по лестнице. Всё же Збраилов предупредил Колузанова, что пишет рапорт на его увольнение. А у того только что родилась дочь от второй жены, он платил алименты на дочь от первого брака, поэтому его пожалели. К тому же к Леониду Максимовичу пришёл отец Володи, почётный чекист, умолял не позорить его, а откомандировать сына в любой город Советского Союза. Его отправили в Ростов-на-Дону, но он и там занялся перепродажей антикварных книг. И так случилось, что кто-то из таких торговцев его убил. Других, кто бы занимался воровством и торговлей, у нас в отделе не было.

Однажды нам показали фильм, вернее оперативную съёмку. Парень и девушка из «наружки» 2-го Главного управления [21] следили за сотрудником дипкорпуса. В районе Белорусского вокзала парень немного отстал, и ему показалось, что девушка передала объекту записку. Придя в отдел, он написал об этом рапорт руководству. Тогда за его напарницей стали наблюдать, всё сняли на плёнку. Оказалось, что она действительно обменивалась с объектом записками, и этот иностранец знал, что за ним идёт слежка, а потому водил «наружку» по фальшивым адресам. Девушку арестовали, а иностранца выпроводили из СССР. Что было дальше - не знаю. Нам сказали, что любой факт надо докладывать. Эта оперативная съёмка показала, что наблюдение может происходить за любым из нас.

Я до сих пор с удовольствием вспоминаю сотрудников, с кем проработала более десяти лет: Ивана Фёдоровича Зернова, Александра Васильевича Соколова, Ивана Дмитриевича Сидорина, Георгия Васильевича Киселёва, Михаила Ниловича Данилина, Николая Гавриловича Жегулова, Михаила Смыслова, Бориса Петровича Царёва, Гришу Мурашёва, Вадима Казанского, Луку Лукашёва, Петра Лукашенко и многих-многих других. Трудные годы Великой Отечественной войны в Смерше были прожиты с ними спокойно, мы знали, что друг друга выручим, всегда поможем.

Несколько лет назад по телевизору показали беседу с народной артисткой России Светланой Крючковой. Когда её спросили о родителях, она похвалила маму, а про отца, махнув рукой, пренебрежительно сказала, что, мол, нечего говорить о нём, ведь он в годы Великой Отечественной войны был в Смерше. А я считаю, что в там работали

[21] 2-е Главное управление КГБ - контрразведка.

лучшие из лучших!

В мае 1946 года органы военной контрразведки Смерш были преобразованы в 3-е Главное управление Министерства госбезопасности СССР, а сейчас это Департамент военной контрразведки ФСБ России.

С 1998 до 2006 года я ходила в Центральный клуб ФСБ на Большой Лубянке на все вечера для ветеранов. Как мне хотелось встретить людей, с кем работала во время Великой Отечественной войны, но никого не видела. Наконец в Совете ветеранов военной контрразведки нашли Зинаиду Ворошилову (Горшкову), которая работала в «наружке», вышла замуж за начальника секретариата Управления Ворошилова и перешла туда на работу. Мы с ней встретились и не узнали друг друга, хотя были сфотографированы вместе в Кремле при получении медалей «За отвагу». Но ничего похожего друг в друге мы сейчас не увидели: прошло ведь более пятидесяти лет.

Нашего кадровика Николая Васильевича Девисилова я тоже не видела пятьдесят лет, но мы узнали друг друга. Он мне сказал, что не может забыть лучшей установщицы, и ещё подчеркнул, что в отделе я была единственной, кто никогда не напоминал ему, что кончился срок звания, за что всегда ему попадало от Збраилова. Девисилов умер, но теперь мне звонит его жена, которую я раньше и не знала, но она говорит мне столько хорошего, что ей рассказывал обо мне Николай Васильевич, что мне приятно до слёз.

* * *

С конца 1944 года, когда наши войска вошли на территорию Германии, оттуда стали поступать посылки. Такую посылку от мужа-офицера получила и наша соседка из квартиры номер пять и вышла во двор в длинном цветном шёлковом платье. Все любовались: очень красивое платье. Когда же после войны муж вернулся домой, то объяснил ей, что это не платье, а ночная сорочка. Весь дом хохотал над этой женщиной, а ведь вначале завидовали. Этот офицер (не помню его фамилии) рассказывал, что в городах Германии, куда входили наши воинские части, на улицах всё валялось, немцы, уезжая с насиженных мест, не могли всё вывезти. Квартиры и магазины стояли открытыми - бери, что хочешь.

Вывозить вещи из Германии разрешалось на законном основании даже солдатам. Нельзя было брать «трофеи» из государственных музеев и картинных галерей, а всякое барахло - обувь, одежду, отрезы на платье, бельё - увозить было можно. Но за грабежи и мародёрство наших солдат и офицеров строго наказывали. Кстати, так же иногда делали и немцы со своими военнослужащими, когда солдаты вермахта грабили население.

Вспоминается такой эпизод: нам поступило анонимное письмо, что в один из военных домов в Подмосковье приехал из Германии полковник, служивший в ХОЗУ Генштаба. Якобы он привёз много первоклассной кожи, из которой шили пальто. Когда я опрашивала жителей дома, то почти все

говорили, что каждую ночь подходят машины с кожей, кто-то привозит, кто-то куда-то увозит. После доклада Збраилову мы поехали с ним и группой сотрудников к этому полковнику. Он всё отрицал, обыск в квартире и гараже ничего не дал: анонимное письмо поступило в отдел очень поздно, за это время полковник мог всё распродать. Все материалы мы направили в Генштаб, и полковника лишили погон и демобилизовали. Говорили, что об этом письме знал Сталин и это его приказ.

В 1945 году на «конспиративку» привезли для нас подарки из Германии: искусственный шёлк на блузки и перламутровые пуговицы. Выбрали комиссию, которая всё это распределила, а мы расписались за получение. Вышло всем по блузке, а пуговиц было много. На конспиративной квартире появились красивые напольные часы, тоже из Германии. Других же трофеев мы не видели.

* * *

Конечно, жили мы тяжело, было голодно, но не страшно, потому что война была справедливая. Это чувство справедливости давало нам уверенность, что дальше всё будет хорошо. 9 мая 1945 года, когда объявили окончание войны, Москва ликовала: песни, пляски, музыка. Победа! Всё движение перекрыли, улицы были заполнены людьми, на Красную площадь не протолкнуться, военных подбрасывали вверх, все торжествовали. Я ехала на работу, вышла на Лубянку и горько заплакала, зная, что мне некого ждать: погибли мои муж и брат, умер отец. Я вспоминаю, как мама горевала о том, что не может выплакаться на могилах Алексея и Анатолия. После смерти отца мы с мамой и Валериком переехали в свою комнату в 1-м Аэропортовском проезде. За нашими домами стоял отряд военнопленных немцев, они строили дома, что-то ещё сооружали. Один немец часто ходил в наш корпус. Бил себя в грудь и говорил: «Я - малер» (художник), приносил свои небольшие картины, предлагал их купить. На втором этаже нашего подъезда жил лётчик, старый холостяк, который попросил этого малера написать картину обнажённой женщины. Тот написал картину во всю стену, и многие из наших жильцов бегали на неё посмотреть. Немцы ходили по нашему кварталу, что-то делали некоторым жильцам по дому, а мама, хотя всегда их подкармливала бутербродами, но в квартиру не пускала.

Папа до своей смерти так и не узнал, где же я работала. Однажды в 1944 году мы пошли с ним на Абельмановскую заставу. В Москву эвакуированные стали возвращаться с 1943 года, народу уже было много. Идём, а многие идущие навстречу с нами здороваются. Отец только и успевал снимать картуз, а потом и говорит мне: «Доченька, а ведь многие здороваются не со мной, а с тобой. Откуда они знают тебя? Где же ты работаешь?» В то время я кормила Валерия, поэтому «установки» давали поближе к дому и меня знали почти вся наша улица и ближайшие к ней переулки. Я объяснила отцу, что здесь окончила школу, была пионервожатой, поэтому меня и знают. Поверил отец или нет - не знаю, но больше не спрашивал, а мама говорила, что ничего не знает о моей работе.

Мне часто задают вопрос, страшно ли было во время войны? Помню слова из популярной в те годы песни: «Ах война, война, война, что же ты наделала…» Во время войны погибли мой муж Анатолий Харитонов, мой брат Алексей Овсянников, два брата мужа. Отец умер 4 января 1945 года. Великий праздник Победы в майские дни 1945 года навсегда запомнился тем, кто пережил страшную, разрушительную войну. А все не вернувшиеся с войны остались в памяти, значит они живы. Мы видим их на фотографиях в семейных альбомах. В день Победы 9 Мая все идут счастливые, весёлые, а у меня это праздник радости и боли утрат, праздник «со слезами на глазах»…

Жизнь любого человека всегда неповторима, часто полна удивительных подробностей. По ним можно судить о привычках и нравах целой эпохи.

Хорошо помню, как 3 декабря 1966 года открывали Вечный огонь на Могиле Неизвестного солдата. Вся улица Горького была заполнена народом, смотрели, как провозили из Зеленограда останки погибшего неизвестного солдата. Видела, как старушки ползком добирались до Вечного огня, плакали, да и мы все плакали. Как я жалела, что мама всего нескольких месяцев не дожила до этого дня!

Нет, ничто не забыто,

Нет, никто не забыт,

Даже тот,

Кто в безвестной могиле лежит!

Так написала поэтесса, фронтовик Юлия Друнина.

Президент В. В. Путин, выступая в мае 2006 года, поздравил ветеранов и всех россиян с праздником Победы. Он назвал эту войну самой страшной в мире по жестокости, количеству жертв и масштабам разрушений. Президент напомнил, что гитлеровцы хотели завершить войну за шесть недель, но им не хватило ни этих недель, ни месяцев, ни даже четырёх долгих лет. Наша армия разгромила врага «в его собственном логове».

Но вспоминают и чествуют ветеранов Великой Отечественной войны только в мае, а участников обороны Москвы - ещё и в декабре, мало поют песен о войне. Хорошо, что золотой голос России народный артист Дмитрий Хворостовский уже несколько лет в день Победы исполняет песни военных лет. Смотришь на его лучезарную улыбку, слышишь песни, и на душе становится легко, хотя и плачешь. В Москве и других городах открыли памятники героям Великой Отечественной войны. Я была очень рада, что поставили памятник лётчику, Герою Советского Союза Виктору Талалихину, в честь которого моя любимая Мясная Бульварная переименована в улицу Талалихина. Когда бываю на кладбище у родителей, всегда стараюсь проехать мимо этого памятника, чтобы поклониться ему.

Вспомним всех поимённо,

Горем вспомним своим…

Это нужно - не мёртвым!

Это нужно - живым!

Светом благодарной памяти, светом любви нашей и скорби пусть озарятся имена павших бойцов. Вспомним… Двадцать миллионов жизней унесла у нас война. Нет семьи, которая не потеряла бы отца или брата, мать, сына, сестру, дочь. Нет дома, которого в годы войны не коснулось бы горе. Прошли десятилетия, но не стихает в наших сердцах боль утраты. И всё так же велика благодарность тем, кто не вернулся с полей сражений. Минутой молчания почтила 9 Мая страна светлую память павших в борьбе с фашизмом. В передачах телевидения и радио звучат слова: «Подвиг народа хранит история. Кровь советских освободителей пролилась на земле многих стран мира. И склоняет перед ними голову благодарное человечество». Девятнадцать часов. Наступает минута молчания. На экранах телевизоров - Вечный огонь на Могиле Неизвестного солдата у Кремлёвской стены.

Пройдут годы, десятилетия, придут новые поколения. И так же сильна будет благодарная память потомков тем, кто отдал жизнь за свободу и независимость социалистической Родины! Их подвиг бессмертен! Мне хочется привести слова поэта Владимира Цыбина: «Пускай у Отечества будем последними мы из тех, кто когда-то последнюю видел войну».

Однако для работников КГБ война в 1945 году не закончилась, мы продолжали заниматься розыском предателей, заброшенных к нам диверсантов, гитлеровской агентуры. Работали также много и дружно.

* * *

Даже во время войны в Москве строилось метро: на семи станциях висят таблички, на которых золотыми буквами начертаны слова: «Сооружена в годы Великой Отечественной войны». Были открыты две новые линии: в Измайлово и к автозаводу имени Сталина. В 1944 году начал действовать переход между станциями «Площадь Свердлова» и «Охотный ряд». В этом же году началось строительство Кольцевой линии с двенадцатью станциями. После войны жизнь в Москве стала восстанавливаться: продолжали благоустраивать районы города, ремонтировали дома. Улучшилось обеспечение медикаментами. Из эвакуации возвращались театры: в сентябре 1945-го вернулся Большой театр. Заработали кинотеатры, музеи, парки, опять возникли книжные базары. Народ повеселел. Артисты стали востребованными как никогда. Заслуженная артистка СССР, чревовещательница Донская с куклой Андрюшей стала примой сталинской и брежневской эпох. Её подруга Мария Миронова (они часто выступали на одних концертах) назвала своего сына Андрея в честь этой куклы.

В саду «Эрмитаж» на Каретном выступал Леонид Утёсов: не имея голоса, он запел сердцем, и как запел! Потом Райкин, Русланова, Клавдия Шульженко и её муж, аккомпаниатор Владимир Коралли, композитор и

исполнитель Лядова, Тарапунька и Штепсель, джаз-оркестр под управлением Эдди Рознера, Миров и Новицкий, Марк Бернес, Ружена Сикора, Гелена Великанова… В доме офицеров Московского округа ПВО стала выступать Зыкина, ей всегда аккомпанировали Шалаев, он же композитор, и аккордеонист Крылов.

На Тверском, Гоголевском и Никитском бульварах возобновились игры в шахматы, домино. Со всей Москвы сюда собирались любители шахмат, устраивали турниры. На Тверском и особенно на Гоголевском бульварах преподаватели набирали группы детей по три-пять человек дошкольного возраста, занимались с ними, обучали иностранным языкам и хорошим манерам. Мамы забирали своих детей до обеда или вечером. Я иногда разыскивала этих преподавателей на бульварах, чтобы побеседовать с ними по интересующим меня вопросам. Эти преподавательницы очень хорошо и близко знали родителей ребятишек, их родственников, друзей, поэтому сведения были очень ценны.

В 1947 году прошла денежная реформа, но моей семьи она не коснулась, так как лишних денег у нас не было. Зато важно было, что отменили продовольственные карточки и ордера на промтовары.

В те же годы начали реконструировать Москву, развернулось большое строительство. Хорошо помню, что посреди Таганской площади стояли ещё дореволюционные магазины: «Мясо» и «Рыба». В 1946-1947 годах площадь стали реконструировать и этот островок вместе с магазинами снесли. Дело было днём, народу на площади полно. И вдруг все увидели, как из подвалов вырвались крысы и помчались вниз к Курскому вокзалу. А на возвышении посреди площади стоял безмолвный и испуганный милиционер (светофоров тогда ещё было мало) с поднятой рукой. Движение остановилось минут на сорок. Крысы бежали как с тонущего корабля. Когда пробежали площадь, живой семафор махнул рукой, и все автомашины, трамваи, люди ринулись вперёд, всё загудело, зазвенело. А я стояла как вкопанная, боялась пошевелиться. В газетах появилась маленькая заметка об этом случае, написали о перемещении крыс в переулки, особенно по левой стороне к Курскому вокзалу, где было много невысоких домов с садами. Их потомство и сейчас там проживает. Несколько лет тому назад мы были на свадьбе в клубе «Высоцкий» в Нижнем Таганском тупике и с балкона второго этажа наблюдали, как внизу в саду резвятся крупные крысы.

* * *

В 1951 году был арестован министр госбезопасности Абакумов. На него накатал донос следователь по особо важным делам МГБ Рюмин. Как считали все чекисты, Михаил Рюмин - это полное ничтожество, последняя мошка в этой системе, полуграмотный, завистливый, патологически злой человечишка. Донос Рюмин передал Маленкову, а потом и самому Сталину. Абакумов надеялся, что Сталин разберётся в этой интриге и обязательно освободит его. Но 5 марта 1953 года Сталин умер, и у Абакумова не осталось никаких шансов на освобождение. Берия видел в

Абакумове соперника, а Хрущёв боялся его до холодного пота, поскольку был самым жестоким секретарём ЦК Компартии Украины. По количеству расстрелянных Украина намного обгоняла все остальные республики СССР. Сталин бросил Абакумова в застенок по причине своей патологической подозрительности, а Хрущёв, добивая его окончательно, имел на то вполне веские личные причины: Абакумов всё про него знал. Но начало краху Абакумова положил тот самый Рюмин-карлик, ничтожество, «шибздик», как назвал его Сталин, тля, сумевший-таки сыграть свою роль в истории. Сам невероятно жестокий, потом тоже расстрелянный, он напоследок сознался, что всё в его доносе - неправда, он всё придумал от начала до конца. В уголовном деле Абакумова имеется около 100 томов, и по сей день оно остаётся засекреченным. Но ведь все сотрудники военной контрразведки знали, кто такой Виктор Семёнович Абакумов, как и кем был создан Смерш, чем он занимался!

У меня о Викторе Семёновиче остались самые приятные воспоминания, Збраилов не раз передавал мне от него благодарности за работу! Кстати, Абакумов был очень тактичным человеком, никогда не отчитывал офицера в присутствии кого-либо, всегда это делал наедине. Хотя никаких замечаний я от него не получала, работала на совесть.

Когда арестовали Абакумова, в отдел пришла комиссия и стала разбираться с «установками». Меня и Н.Г. Жегулова отстранили от работы, приказав ходить по Москве и вспоминать адреса и людей, которыми он интересовался. И.Ф. Зернов, который выдавал нам «установки», вспоминал, что ему до 1951 года часто звонили из секретариата Абакумова и просили срочно их исполнить. Задания не регистрировали в журнале, а немедленно отдавали мне или Жегулову. Но я вспомнила только два адреса.

Так, году в 1950-1951 я ездила в заброшенную церковь на Волоколамском шоссе, увидела одну монашенку, которая жила в этой церкви и числилась там сторожем. Монахиня была молодая, одинокая, характеристики на неё от прихожан получила только положительные. Когда я возвратилась в отдел, то руководство решило, что Абакумов подбирает няню для только что родившегося сына.

Ещё вспомнила про одну женщину, которую проверяла несколько раз. Эта женщина проживала напротив дома, где жил Абакумов, в Телеграфном переулке. А почему я знала, что Абакумов жил в Телеграфном переулке? Пришла делать «установку» на ту женщину, хожу около дома, а из подъезда выходит наш сотрудник, который был там дежурным. Он же мне и сказал, что в этом подъезде живёт Абакумов, а напротив - та женщина, которая, вероятно, меня интересует. И точно, задание было на ту женщину. Молодая, симпатичная, с красивым высоким бюстом. Я не помню, работала ли она, так как почти весь день находилась дома, выглядывая из окна своей квартиры, очень напомнив мне картину художника В.А. Тропинина «Женщина в окне (Казначейша)». Когда я разговаривала с жильцами дома, то о ней все отзывались неуважительно, считая, что она заманивала к себе проходящих мужчин.

Второй раз делала «установку» на неё, опять же по звонку, уже после Победы, но уже по другому адресу - в районе Арбата. Теперь все жильцы, к которым я обращалась, отзывались о ней только положительно. Рассказывали, что ранее она проживала с матерью в районе Покровского бульвара (там и был Телеграфный переулок), вышла замуж за полковника и переехала в этот район. Её мать дружила с соседкой по лестничной клетке и всё рассказывала ей про дочь и её Ванечку, с которым они скоро поженятся. Этот Ванечка - полковник, занимает большой пост, материально их полностью обеспечивает. Он устроил её на работу секретарём наркома авиационной промышленности, который по первому звонку Ванечки отпускал её домой. В квартире, кроме Ванечки, никто у них не бывает. И третий раз я делала на неё «установку» по указанию комиссии - после ареста Абакумова. Та же соседка по дому рассказала, что Ванечка приезжал к соседям очень часто, даже привёз из Германии мебель, посуду. Женщина родила ему сына, но якобы узнала, что почти в то же время его жена родила ему сына, поэтому она прекратила с ним связь, и он уже у них не появляется…

Были ли другие задания, переданные по телефону, я не помню, потому что за время работы в этом отделе я так много их переделала, что и не счесть. Нас с Жегуловым быстро включили в обычный ритм работы.

* * *

Лет десять тому назад в Совете ветеранов военной контрразведки ФСБ России выступал лектор, преподаватель Академии ФСБ, кандидат исторических наук, генерал (фамилию не помню). Он рассказывал о Великой Отечественной войне и очень плохо отозвался об Абакумове. По окончании лекции тогдашний председатель Совета ветеранов генераллейтенант А.И. Матвеев, ныне покойный, обратился к нам, слушателям, есть ли вопросы. Я выступила, высказала своё мнение об Абакумове, его работе с нашим 10-м отделом, об отношении к сотрудникам и в заключение сказала, что это умный и честный человек, патриот Родины. Лектор, прервав меня, заявил, что он рассказывал не только об участии Абакумова в войне, но и о его работе как министра. На этом и закончилось. Все пошли к выходу, а мне ветераны Смерша (один из них - генерал Михаил Михайлович Зимбулатов) пожимали руки и благодарили за выступление. Я спросила одного генерала, который работал при Абакумове, почему он промолчал, и тот ответил: «Зачем поднимать то, что уже прошло?»

В 1990-е годы очень ругали чекистов и Абакумова, и честно скажу, что у меня тогда ко многим присутствовавшим на лекции изменилось отношение. Я задумалась, почему они не выступили в защиту Виктора Семёновича. К слову, когда в 2006 году по телевидению прошёл сериал «В круге первом» по роману Солженицына, то министра Абакумова в нём сыграл актёр театра имени Маяковского Роман Мадянов. Потом у него спросили, пожал бы он руку Абакумову, на что артист ответил: «Сейчас бы пожал, особенно после тех пыток, которые он перенёс и смог сохранить человеческое достоинство. Набрался мужества написать письмо, чтобы

пожалели его сына, жену». Из документов тех лет, которые прочитал Мадянов, он узнал, что Абакумов не поощрял физическое воздействие на допросах.

Наши ветераны, женщины, работавшие в секретариате при Абакумове, до сих пор вспоминают о нём с глубоким уважением, жалеют его жену, Антонину Николаевну, также работавшую в секретариате (на приказах) МГБ СССР, и их четырёхмесячного сына, которых на второй день после ареста Абакумова заключили в Сретенскую тюрьму МВД. Они провели там два года и восемь месяцев, вышли на свободу 9 марта 1954 года. Чекисты, работавшие в то время в тюрьме, покупали на рынке коровье молоко и кормили малыша, сына Абакумова. Потом следственное дело на жену прекратили за отсутствием в её действиях состава преступления и десять месяцев её не трогали, а 26 января 1955 года вызвали в милицию, отобрали паспорт и выдали другой, без права проживания в Москве. Два года спустя ей разрешили вернуться в Москву; сравнительно молодой она умерла от опухоли мозга. Следователи по особо важным делам при Абакумове были арестованы, осуждены и расстреляны.

* * *

В 1951 году я вышла замуж за Александра Ивановича Гречанинова, уроженца города Пушкина Ленинградской области. В 1940 году он окончил школу, был призван в армию и направлен на Дальний Восток, в пограничные войска. В начале 1943 года его откомандировали на службу в НКВД в Москву, в контрразведывательную школу, по окончании которой его зачислили в аппарат Главного управления контрразведки Смерш, в наш отдел, где мы и встретились. Это был тихий, очень скромный человек. Наши девчата окружили его со всех сторон, но он ни на кого не обращал внимания, и секретарь отдела Роза Пирожкова даже написала в стенгазету злую заметку «Мужчина-красавец». Но и заметка не подействовала: ни за кем он не ухаживал, никем не интересовался. В 1944 году, когда я овдовела, он по мелочам стал мне помогать: то сумки донесёт до метро, то посмотрит за Валерой, когда я приходила с ним на конспиративную квартиру, чтобы подменить дежурного. А я не знала, как от него освободиться, от его опеки, и потому знакомила Александра с другими женщинами. Но ничего хорошего из этого не получилось, и он опять стал ухаживать за мной: бросал мне под ноги цветы, а мужчины отделения над ним посмеивались. Однажды он со своей мамой подкараулил меня по дороге домой (я жила напротив метро «Аэропорт», а он - на Лесной улице у Белорусского вокзала), и Елена Никифоровна, его мама, начала уговаривать выйти за него замуж, иначе он погибнет, так как женщины, с которыми он встречался, ему и ей не нравились.

В то время я начала задумываться об отце для Валерия, так как он, увидев на улице мужчину, бежал за ним со словом «папа». Александр обещал любить Валерика и не обижать, и в конце 1951 года мы поженились, он переехал к нам в тринадцатиметровую комнату. Свадьба была очень скромная, но на мне было шикарное белое платье до пят,

присутствовали все мои родственники, друзья детства, друзья с нашей работы, а Леонид Максимович Збраилов прислал в ЗАГС фотографа из отдела. Первые годы у нас всё было хорошо, он с Валерой и на футбол ходил, оба болели за московский «Спартак». Я помогла Александру поступить на контрразведывательный факультет в Высшую школу КГБ. Учился он успешно, домой приходил только вечером. Всегда хвалил меня перед офицерами, которые окружали его, считал меня лучшей из жён.

Некоторые старались восстановить его против меня, как он говорил, из зависти. Так, ребята предложили ему меня проверить. Однажды приходит домой в день зарплаты и говорит: «У меня деньги вытащили из кармана». Меня, конечно, расстроило это известие, так как в то время мы жили от зарплаты до зарплаты, получал он очень мало (в территориальных органах не платили за звание), к тому же мы помогали материально Елене Никифоровне, и семья держалась только на мою зарплату. Но, услышав, что он остался без денег, я посочувствовала, подумала, что это может случиться со всеми, поэтому спокойно ответила, что не стоит горевать, как-нибудь проживём. Получился опять плюс мне.

Затем Александр почти каждое утро после завтрака стал бросать свою чашку на пол, говоря, что чай был холодный и невкусный. Чашка разбивалась, и я в обеденное время шла в магазин покупать новую. Это заметила Мария Ивановна Зарифьян, которая работала со мной в одной комнате, и поинтересовалась, зачем мне нужно так много чашек. Я рассказала, и она посоветовала мне склеить разбитую чашку и подать ему. Так и сделала. Утром, как обычно, Александр взял чашку с чаем, выпил глоток, второй и смотрит на нас с мамой. А мы с ней занимаемся своими делами, не обращая на него внимания. Он без слов допил чай, с того времени чашку не меняли, пока ему не подарили новую на день рождения.

В 1952 году родилась Лена, и Елена Никифоровна в ней души не чаяла. А вот Валера стал её раздражать, и она начала восстанавливать против него Александра, который легко и быстро попадал под влияние: начались придирки и к Валере, и к моей маме, которая всегда его защищала. Когда я узнала об этом, то пожаловалась Елене Никифоровне. А она, когда была сердита, всегда говорила: «Пся крев!» Она объяснила, что её сын - человек горячий, в нём польская кровь, поэтому нужно терпеть. Я терпеть не хотела и сказала, что жить с ним не буду. К тому же перед этим я узнала, что он начал мне изменять. Но здесь, конечно, виноват квартирный вопрос: жили мы в маленькой комнатке, справа от двери стояла кровать, где спали мама и Валера, напротив них - Лена в кроватке, а мы с Александром - на диване рядом с Леной. Только повернёшься, Лена приподнимается: «Вы что делаете?» Действительно, тут любой мужчина загуляет! Я даже знала его любовниц. Однажды он пригласил одну из них в ресторан, забрав у меня последние деньги, которые я должна была отдать в детскую кухню за молоко для Лены. Это стало последней каплей, и я решила с ним разводиться. Мама просила меня не делать этого, но я была непреклонна. Мы развелись, он уехал на станцию Лобня, в военный городок, где служил, там получил квартиру.

Перед этим мы с ним только что купили в кредит немецкий мебельный гарнитур «Ева», разделили его пополам, и каждый стал сам погашать кредит. На прощание мы с Александром расцеловались. Прожили мы с ним три года.

В то время я уже была демобилизована, зарплата составляла 137 рублей, плюс алименты на Лену и пенсия на Валеру. Конечно, тяжеловато было, но мама говорила: «Как нам хорошо: тихо, спокойно, никто не кричит». Я успокоилась: главное - хорошо и маме, и детям.

Александр же менял жён. Одна из них, красавица, бывшая балерина, соседка Елены Никифоровны по квартире, поставила ему условие: не видеться с дочерью. И он не видел её года два. Однажды Борис, двоюродный брат Александра, затащил его к нам, и они с Леной встретились. Как же они обрадовались друг другу! Вернувшись домой, он сказал жене, что общался с дочерью и возьмёт её с собой на время отпуска в Прибалтику, куда они собирались поехать. Но жена не согласилась, боялась, что Александр разлюбит её дочь от первого брака - инвалида с детства. Последовал развод.

Мы с Александром даже думали сойтись, но в разговоре поняли, что у нас уже сложились разные взгляды, он был избалован женщинами, и я отказалась от этой идеи, но дочь против него никогда не настраивала. Вскоре он женился на Мире Ивановне Вериной, у которой был сын Лёва на два года старше Лены. Елена Никифоровна просила, чтобы я не разлучала Лену с отцом, и дочь часто ездила к ним на дачу, где и подружилась с Лёвой, а потом и полюбила.

Я не жалею, что моим мужем был Александр. У меня от него дочь, которую я обожаю. Да и сказать, что Александр - плохой человек, я не могу. Он честный, добрый, только взбалмошный. Когда служили с ним в ГУКР Смерш, он подписывался на займы, которые тогда распространялись, на 200-250 процентов, тогда как другие сотрудники - на 100-150. У него было много облигаций, и он, разведясь с последней женой, всё ей оставил.

С Мирой Ивановной они съехались, соединив две однокомнатные квартиры: её и свою, где была прописана Елена Никифоровна, и стали жить в двухкомнатной квартире в ведомственном доме КГБ. Александр рано ушёл на пенсию, нигде не работал, занимался домашним хозяйством, стал писать картины. Напротив их дома находился большой гастроном, куда почти каждый день Александр ходил за продуктами. Иногда писал там жалобы на плохое обслуживание. Его уже знали все продавцы, и, когда он входил в магазин, предлагали ему деликатесы. А он созывал к прилавку покупателей, считая, что если имеется для него, то есть и для всех. Можно привести много фактов его доброты и честности. Правда, в первую очередь он старался что-то делать для окружающих, но не для своей семьи.

Александр был дружен с Михаилом Ивановичем Зиберовым, они всегда говорили, что будут и после смерти лежать на кладбище недалеко

друг от друга. В последнее время Александр очень болел. Когда его в последний раз увозили в госпиталь, просил, чтобы я пришла на похороны. Похоронили его на Химкинском кладбище, мы с Леной поставили на могиле стелу. Вспоминаем его часто, Лена ходит в церковь, поминает его и Миру Ивановну. О нём хорошо вспоминают Валерий, Саша, Маша и мы с Леной и Лёвой. В последние годы Лена особенно тесно общалась с отцом и больше его полюбила. Я иногда корю себя за то, что не могла простить его за измены. Я хотела подарить картины Александра его подругам, чтобы вспоминали, но осталась в живых только одна - ей я и подарила несколько картин.

Мать его, Елена Никифоровна Гречанинова, прожила очень тяжёлую жизнь: рано осталась вдовой, вырастила двух сыновей, оба военнослужащие, но с их жёнами ужиться не могла. Её мать, бабушка Лены, была очень красивой женщиной, полька по национальности, очень властная. Елена Никифоровна после нашего с Александром развода просила, чтобы я взяла её к себе, но я отказалась, боялась, что она будет командовать и моей маме будет плохо. Она трагически погибла, кремирована, урна с прахом похоронена в могиле её матери на Немецком кладбище.

* * *

Выступая на партийных собраниях, начальник отдела полковник Леонид Максимович Збраилов часто упоминал лучших работников-женщин из «наружки» - Машу, из «установки» - меня. Маша (девичью фамилию не помню, после замужества Тырлова), красивая девушка, моя ровесница, в 1950 году вышла замуж за Толю Тырлова, который пришёл к нам из Московской школы контрразведки. Мы вместе с ней и рожали: она - сына, я - дочь. Когда же был приказ, что муж и жена не могут работать в одном подразделении, то хотели оставить в «наружке» Машу, а Толю уволить, но она обратилась с просьбой к руководству, чтобы уволили её, а Анатолия как главу семьи оставили. Анатолий Тырлов остался в «наружке», в 7-м Управлении, со временем перешёл в другой отдел 3-го Управления, дослужился до звания полковника, демобилизовался, числится в ветеранской организации Департамента военной контрразведки. Лет десять тому назад я случайно увидела его на концерте в Культурном центре ФСБ. Мы оба обрадовались, и Анатолий сказал, что они с Машей часто меня вспоминают. К сожалению, товарищи, которые обещали помочь мне доехать домой, очень торопились, и я не смогла поговорить с ним, надеясь, что скоро снова его здесь встречу. Но больше я его не видела…

Последние годы в «установке» я работала на «конспиративке» в Копьёвском переулке. Нам было приказано создать вид простой коммунальной квартиры, где живут несколько семей. И я несколько раз заходила туда с сыном, чтобы заменить дежурного на время обеда. Все знали, что отец Валеры погиб на фронте, и его встречали с конфетами, всегда жалели, а он садился за машинку и что-то стучал, всегда оглядываясь на меня.

Ещё один молодой сотрудник появился в нашем отделении, высокий и очень худой. Он почти всю войну был на фронте, после ранения направлен в госпиталь, потом зачислен в школу контрразведки, а оттуда - к нам. Фамилию его не помню. Жил в общежитии. Однажды говорит, что отец приехал его проведать и ему разрешили пожить с сыном в этом же общежитии. Несколько дней отец походил по Москве и сказал сыну, что забирает его с собой в Алтайский край. Отца вызвали к нам на Копьёвский, уговаривали, чтобы он оставил сына в покое, но тот настаивал, ссылаясь на полуголодное существование в Москве - а мы-то считали, что здесь хорошо живём! - и на Алтае, в деревне, где у них своё хозяйство, он быстрее поправится. Как он добился своего, не знаю, но сына увёз. Мы долго вспоминали, как он подкармливал нас алтайским мясом, колбасой, копчёностями и булочками.

Квартира на Копьёвском была большая, из руководства с нами находился только начальник отделения подполковник Александр Васильевич Соколов. Он поместил меня в проходной комнате, сказав, что, отчитывая за что-либо офицеров, не будет употреблять мат (а был большим матерщинником), зная, что в проходной сидит женщина. Уходя вечером на явки, всегда говорил, где его можно разыскать. Иногда даже по каким-либо вопросам, связанным с «установками», советовался со мной…

На Копьёвском нам нравилось: тихо, спокойно, никто не беспокоит. С разрешения Соколова могли по очереди сбегать в магазин подписных изданий, отметиться в очереди на подписку наших классиков. Даже сейчас я рассказываю о работе в «установке» с упоением, это как работа сыщика - оперативная, очень интересная, творческая, хотя изнурительно тяжёлая. Женщины выдерживали год-два, и полковник Збраилов переводил их в секретариат. А я была влюблена в эту работу и считаю, что даже сейчас, в своито годы, я бы с ней справилась.

Глава 5. Прощание с «установкой». Служба в особом отделе Московского округа ПВО

В середине 1952 года после реорганизации в органах наш отдел передали в 7-е Главное управление, которое тоже занималось «наружкой» и «установкой». К тому времени у меня появились серьёзные болезни, 28 августа того же года родилась дочь, и мы с мужем (особенно он) решили, что рисковать здоровьем не стоит. Я осталась в 3-м Главном управлении, а в декабре была направлена в особый отдел Московского района ПВО (с сентября 1954 года он стал называться Московским округом ПВО).

Из «установки» уходила со слезами на глазах. Тогда думала, что забуду прошедшее, но в мае 2010 года после тяжёлой операции, выходя из наркоза, многое из пережитого увидела не то во сне, не то наяву… Всё время мерещился полковник, которого мы задержали на Гончарной улице,

как на вопрос: «Где наша девушка?» - он крикнул: «Убил бы, если бы знал, что ваша!» Даже сейчас закрываю глаза и вижу этого человека, его злобную рожу, руку, тянущуюся к моему лицу. Становится страшно. Полковник Збраилов нас учил, когда арестовываешь человека, не смотреть на него, не встречаться с ним глазами. Я всегда так и делала, а того полковника вообще не видела во время ареста, только его спину, и то в темноте. Но он теперь преследует меня во сне.

Меня принял заместитель начальника отдела кадров особого отдела полковник Анатолий Александрович Малыгин, сразу же вызвал начальника особого отдела 1-й армии ПВО особого назначения полковника Михаила Ивановича Зиберова, в аппарат которого я и была направлена. Вошёл симпатичный 38-летний мужчина, протянул мне руку поздороваться. Когда я увидела его ладонь, мне чуть дурно не стало: показалось, что это ладонь моего Анатолия Харитонова. Голос спокойный, тихий, ласковый - всё это совпадало с моим Анатолием. Михаил Иванович, видя моё замешательство, спросил: «Вам плохо?» Я взяла себя в руки, ответила на все вопросы, главным образом о семье, и Зиберов дал согласие на мой переход в отдел.

1-я армия особого назначения тогда только создавалась, сюда сотнями направляли офицеров и солдат, которых мы проверяли, давали допуск к секретной работе, но многим по разным причинам отказывали. Необходимо было завершить формирование как можно быстрее, поэтому все мы работали даже в выходные. Особые отделы округа и 1-й армии располагались тогда в штабе округа, на Мясницкой улице. Коллектив был отличный, почти все фронтовики, многие прошли войну до Берлина, а некоторые затем направлены на Дальний Восток. Начальником особого отдела округа являлся Александр Иванович Матвеев, отделом кадров руководил полковник Бакиров. По отделу ходила частушка, которую сочинил наш офицер, полковник Трепилец: «На эстраде - комик Миров, а у нас - паша Бакиров» (паша с ударением на последний слог или имя Паша?) Сколько частушек и эпиграмм сочинял Трепилец! Бывало, войду с документами в кабинет, где он сидел, тот всем сообщает: «Вошла девушка с родинками». Всегда смех, не было ни интриг, ни ссор, работалось спокойно. Матвеев был строгим, но справедливым человеком, его очень уважали.

Начальником 2-го сектора был полковник Михаил Петрович Терентьев, подчинённые считали его отцом родным. Как же он защищал своих сотрудников, а если видел, что над кем-то сгущается туча, быстро переводил того в другие отделы. Однако на партсобраниях и совещаниях всегда выступал с критикой и никого не боялся. Начальником 1-го сектора являлся полковник Николай Петрович Травкин, весёлый, общительный человек, который также всегда стоял горой за своих подчинённых. Терентьев, Травкин и Зиберов дружили между собой и вообще были самыми весёлыми людьми в особом отделе.

Весь коллектив был дружен. Машинистка Галя Суботко увидела, что я в туалете сцеживаю молоко для своей дочурки, и сказала об этом своему

мужу, коменданту особого отдела округа. Тот доложил Зиберову, который просил передать мне, чтобы я в часы кормления брала его автомашину и ездила домой. Но я постеснялась, и мама не советовала пользоваться этим. А вскоре и молоко грудное пропало, стала кормить Лену детским питанием.

Вскоре из особого отдела Московского округа ПВО меня перевели в 3-е Главное управление МГБ, в отдел, где оформляли допуски. Года через полтора у меня был утерян документ - допуск на одного офицера. Так как на нём стоял гриф «секретно», то нас с начальником группы наказали. Меня перевели обратно в МО ПВО, а начальника - в Приволжский военный округ. Сотрудники отдела нас защищали, но ничего не помогло. Впоследствии я узнала: моя должность была нужна для другой женщины, подруги секретаря парткома. С тех пор я ещё больше невзлюбила партийных работников, которые пришли к нам в органы, как они всюду твердили, «на укрепление».

Когда возвратилась в особый отдел Московского округа ПВО, то подала заявление на увольнение, но генерал Матвеев так хорошо, по-дружески меня встретил, сказав, что здесь меня очень хорошо знают и как работника, и как человека, и уговорил из органов не уходить. А вскоре секретарь отдела 3-го Главного управления Люба Дроздова обнаружила этот злополучный допуск, подшитый в другое дело, сказала, чтобы я с этим документом пошла к начальнику главка, но я отказалась: в округе мне было хорошо и спокойно, хотя обида в душе осталась. Так и не ушла из контрразведки, хотя Гречанинов всегда говорил, что я была бы хорошим преподавателем в средней школе и меня давно бы выдвинули директором.

Как только пришла в округ, меня избрали в партбюро, и я снова втянулась в культурно-массовую работу: раз в месяц проводила беседы на литературные темы, рассказывала о новинках художественной литературы, писателях, художниках, композиторах. У нас в отделе каждый месяц проходили сборы опersостава, и партбюро решило приурочить эти беседы ко дню сборов, чтобы присутствовали все сотрудники отдела и опersостав. Мы старались приучить всех офицеров к чтению художественной литературы, поэтому стали организовывать читательские конференции. Они проходили оживлённо, выступали почти все присутствующие, так что вскоре стало ясно, что мы добились своей цели. Особенно активным был оперуполномоченный 2-го сектора капитан Роман Соколов, который больше половины своей зарплаты тратил на толстые литературные журналы, был в курсе всех новинок. Я привлекала к беседам и опersостав, тех людей, кто знал что-то интересное и мог об этом рассказать. Например, подполковник Аполлонин несколько лет прослужил в Польше. Поговорив с ним, я решила, что он проведёт беседу «Ленин в Польше». Всем понравилось.

А вот подполковник Прохорович вообще был внештатным корреспондентом в окружной газете «На боевом посту». Однажды он брал интервью у героя Гражданской войны Семёна Михайловича Будённого и

подробно рассказал нам об этом. У Будённого в это время был юбилей, он ещё, как говорится, ходил на своих ногах, хотя ему помогали прикреплённый к нему офицер и жена Мария Васильевна, моложе его на много лет. Будённый похвастался Прохоровичу: «Я-то ещё ой-ой-ой, а вот Ворошилов совсем дурак, совсем дурак!» Обижался он на Хрущёва, который не разрешает выпустить его книгу воспоминаний о Гражданской войне, настаивая, чтобы он включил его в число бойцов, сражавшихся в рядах Первой конной. Будённый возмущался, как он может это сделать, когда Хрущёва там и в помине не было. Он рассказал, что Василий Сталин мечтал быть таким же наездником, как Будённый, и в юности часто катался на лошадях в кавалерийском училище имени Будённого, находившемся на улице Воровского. Там же катались и сыновья Микояна. Василий обожал лошадей, просил отца купить лошадь, но, как сказал Будённый, Сталин был очень честный, дорожил своим авторитетом и не хотел, чтобы говорили, что он балует сына. «Вот заработает сам, пусть и покупает!» - говорил он. Но с 1936 года Василий увлёкся полётами Чкалова и решил стать военным лётчиком.

Я приглашала к нам в отдел и профессиональных журналистов, например известного в ту пору Александра Давыдовича Брянского. Он очень ярко излагал о старой Москве, Ленине, которого видел на Красной площади, часто встречался с Дзержинским. Много рассказывал о Гражданской войне, в которой участвовал, где его называли Сашей Красным (это был его литературный псевдоним). Привёз на лекцию фото: он в группе участников Гражданской войны, а в первом ряду стоит В.И. Ленин. Я ездила за Брянским к нему домой, в район Патриарших прудов. В квартире на стене висел его большой портрет - «Саша Красный». После лекции отвезла его домой, помогла добраться до квартиры, ему было уже под 100 лет. Умер он в возрасте 109 лет.

Кроме того, я каждую неделю проводила политинформацию, готовилась тщательно, привлекала к этому сотрудников, особенно участников войны. Помню, Иван Дмитриевич Изряднов рассказывал, что на войне он был танкистом. Однажды в боях за Сталинград танковая дивизия, в которой служил, столкнулась с немецкими танками. Машины были подбиты, и танкисты, наши и немецкие, раненые и контуженые, вылезли из танков и сражались врукопашную. После этого боя Изряднов попал в госпиталь, оттуда его направили в военное училище, а затем в особый отдел НКВД.

Раз в месяц проводила лекции. Мне это нравилось, я испытывала большое вдохновение и чувствовала себя как рыба в воде. Конечно, самой приходилось бывать на лекциях пропагандистов, где узнавали то, о чём газеты умалчивали. В то время по радио и телевидению транслировали все съезды партии, на политзанятиях мы сдавали экзамены на знание отчётных докладов. Всё принимали за правду, верили в лучшее будущее, шли к коммунизму.

Однажды я рассказывала о странах капиталистических и Советском Союзе. Сравнивала, как мы живём и как плохо за рубежом. И говорю: вот,

мол, Валентина Хвостова может описать, как тяжело населению Ливии, где она несколько лет прожила с мужем, офицером ПВО, которого направили туда в командировку. А она рассмеялась: «Да что вы! Мы жили как в сказке!». « Конечно, - говорю, - вы же были в русской колонии», но она ответила, что там все так живут. Это я услышала первый раз. Представляете, как я выглядела в тот раз перед моими слушателями!

5 марта 1953 года по радио объявили о смерти Сталина. Все работавшие в штабе Московского округа ПВО вышли на Мясницкую улицу, стояли близко друг к другу, не шелохнувшись. По улице невозможно было пройти, вместе со штабистами стояли и жильцы близлежащих домов. Все плакали, многие рыдали, была одна мысль: как мы будем жить без Сталина, кто заменит его?

В те дни Александр Гречанинов стоял в оцеплении в районе Цветного бульвара и предложил мне пройти в Колонный зал Дома союзов, где лежал Иосиф Виссарионович. Договорился с руководством, что пропустит меня через цепь. Я обещала придти, но мама испугалась, вспомнила, какая давка была на Ходынке в 1896 году, когда отец еле выбрался из толпы и пришёл домой в крови. Сейчас народу было ещё больше: шли от коллективов, от городов, невозможно протолкнуться, и я, насмотревшись на эти толпы, не пошла. Александр потом рассказывал, что цепи, которые наводили порядок, часто разрывались, и люди шли по упавшим, лишь бы дойти до Колонного зала и увидеть Сталина. Никто не мог справиться с толпой. Если в 1896 году бежали на Ходынское поле, когда объявили, что там дают пиво и подарки, то здесь прорывались только затем, чтобы увидеть Сталина, сказать последнее «прощай». Александр говорил, как тяжело было стоять в оцеплении, страшно видеть, как погибали люди. И он был счастлив, что я не пошла.

До марта 1953 года вся моя жизнь прошла при Сталине. Когда в 1929 году я пошла в школу, то узнала, что наша страна из аграрной превращается в сильную индустриальную державу. Хорошо помню, когда в 1934 году в США был экономический кризис, нам показывали в кинотеатрах, что капиталисты бросали в океан продукты, чтобы цены на них не снижались. Мы смотрели и думали: почему всё это уничтожают, могли бы накормить бедных, помочь другим странам - в «реальной» экономике мы не разбирались. Зато мы знали, как Сталин заботится о советских детях: в школе многих кормили бесплатно, все кинотеатры в дневное время бесплатно показывали фильмы для детей, в музеях и на выставках - тоже. Да о чём говорить, нам казалось, что у нас всё хорошо! С седьмого класса мы ходили на демонстрации 1 мая и 7 ноября, как было весело: песни, пляски и танцы на остановках. Все хотели увидеть на трибуне Иосифа Виссарионовича, вставали на цыпочки, чтобы его разглядеть, помахать ему рукой, и это для нас было счастье. Между колоннами стояли солдаты, но никого не толкали, не подгоняли, а только улыбались нам, таким счастливым. На каждой демонстрации я видела Сталина и потом несколько дней, вспоминая его улыбку, летала от счастья. А как мы, пионеры, приветствовавшие съезд комсомола, были огорчены, потому что в этот день его не было на съезде!

Я не могу даже сказать, почему мы так любили Сталина. Но у меня так было: если увижу во сне Сталина или Збраилова, то обязательно случится что-нибудь хорошее: или повышение по службе, или премия, или в семье что-то. Мы знали, что Сталин никогда не был стяжателем, набивателем своих карманов.

Правильно говорят, что политика - грязное дело. Но почему во всех злодеяниях, репрессиях до сих пор обвиняют только Сталина? В этом виновата и вся система, и люди, которые находились вокруг него, в первую очередь ближайшее окружение. Тот же Хрущёв, кстати. Так что дело не только в правителе - надо создать систему, которая будет работать вне зависимости от того, кто у власти. А у нас принято боготворить первое лицо, зато когда оно сходит с « престола», тут же выясняется, что это было ничтожество. Словно раньше никто этого не замечал. Странная система!

У Сталина были реальные заслуги перед народом. В период Великой Отечественной войны он начал воссоздавать империю, исправляя прежние ошибки: вернул офицерские погоны и звания, содействовал подъёму патриотизма, проявил благосклонность к Православной церкви.

Не только я, но и мои родители любили Сталина: мы видели, что наша страна становится богаче, а со страной богатели и мы. Особенно стали ощущать это с 1939 года, но началась финская кампания, а затем наступило 22 июня 1941 года. Добровольцы пошли на фронт защищать Родину. Они шли в бой со словами: «За Родину, за Сталина!» Разве их заставляли это кричать? На поле боя это невозможно. Но они свято верили в свою Родину и Сталина. Несколько лет тому назад мы, ветераны, посетили Музей обороны Москвы. Меня порадовало, что там было много школьников - и на экскурсии, и отдельно, группками. Под стеклом на витринах лежали газеты военных лет с большими заголовками: «За Родину! За Сталина! Смерть немецким оккупантам!» С этими словами советские воины шли в бой, погибали, но свято верили, что мы победим нацистов!

В 18 лет я первый раз в жизни пошла на выборы и голосовала за «блок коммунистов и беспартийных», а значит за Родину, за Сталина. Тогда, в декабре 1939 года, я впервые голосовала за кандидата в местные Советы депутатов трудящихся товарища Аристова и по просьбе агитатора написала маленькую статью в газету Радиозавода № 2 «Усилитель»: «Я первый раз в жизни буду участвовать в выборах. Голос свой я отдам за блок коммунистов и беспартийных, эти самым я буду голосовать за партию, за Родину, за Сталина. После школы я продолжаю учиться дальше, потому что мне, как и всем, хочется как можно больше принести пользы своей Родине. Получить образование детям трудящихся возможно только в нашей стране, в которой жизнь прекрасна и удивительна и, как образно сказал Маяковский, можно «лет до ста расти нам без старости». Эту жизнь создал гений человечества - товарищ Сталин, который приведёт нас к коммунизму. Да здравствует наш первый кандидат в местные Советы депутатов трудящихся, рулевой нашей эпохи Иосиф

Виссарионович Сталин!»

Кстати, когда мы в институте изучали произведения Ленина и Сталина, то говорили: «В сочинениях Ленина не сразу разберёшься, а Сталин пишет просто, его легко читать».

В день похорон И.В. Сталина патриарх всея Руси Алексий I провёл панихиду в патриаршем соборе, он говорил: «Как человек гениальный, он в каждом деле открывал то, что было невидимо и недоступно для обыкновенного ума… Его имя как поборника мира во всём мире и его славные деяния будут жить в веках… Память о нём для нас незабвенна, и наша Русская православная церковь, оплакивая его уход, провожает его в последний путь, «в путь всея Земли», горячей молитвой… Мы молились о нём, когда пришла весть об его тяжкой болезни. И теперь, когда его не стало, мы молимся о мире его бессмертной души… Нашему возлюбленному и незабвенному Иосифу Виссарионовичу мы молитвенно, с глубокой, горячей любовью возглашаем вечную память». В день смерти Сталина заказал панихиду по отцу и его сын Василий.

Когда в начале 1980-х годов мы с Михаилом Ивановичем Зиберовым были в санатории имени Фабрициуса в Сочи, там отдыхало много военнослужащих-ветеранов, которые очень хорошо отзывались об Иосифе Виссарионовиче; вспоминали и его младшего сына Василия, с которым вместе летали. Всегда называли его Соколом - это был его позывной во время Великой Отечественной войны, когда Василий Сталин командовал истребительным авиаполком.

Все хорошо отзывались о его первой жене - Галине Бурдонской. От неё у Василия Иосифовича осталось двое детей. Один из них - Саша Бурдонский, режиссёр театра Советской Армии. Второй раз Василий женился на маршальской дочери Екатерине Тимошенко, которая тоже родила ему двоих детей. Екатерина, властная, жестокая женщина, его детей от первого брака ненавидела, а Василий их очень любил. Тогда-то и начались ежедневные скандалы, появились компании, он пристрастился к алкоголю. Говорили, что когда Василий пьяным приезжал в Кремль, то В. М. Молотов тихо уводил его, усаживал в машину и отправлял домой, так как не хотел, чтобы Иосиф Виссарионович расстраивался, видя сына в таком состоянии. Описываю это так подробно потому, чтобы читатель более-менее знал обо всём, что я тогда слышала.

О третьей жене Василия Иосифовича, пловчихе Капитолине Васильевой, я уже рассказывала. Ей-то и пришлось воспитывать его четырёх детей.

Когда Василия Иосифовича выслали в Казань, то там, в больнице, за ним ухаживала медсестра Мария Игнатьевна Шевергина, она его и похоронила (незадолго до его смерти они зарегистрировали свой брак). В 2002 году по её просьбе урну с прахом Василия перезахоронили на Троекуровском кладбище в Москве. За могилой ухаживают её дочери от первого брака, которых Василий Иосифович перед смертью удочерил, а они, выйдя замуж, оставили фамилию Джугашвили. Мария Игнатьевна

похоронена там же, рядом с мужем, Василием Иосифовичем.

* * *

Как-то поздно вечером в июне 1953 года, когда мы ещё работали в своих кабинетах на Мясницкой улице, услышали топот солдатских сапог по лестнице, которая вела наверх. Подумали, не случилось ли чего, но затем всё стихло. Через несколько дней меня спрашивает соседка по квартире Клава (она уже знала, что я работала в органах, так как в бухгалтерию домоуправления нам выдали справки о работе в МВД [22]), что же случилось с Берией. У них в НИИ сняли его портреты, а его сына, директора НИИ, уволили с должности. Я спросила об этом на работе, но никто ничего не знал. Потом приходит к нам в кабинет комендант Суботко с ревизией: мол, всё проверил, всё на месте, не хватает одного портрета на стене. Спрашивает: «Чей портрет снят?» А мы не заметили ничего, да особо и не всматривались, что за портреты висят, главное, что были на месте портреты Сталина, Дзержинского, Молотова, Кагановича. Суботко ушёл на совещание, часа через два вернулся и сказал, что во всех кабинетах в штабе округа сняты со стен портреты Берии. Вскоре нас собрали в зале и объявили, что Берия арестован. Арестовывали его армейские генералы и офицеры, главным образом из Московского округа ПВО: командующий генерал-полковник Москаленко, его заместитель генерал (впоследствии маршал) Батицкий, начальник политуправления Зуб и комендант штаба майор Хижняк. Руководил всем маршал Г.К. Жуков, на Манежной площади стояли войска, а у нас в штабе на верхних этажах находились вооружённые солдаты - вот откуда был этот стук сапог! Об аресте Берии работники МГБ узнали последними, так как Маленков и Хрущёв боялись, что чекисты могут подняться на его защиту.

Однажды я организовала экскурсию в музей-квартиру Алексея Максимовича Горького, что на Малой Никитской улице. Пока мы ждали экскурсовода, смотритель зала многое рассказала нам о Горьком и его семье. Оказывается, одна из его внучек, Марфа Пешкова, была замужем за единственным сыном Берии - Серго. У них было двое детей, и она была беременна третьим, когда арестовали Лаврентия Павловича. Серго, доктор наук, был снят с должности, арестован, полтора года отсидел в тюрьмах, а затем отправлен в ссылку на Урал, но под фамилией матери - Гегечкори. Марфа отказалась с ним ехать, и они расстались, вскоре она родила сына, но к мужу не вернулась. Как мы знаем, в Свердловске Серго отработал почти десять лет. В связи с болезнью матери, которая выехала с ним, ему разрешили переехать в Киев, где трудился главным конструктором на военном предприятии.

У нас в отделе работал капитан Юрий Айвазов, оперуполномоченный, обеспечивал штаб округа. Сотрудники иногда обращались к нему за помощью, например, достать путёвку в пионерлагерь или санаторий, он никогда не отказывал, помогал, если мог, и все его уважали. Был образованный, знал итальянский язык, очень весёлый в компании. Но

[22] В марте 1953 года Министерства госбезопасности и внутренних дел вновь были объединены в МВД.

когда его отчима Кобулова [23] арестовали, Юрия Айвазова вызвал А.И. Матвеев, приказал сдать оружие и объявил, что он уволен. Через какое-то время его видели на ВДНХ экскурсоводом, а потом говорили, что он ушёл в журналистику. Больше я о нём ничего не слышала.

После смерти Сталина первым секретарём ЦК КПСС был избран Хрущёв, а МГБ возглавил Игнатьев. Началась очередная чистка в органах и перестановка кадров среди руководящего состава, главным образом среди военных контрразведчиков.

Ещё при жизни Сталина начались «дело врачей», «авиационное дело», «ленинградское дело». По «авиационному делу», на основании подписанных Абакумовым материалов, были арестованы командующий ВВС главный маршал авиации Александр Александрович Новиков, нарком авиационной промышленности Алексей Иванович Шахурин, ряд высокопоставленных офицеров штаба ВВС. В мае 1946 года Военной коллегией Верховного суда они были осуждены на разные сроки тюремного заключения. Тогда же прошёл слух, что это лётчик Василий Сталин пожаловался отцу на плохое качество самолётов, и всех арестованных обвинили во вредительстве. Расследование по этому делу передали в 3-е Главное управление МГБ, во 2-й отдел, который курировал авиацию. Его начальником в то время был генерал-майор Новиков, очень порядочный и честный человек. Новиков присутствовал на одном из допросов Шахурина, обстоятельно изучил «авиационное дело» и пришёл к выводу, что оно сфальсифицировано, что ни Шахурин, ни другие лица ни в чём не виноваты. Он встретился с женой Шахурина, и с разрешения Абакумова передачи от неё для мужа стали принимать в любой день, им даже разрешили свидания.

В мае 1953 года Военная коллегия Верховного суда отменила свой приговор и прекратила уголовное дело «за отсутствием состава преступления», всех арестованных освободили, восстановили в партии, вернули воинские звания и награды. Хрущёв спецслужбы не любил. Его раздражало обилие генералов в МГБ, и по его указанию 100 генералов, которые служили в органах в 1934-1939 годах, были уволены, лишены званий и пенсии. В число этих генералов попал и генерал Новиков. Долгое время он никуда не мог устроиться на работу, пошёл на приём к Шахурину, который после освобождения работал директором авиационного завода. Шахурин встретил его очень тепло, назначил своим заместителем по безопасности и попросил подобрать в охрану только сотрудников МГБ. Когда через несколько лет Новиков умер, Шахурин устроил ему пышные похороны, где присутствовало много сотрудников, действующих и уволенных. Там был и М.И. Зиберов, который одно время являлся заместителем начальника 2-го отдела. Жена Новикова, старая большевичка, часто звонила нам по телефону, рассказывала, что добивается восстановления мужа в партии, но не успела этого сделать, умерла в конце семидесятых годов. Дочь Новикова работала в органах КГБ.

---

[23]Богдан Захарович Кобулов (1904-1953) – генерал-полковник, первый заместитель министра внутренних дел СССР.

Министры госбезопасности СССР при Хрущёве часто менялись, после Игнатьева были Круглов, Серов, «Железный Шурик» - Шелепин, Семичастный, и все они в первую очередь продолжали чистку кадров: демобилизовывали, увольняли старых чекистов, а Шелепин и Семичастный, пришедшие с поста 1-го секретаря ЦК ВЛКСМ, ставили своих выдвиженцев- комсомольцев.

А я продолжала работать в особом отделе КГБ 1-й армии, и работы было очень много. Начальнику отдела очень часто звонил генерал Георгий Филиппович Байдуков, в то время командующий войсками ПВО страны, предлагал в 1-ю армию своих подчинённых, родители которых были репрессированы в 1934-1939 годах, почему их сыновей к секретной работе не допускали. Среди них оказался капитан Орест Петрович Августыняк, порученец Байдукова. Михаил Иванович поднял из архива следственное дело на отца Ореста, в котором были подшиты фотография и единственный лист, где содержалось одно сообщение: архитектор Августыняк в Подмосковье стоял на горке и показывал иностранцу свою дачу. На основании этого сообщения его осудили на пять лет лишения свободы, направили в исправительный лагерь на север, где через три года он умер. Остались жена Мария Сергеевна, сын Орест (1919 г.р.), дочь Агнесса (1920 г.р.), и был ещё один сын, который погиб на фронте. Между тем иностранец был сотрудником Коминтерна, а архитектор решил подарить свою дачу детям работников этой организации. Дачу-то подарил, а сам был осуждён. Михаил Иванович дал Оресту Петровичу допуск к секретной работе, и тот дослужился до полковника. Августыняк был хорошим хозяйственником, имел большие связи, поэтому Зиберов после его увольнения в запас взял его к себе в институт своим заместителем. Мы дружили с ним и его семьёй. Мария Сергеевна до конца своей жизни была благодарна Михаилу Ивановичу за то, что, как она говорила, вытащил Ореста из грязи, и на все праздники приглашала нас в гости.

1 ноября 1955 года в связи с проводимыми организационно-штатными мероприятиями я была уволена с военной службы и в тот же день принята на работу в качестве служащей на должность старшего инспектора. С того времени в отделе не осталось женщин-офицеров, все они были демобилизованы. В июле 1957 года в Москве открылся шестой Всемирный фестиваль молодёжи и студентов. Женщин отправили в отпуск и просили по возможности оставить город, выехать из Москвы. В отделе оставили только мужчин и женщин-машинисток. Мы в то лето сняли дачу в деревне, в районе санатория и музея «Архангельское». В музей всё время привозили экскурсантов, участников фестиваля, которые после его посещения купались в пруду. Везде висели объявления-предупреждения, чтобы проживающие в деревне в пруду не купались: боялись венерических болезней. Дети всё равно купались, но, к счастью, никто не заболел. Здесь мы впервые увидели настоящего живого негра. Весёлого, жизнерадостного, а не такого, как мы привыкли видеть в журналах - угнетённое меньшинство. Иностранцы привезли с собой диковинные для нас жвачку, шариковые ручки. Тут же появились и фарцовщики, у которых

можно было купить модную одежду, добротную обувь. Нас ещё выручали китайские вещи и страны народной демократии. Были неплохие вещи, изготовленные по американским лекалам. Китайские бежевые плащи носили почти все москвичи. Тогда же появился и джаз, а для развлечения - рок-н-ролл с дикими плясками. Мода на джаз держалась ещё долго, почти до 1960-х годов, когда уже проникли к нам «Битлз».

В мае 1963 года, когда Фидель Кастро посетил СССР, мы с Михаилом Ивановичем по пригласительным билетам попали на футбольный матч на стадион «Лужники» (не помню уж, какие команды играли), где в ложе сидели Хрущёв и Кастро. Мы видели, как Кастро переживал за игру, а сами больше смотрели на него, чем на футболистов, и всё время выкрикивали лозунги в честь Фиделя.

Генерал-лейтенант Николай Иванович Железников, который во время войны был начальником Управления контрразведки Смерш Брянского 2-го Прибалтийского фронта, а потом начальником Управления особых отделов по Закавказскому военному округу, вспоминал свою поездку с Хрущёвым и Фиделем Кастро в Грузию. Проезжают они мимо какого-то места и видят, что здесь стоял памятник, который сбросили с горки вниз - один постамент остался. На вопрос Кастро, кому был памятник, Николай Иванович ответил, что Сталину. Тогда Фидель спустился вниз и собрал себе на память несколько кусочков от памятника, сказав о своём уважении к «отцу народов». Хрущёв промолчал.

Вспоминаю ещё один факт, связанный с Кастро. В 1955 году заместителем начальника особого отдела 1-й армии был назначен полковник Сергей Павлович Кузнецов, который прибыл к нам с Дальнего Востока, где принимал участие в войне с Японией. В разговоре он всегда подчёркивал, что имеет два высших образования: какой-то технический институт и Военно-политическая академия, а к нам он откомандирован ЦК КПСС для укрепления органов. Любил прихвастнуть, но ничем не увлекался: ни художественной литературой, ни театром, на первом месте у него были деньги и подхалимаж перед руководством. Получил он двухкомнатную квартиру в Филях, где одна из комнат была заставлена чемоданами с вещами. Наши сотрудники смеялись, что С.П. Кузнецов вывез пол-Китая, а мебель взял из нашего отдела. Также воспитывал и своего сына: циничный, наглый. Бывало, придёт в наш отдел и прямо идёт в кабинет отца. Ему говоришь, что там заседание, нельзя входить (в то время я была секретарём начальника), а он отталкивает меня со словами: «У отца от меня нет секретов», открывает ногой дверь и входит. Однажды Сергей Павлович сделал мне за это замечание и… приказал пропускать к нему сына незамедлительно (в 1957 году после отъезда М.И. Зиберова в Прибалтийский округ Кузнецов назначен начальником нашего отдела). Однажды в ведомости на получение зарплаты у меня высчитали часть денег, и я поинтересовалась у коменданта, за что. Тот объяснил, что в отделе произвели инвентаризацию мебели, которую нам привезли с фабрики, кое-чего не хватает, а я за неё расписалась. Отвечаю, что мебель привёз майор Евгений Иванович Весёлкин, который оперативно обеспечивал штаб армии, а я расписалась как секретарь отдела. Пришла к

Кузнецову, рассказала, а он в ответ: «Вы расписались за получение мебели, вот и платите!» Весёлкин в это время был в отпуске, но зашёл в отдел. Я - к нему. Он выяснил, что не хватает шкафа и письменного стола, и спрашивает, была ли я у Кузнецова и что тот сказал. Весёлкин был очень честным человеком. Взял меня за руку и повёл в кабинет к Кузнецову. Вошли, и Евгений Иванович сразу с порога:

- Товарищ полковник! Шкаф и стол я завёз к вам на квартиру в Фили, когда вёз мебель в отдел.

- Ах, это! Я-то думал, что ты давно их списал.

- Как же я могу списать, когда только что получил их на фабрике?

- Скажи, чтобы переписали ведомость на зарплату. На этом всё и закончилось, даже извинения от Кузнецова не последовало. Вот такой политработник пришёл «на укрепление органов»!

Причём тут Фидель Кастро? Так в августе 1962 года Кузнецова направили к нему консультантом. Мы в отделе вздохнули с облегчением.

Но в декабре 1963 года мы сидим в кабинете заместителя начальника особого отдела Московского округа ПВО Ивана Яковлевича Галютина, проводим заседание партбюро, и раздаётся телефонный звонок. Галютин взял трубку и говорит: «Только не к нам! Только не к нам!» Оказывается, ему позвонили и сообщили, что из отдела кадров 3-го Управления [24] Фидель Кастро попросил убрать от него дурака Кузнецова, и кадры опять направляли его в наш отдел. Галютин сопротивлялся, но ему сказали, что раз в характеристике вы его расхвалили (была такая практика), чтобы избавиться, вот и расхлёбывайте.

12 декабря 1963 года Кузнецова назначили начальником особого отдела Главспецстроя, но уже в 1964 году перевели в Высшую школу КГБ. Однажды в День Победы он выступал перед курсантами со своими воспоминаниями о войне и упомянул об офицере Кузнецове, который вышел из окружения, обмотав себя знаменем полка. Один из курсантов спросил: «Так это Вы тот самый Кузнецов?» Сергей Павлович не подтвердил и не отрицал. А курсанты разнесли по всей Высшей школе, какой герой проходит у них службу. Тут уже заинтересовались кадровики, и оказалось, что Сергей Павлович никогда в том полку и не был. Его вскоре уволили, а на следующий год в День Победы я лично увидела Кузнецова по телевизору, выступающего перед школьниками. Посмеялась - такой не тонет. Вот иногда и такие люди попадали в органы «для укрепления».

В 1958 году сменивший Матвеева генерал Александр Васильевич Алексеев перевёл меня в Москву, так как аппарат особого отдела 1-й армии в то время выехал в посёлок Северный Балашихинского района. Мы ехали с Курского вокзала до станции Чёрное (раньше она называлась Обираловкой), там Лев Николаевич Толстой бросил под поезд Анну

[24] В ходе хрущёвских реформ был понижен статус ряда подразделений КГБ, в частности 3-е Главное управление реформировано в Управление. В 1982 году 3-е ГУ КГБ СССР восстановлено.

Каренину, к станции подавали армейский автобус, и нас довозили до штаба армии. В округе я проработала до марта 1981 года, когда была уволена по моей настоятельной просьбе. Последнее время перед уходом я работала в секретариате на приказах, кто-то из офицеров прозвал меня «лордом-хранителем печати», и когда приезжали офицеры из подчинённых органов, то и искали меня по отделу как лорда-хранителя печати. Кроме приказов у меня находилась печать, потому что начальник секретариата майор Иван Дмитриевич Изряднов почти всегда отсутствовал, был в разъездах.

Хорошо помню денежную реформу 1961 года, когда в деньгах зачеркнули один ноль и 100 рублей стали десяткой. Но цены ниже не стали, даже наоборот. В телефон-автомат вместо 15 копеек стали опускать две, а спички как стоили одну копейку, так и остались.

Многие наши офицеры побежали в Военторг купить коньяк, но там уже не оказалось ни одной бутылки. Продавец сказала, что всё закупил начальник Политуправления, член Военного совета округа генерал-полковник Николай Васильевич Петухов. Кстати, он присутствовал однажды у нас на партсобрании, и было видно, что ему неинтересно слушать офицеров, он спал. Этот политработник был совершенно безразличен к своим сослуживцам: после войны ни разу не пришёл на встречу с ветеранами, хотя его каждый год приглашали.

В 1962-1963 годах мои друзья, сёстры Антонина и Лидия Лаврентьевы, сняли дачу на станции Усово, я к ним приезжала. Рядом находились правительственный санаторий «Барвиха», дом отдыха ЦК партии и правительственные дачи. На прогулке встречали много знаменитостей, чаще всего актрису Людмилу Целиковскую с мужем и сыном, которые здесь же снимали дачу. Рядом на горе была дача Микояна, откуда всегда доносился запах шашлыка.

Добирались туда из Москвы по железнодорожной дороге. Однажды Лидия Николаевна в электричке услышала, что накануне в вагон вошёл Вячеслав Михайлович Молотов, который тогда был в опале. Все места в вагоне были заняты, но, видя входящего Вячеслава Николаевича, все встали и не сели до тех пор, пока он не присел; наступила тишина, перестали играть в карты и только слушали его, когда он отвечал на вопросы.

В 1964 году мы переехали в новый дом («хрущёвку») на Онежской улице - Химки-Ховрино. Мама вначале плакала, не представляла, как будет жить без соседей, но вскоре привыкла, радовалась, стала много отдыхать: днём я - на работе, Валера - в институте, Лена - в школе. Мама проводит нас и отдыхает, а в коммунальных квартирах, где мы жили раньше, то мыла посуду соседей, то смотрела за их маленькими детьми. Мне же ничего не давала делать, говорила, что я и мужик, и баба, что вся семья держится на моей шее. Как-то я помыла посуду после ужина, так она расплакалась: « Ты мне не доверяешь!», а я просто хотела ей помочь. Уже после её смерти я рассказывала об этом детям, и Лена говорит: «А я тебе доверяю». Но сейчас, когда я уже старше своей мамы, Лена по

вечерам меня к мытью посуды не допускает, всё готовит и моет сама. Хорошо, что мы стали жить в отдельных квартирах, но меньше стало общения с жильцами даже по лестничной площадке.

Помню, как в 1967 году пропагандистов собрали в Центральном клубе КГБ на Большой Лубянке. Как обычно, мы прослушали лекцию, объявили перерыв и попросили не расходиться. В буфете перекусили и вернулись в зал, смотрим; почти все места заполнены генералами, полковниками. На трибуну вышел секретарь ЦК КПСС Юрий Владимирович Андропов. Он подробно рассказал о своей предыдущей деятельности. Рядом со мной сидели два генерала, они иногда переговаривались друг с другом, предполагая, что Андропов будет следующим председателем КГБ СССР, поэтому, мол, и собрали весь руководящий состав. Так и произошло: через несколько дней в газетах сообщили, что Л. И. Брежнев подписал приказ о назначении Ю. В. Андропова председателем КГБ СССР. В тот день я познакомилась с Андроповым, видела Цвигуна, Цинёва, Федорчука. С Цвигуном встречалась, когда мы с Женей Петровой готовили и печатали на машинке его сценарий по роману «Мы вернёмся», были рады, что помогли выходу на экран его фильмов «Фронт без флангов», «Фронт за линией фронта» и «Фронт в тылу врага». Цинёва видела в здании Комитета, он уже плохо видел, с трудом ходил.

Беседы я проводила не только для наших офицеров, но и для солдат взвода охраны, водителей, и не только о литературе, но и об этике поведения. Об этом даже писала газета «На боевом посту», а однажды и фото поместили, где я провожу беседу. А как любили солдаты-водители ездить со мной на Лубянку! Однажды мы ехали по улице Куйбышева и увидели в машине, которая старалась нас обогнать, Алексея Николаевича Косыгина [25]. Я говорю шофёру, чтобы он пропустил ту машину, а он, не отрывая взгляд от Косыгина, едет и едет. Косыгин уже и рукой ему помахал - он ни в какую. Потом машина Косыгина свернула к ЦК партии, а нам наперерез выскочил офицер в форме ГАИ с криком: «Хотя бы девушку и машину пожалел!» Но наш водитель только и твердил: «Расскажу в деревне, что ехал рядом с Косыгиным, никто и не поверит!» Мы его еле успокоили, а я извинилась перед офицером.

Остановлюсь ещё на некоторых случаях, которые произошли со мной или на моих глазах. Вспоминаю похороны Никиты Сергеевича Хрущёва. На октябрьском пленуме ЦК КПСС в 1964 году его заставили уйти на пенсию по возрасту и состоянию здоровья, 14 октября в газетах сообщили, что удовлетворили его «просьбу» об уходе в отставку. Сразу же после октябрьского пленума Н.С. Хрущёв уехал на дачу, которую до него занимал В.М. Молотов, а в начале 1965 года Никиту Сергеевича попросили переехать на дачу Акулова, бывшего генерального прокурора СССР, расстрелянного в годы репрессии. Дача была классом ниже, но с большим земельным участком в посёлке Петрово-Дальнее, что удовлетворяло его как садовода-любителя. 11 сентября 1971 года Никита Сергеевич умер от сердечного приступа в больнице, и его жене передали, чтобы семья

[25]А. Н. Косыгин (1904-1980) - председатель Совета министров СССР в 1964-1980 годах.

хоронила его как «обычного гражданина». Газета «Правда» коротко сообщила о его смерти, но никакого некролога или указания о месте и времени похорон не было.

Рано утром 13 сентября в 3-е Управление КГБ был вызван начальник секретариата особого отдела Московского округа ПВО майор Вячеслав Анатольевич Перфилов, которого с группой сотрудников КГБ направили на Новодевичье кладбище. На следующий день он рассказал нам, что слышал и видел. Сергей Никитович добивался, чтобы отца похоронили со всеми почестями, но ему отказали, но выделили место на Новодевичьем кладбище. Ограду кладбища оцепили наряды милиции и сотрудники МВД-КГБ. На воротах висела табличка «Санитарный день», никого на кладбище не пропускали. Собрались только родственники Хрущёва, несколько близких людей и иностранные журналисты, советских не было. Ближайшие к кладбищу станции метро не выпускали пассажиров, даже поезда не останавливались, городской наземный транспорт не работал. У могилы выступили сын Сергей Никитович и два его близких друга. Всё прошло тихо и спокойно. Вскоре Нину Петровну Кухарчук, вдову Хрущёва, переселили в совминовский посёлок Жуковку, где она провела последние годы своей жизни и похоронена в одной ограде с мужем. Намогильный памятник Н.С. Хрущёв завещал сделать скульптору Эрнесту Неизвестному, которого сам же громил на выставке в Манеже. Памятник удался - в скульптуре отразилась противоречивая личность Хрущева: одна половина памятника светлая, другая тёмная. Экскурсии, проходящие по кладбищу, всегда останавливаются у этого памятника.

Несколько слов о вышеупомянутом Вячеславе Перфилове, который был назначен начальником секретариата после ухода на пенсию И.Д. Изряднова. Это был умный, немного резкий, но очень честный и трудолюбивый человек. По моему мнению, один из лучших начальников секретариата особого отдела округа. Он быстро изучил делопроизводство, с уважением относился ко всем сотрудникам, но и спрашивал с нас очень строго. Главное, был справедливым. В его рабочем кабинете на столе всегда стоял портрет И.В. Сталина. Как-то к Перфилову зашёл генерал-майор П.А. Соловьёв и сбросил этот портрет на пол, сказав, чтобы его больше здесь не было. Перфилов побелел, но отчётливо и громко сказал, что всю Великую Отечественную войну воевал с именем Сталина, вместе с ним советский народ победил, и этот портрет всегда будет стоять здесь. Соловьёв выскочил из кабинета, как ошпаренный, сказав потом кадровику, что это первый офицер, который его ослушался. А мы только тогда узнали, что у Перфилова рано умерла мама, воспитывал его отец, полковник Красной армии. В первые же дни войны они с отцом ушли на фронт, и всю войну Вячеслав Анатольевич прошёл, как сын полка.

К сожалению, проработал у нас Перфилов недолго. Все говорили, что Соловьёв не простит ему случай с портретом Сталина. Действительно, за какой-то проступок он был уволен, хотя все работники секретариата выступали за него.

Все сотрудники отдела и солдаты из взвода охраны много читали, а художественную литературу в те времена было очень сложно купить, несмотря на её стотысячные тиражи. В это время я случайно встретилась с Валентиной Степановной, с которой мы учились в 464-й школе, но она была моложе меня, окончила школу в 1941 году. Кстати, ещё в 1939-1940 годах она попросила переписать мои сочинения по литературе, но не возвратила их, объяснив, что её младшая сестра потеряла. Долгое время я её не видела, а в пятидесятые годы мы с ней встретились на улице. Она рассказала, что по окончании школы работала на заводе, где на станке потеряла палец на правой руке, и её направили на секретарскую работу в райком комсомола, откуда рекомендовали в ЦК партии в книжную экспедицию, где вскоре она стала заместителем начальника.

Она была замужем за Дмитрием Михайловичем Брежневым, который работал в Хозяйственном управлении ЦК партии. Валентина Степановна провела меня в книжную экспедицию, которая обслуживала только членов Политбюро, секретарей обкомов, крайкомов и работников ЦК. Сослуживцам она представила меня как близкую подругу, работавшую в органах, и меня беспрепятственно впускали в помещение. Там каждый месяц готовили список новой политической и художественной литературы. Надо было только отметить, что тебе нужно, указанные издания отбирали и направляли заказчику. Я смотрела эти списки и стала поставщиком книг для друзей и родственников. В семидесятые годы за книги приходилось платить в два раза больше, так как работники книжной экспедиции захотели сделать свой небольшой бизнес, ведь в магазинах в основном продавались труды классиков марксизма-ленинизма и писателей на колхозно-промышленные темы.

В 1960 году мой Валера поступил в Московский автомобильно-дорожный институт. В качестве подарка он попросил модные тогда пластинки джаза Армстронга. Я обратилась за помощью к Дмитрию Михайловичу, он договорился с фабрикой «Мелодия» и направил меня туда к директору. Когда пришла и сказала секретарю, что я от Брежнева, меня уже ждали. Вхожу в кабинет, за длинным столом сидит мужчина, который сразу приподнялся. Я даже испугалась, почувствовав, что он хочет приветствовать меня как человека от Леонида Ильича, и показала ему руками, чтобы он садился, так как я не от генсека, а от другого Брежнева. Он успокоился, вызвал секретаря и приказал, чтобы мне отобрали всё, что я попрошу. Когда я рассказывала Дмитрию Михайловичу, как всё произошло, он ответил: «Напрасно. Пусть бы он перед тобой подрожал!»

Жили Брежневы скромно. Но однажды прихожу к ним и вижу, что в серванте полно хрусталя. Оказывается, Дмитрий Михайлович был в Завидове на охоте Леонида Ильича, организовывал там стол для всей компании, и Брежнев после охоты и застолья приказал отдать всю посуду организатору встречи.

* * *

Хочу немного рассказать о моём муже - Михаиле Ивановиче Зиберове, то, что он сам говорил о своей жизни, а я запомнила. Правда, мы с ним очень редко беседовали о нашей прошлой жизни. Родился он 4 июня 1914 года в Донбассе, на шахте Капитальная Будённовского района. Отец его, Иван Васильевич, уроженец Орловской губернии, ещё в царское время выехал на заработки в Донбасс. Устроился работать на шахту, где во время взрыва потерял ногу, ходил на костылях, пережил оккупацию Донбасса фашистами и умер вскоре после освобождения. Мать его умерла году в 1958-1960, брат погиб на фронте. Михаил Иванович иногда вспоминал свою юность, когда на Украине был голод, на улицах валялись трупы. Он в это время учился на историческом факультете Ворошиловградского педагогического института; родители ничем не могли ему помочь, так как сами голодали. Михаил стал усиленно заниматься спортом, особенно много играл в футбол. Команда института часто завоёвывала первенство Украины, и его направили играть за «Шахтёр». Там немного подкармливали, они получали призы, однажды их даже привезли в Москву, где они побывали во многих музеях, на выставках. Институт окончил в 1937 году, преподавал историю в средней школе, а в 1939 году призван на военную службу, зачислен в УВД Сталинской (Донецкой) области.

С ноября 1941 года его служба была связана с авиацией: он был направлен в Ярославль, в особый отдел 147-й истребительной авиационной дивизии Московской зоны ПВО; с июля 1942-го - в особом отделе Московского военного округа; с марта 1943 года - начальник особого отдела 2-й авиационной дивизии особого назначения. Вспоминать о войне не любил, очень расстраивался. Но с 1980 года, перед Днём Победы, его каждый год стали приглашать в особый отдел Московского округа ПВО, где ему всё же пришлось выступать с воспоминаниями. Я этого не слышала, так как была уже на пенсии, но коллеги кое-что мне рассказывали.

2-я АДОН выполняла ответственные правительственные задания. Командиром был Виктор Георгиевич Грачёв, впоследствии генерал-лейтенант и Герой Советского Союза, которого все, кто там служил, обожали и называли себя грачёвцами. Особый отдел размещался на территории Центрального аэродрома, где каждую минуту совершали посадки и улетали на фронт самолёты, поэтому сотрудники отдела были на казарменном положении. Михаил Иванович рассказывал, что несколько раз на аэродроме задерживали диверсантов, которые как-то смогли оказаться в Москве.

В ноябре 1943 года несколько самолётов дивизии направили в Иран, где проводилась Тегеранская конференция. Верховный главнокомандующий И.В. Сталин, В.М. Молотов и К.Е. Ворошилов поездом доехали до Баку, а оттуда самолётом, который пилотировал тогда ещё полковник Грачёв, - в Тегеран. Дивизия обеспечивала конференции в Ялте и Потсдаме. Так как Сталин летал на самолёте Грачёва, то в феврале 1945 года в Ялте Михаилу Ивановичу было приказано не покидать его борт ни на минуту. Проверять его приходил сам Берия, который предупредил, что

если обнаружатся какие-то непорядки, то не поздоровится ни Зиберову, ни его семье. Михаил Иванович навсегда запомнил его колючий взгляд; в дивизии все знали, что Берия - человек грубый и мстительный.

В конце августа 1945 года под руководством Зиберова была проведена операция по аресту императора марионеточного государства Маньчжоу-Го - Пу И, японского ставленника. На аэродроме города Мукден он ожидал самолёт, который доставит его в Японию. Тут приземлился борт без опознавательных знаков, человек в лётном комбинезоне подошёл к Пу И, обратился по-японски, и император спокойно вошёл в самолёт, который немедленно поднялся в воздух. Через несколько минут приземлился японский самолёт, но было уже поздно. Пу И стал просить русское командование не выдавать его китайцам, пролил крокодилову слезу по поводу угнетённого состояния местного населения в период японской оккупации, написал письмо Сталину, выражая ему «искренние чувства благодарности и пожелания доброго здоровья». Потом он долго находился на подмосковной станции Павшино, в лагере военнопленных.

За отличное выполнение заданий правительства в 1943 году Михаил Иванович награждён двумя орденами Красной Звезды, в 1945-м - двумя орденами Отечественной войны I степени. Всего у него было 26 наград.

Каждый год 9 Мая ветераны 2-й авиационной Краснознамённой дивизии особого назначения встречались на территории Центрального аэродрома на Ленинградском проспекте. Всегда присутствовали Виктор Георгиевич Грачёв и его жена Юлия Павловна. Когда генерал приезжал на встречу, его выносили из машины на руках, несколько раз подбрасывали вверх, а Юлию Павловну возили на коляске, на которой она ездила после того, как сломала шейку бедра.

На своё семидесятилетие в 1977 году В.Г. Грачёв пригласил около ста ветеранов дивизии, в том числе и нас с Михаилом Ивановичем. В своём выступлении он говорил обо всех, которые помогали ему в работе в период Великой Отечественной войны. Когда назвал фамилию Зиберова, его попросили встать, и вместе с Михаилом Ивановичем поднялся весь зал, ему долго аплодировали. Потом многие подходили к Михаилу Ивановичу, благодарили за добро, которое он для них делал. Одна бывшая радистка плакала, рассказывая, как он спас её от трибунала, даже и мы прослезились! Я спросила у Михаила Ивановича, почему он об этом никогда не вспоминал, на что он ответил, что в этой дивизии было очень много молодых людей 18 лет, а то и меньше, так как подделывали паспорта, чтобы попасть на фронт. Если он кого-то выручал или «спасал», как они считают, то просто выполнял свой долг: беседовал с ними, и больше они ошибок не совершали.

Когда Зиберов увидел фото Анатолия Харитонова, то сказал, что не знает его, но лицо очень знакомое. Возможно, он часто видел его на Центральном аэродроме, когда Анатолий заправлял самолёт и улетал. Ведь все, кто летал через линию фронта, обязательно проходили через особый отдел.

Семь с половиной лет прослужил в дивизии Михаил Иванович и в августе 1950 года ушёл на повышение: сначала в 3-е Главное управление МГБ, а в ноябре 1951 года - заместителем начальника отдела контрразведки МГБ Московского района ПВО. Он всегда стремился к самостоятельной работе, и потому, когда в 1952 году стала создаваться 1-я армия особого назначения, его назначили туда начальником особого отдела.

Зиберов был очень добрым, чутким, доброжелательным человеком, одним из первых отзывался на все мероприятия, которые у нас проходили. Когда я проводила лекции по литературе, то Зиберов всегда сидел в первом ряду. Когда же приходилось собирать деньги на юбилеи или похороны, то просили меня обойти всех, начиная всегда с Зиберова. Он давал 25 рублей, другие руководители - по 15-20, а офицеры, в том числе и женщины, - по 10 рублей. Перед тем как поставить свою подпись в списке, каждый просматривал его, стараясь не отставать от других.

Не скажу точно, в каком году генерала Матвеева выдвинули кандидатом в депутаты районного Совета. В парторганизации создали группу доверенных лиц, председателем её был Зиберов, членами - я и следователь Юра Поляков. Мы получали задание от председателя, какие дома посетить, чтобы рассказывать биографию Александра Ивановича, одним словом, были агитаторами. Утром докладывали председателю о проделанной работе и получали задание на вечер. Наш кандидат А.И. Матвеев прошёл в депутаты единогласно!

Когда же на партийных собраниях выбирали президиум, то обычно Зиберов был председателем, а я - секретарём. Мне приходилось общаться с Михаилом Ивановичем по общественной работе, а по службе он часто доверял мне специальные задания по проверке лиц, рекомендованных в армию, зная, что я всё выполню в срок и никогда не подведу. Когда женщин демобилизовали, то многие офицеры перед партийным собранием подходили ко мне и просили, чтобы я выступила и сказала о недостатках в работе отдела, а сами выступать с критикой побаивались. И я выступала, доказывала что-то, а Зиберов сидел, опустив голову. Потом опомнилась: почему же мужчины молчат? И стала говорить им, чтобы выступали сами.

Впоследствии, когда я стала женой Михаила Ивановича, он сказал, что очень хотел уволить меня, чтобы не слышать моих мелких обвинений! «Но если б я уволил тебя тогда, то что бы без тебя сейчас делал?» - закончил он.

10 августа 1957 года Михаил Иванович стал начальником особого отдела Приволжского военного округа.

После моего развода с Александром Гречаниновым мы с Михаилом Ивановичем всегда старались быть вместе. Когда он служил в Куйбышеве, то прилетал в Москву чуть ли не каждое воскресенье и звонил мне каждый день по два-три раза по телефону на рабочий номер. Отпуск я проводила в Куйбышеве.

В 1963 году он вернулся в Москву. Был приказ председателя КГБ СССР: всем руководителям особых отделов округов сдать квартиру в Москве; тем, у кого дети учились в высшем учебном заведении, предлагали однокомнатную квартиру или комнату. Все руководители сдали квартиры, а жена Михаила Ивановича отказалась выезжать из квартиры на Садово-Триумфальной улице, дом 4/6 (ордер на неё подписывал В.С. Абакумов). Тогда Михаил Иванович написал рапорт о переводе его в Высшую школу КГБ, а примерно через месяц все руководители особых отделов округов получили генеральские звание, потом переводились в Москву и получали квартиры. Михаил Иванович всю оставшуюся жизнь переживал из-за этого. Я же смеялась и говорила, что он для меня - маршал.

В Высшей школе он стал начальником кафедры контрразведывательного факультета, но на этой должности надо было писать лекции, редактировать учебники, а он не любил писанину, как сам говорил, хотя у него был очень хороший слог, он отлично готовил документы и прекрасно рассказывал. Поэтому в декабре того же 1963 года он по собственному желанию уволился из органов и стал директором Московского института повышения квалификации руководящих работников и специалистов химической промышленности. О его работе на этой должности можно рассказывать очень и очень много.

11 сентября 1981 года у Михаила Ивановича случился инфаркт. Точно запомнила этот день потому, что 11 сентября - день рождения Ф.Э. Дзержинского. Мы с Леной привезли его в госпиталь КГБ, и он сказал врачу, что переработал: красил дачу своей дочери, никто ему не помогал, хотя там были дочь с мужем и взрослый сын. Но дочь не любила нанимать работников, считая, что никто лучше папы не может ни покрасить, ни сделать ремонт.

После госпиталя его направили на реабилитацию в санаторий «Кратово»; затем мы купили путёвки в Санаторий Минобороны «Архангельское», где вместе с друзьями встретили Новый 1982 год, а уже в феврале того же года поехали в санаторий «Семёновское» Ступинского района Московской области. После трёх санаториев Зиберов окреп и опять вышел на работу, но стал очень уставать, болеть, а потому вскоре вышел на пенсию.

13 апреля 1990 года (пятница, под Пасху) в 12 часов 35 минут Михаил Иванович умер. 17 апреля, согласно его воле, его похоронили в ограду первой жены на Химкинском кладбище.

* * *

Я уверена, если бы Анатолий Иванович не погиб, мы бы прожили с ним всю жизнь и, как он говорил, у нас было бы много-много детей. Мне до сих пор говорит Галя Шевелёва, что он сильно меня любил и жалел. Она часто вспоминает, как он любил танцевать и как крутил её в танце, говоря, что Нюрочку он жалеет, так как она - мать его сына и будущих детей, которых будет много-много. Как только у него было свободное

время, бежал ко мне. И я до сих пор всё помню и благодарю то время.

Александр Иванович Гречанинов тоже меня любил. Он хотел, чтобы я была хорошо, модно одета, и считал, что я самая красивая женщина из всех, кого он знал. Но, как говорят, его испортил квартирный вопрос.

Михаил Иванович Зиберов - необыкновенной души человек, интеллигентный, никогда не был навязчивым, никогда не показывал плохого настроения, не имел претензий к еде, всегда благодарил за всё, что бы я ни подала на стол. Он мог и посмеяться над кем-то, но по-доброму, без обид. А женщин называл только ласкательными именами: Эммочка, Зиночка, Валечка, Наденька, Ирочка, Галочка и т. д.

Ко мне плохо относилась его дочь Эмма, хотя я от всего, что было у него до меня, отказалась, и мы начали с ним жизнь с нуля - с вилки-ложки. И за совместную жизнь с ним всё приобрели, что было необходимо. Михаил Иванович был мудрым, добрым, всеми любимым человеком. После его смерти Эмма ко мне подобрела. Когда встречаемся, она меня крепко-крепко обнимает. Я однажды спросила, почему она не делала так при жизни папы, она ответила, что очень ревновала меня и Лену к нему. Я Михаилу Ивановичу несколько раз говорила, чтобы он в её присутствии был ко мне холоден, но он не мог и всегда называл меня Ляленькой, а Лену - маленькой Ляленькой. И я не помню, чтобы он громко о чём-то говорил, с кем-то спорил. Правду говорят: тому, кто заглядывал смерти в глаза, наши тревоги и заботы кажутся незначительными.

Михаил Иванович обеспечивал безопасность и моей семьи, и моих родственников. Когда он был жив, я никого и ничего не боялась, так как видела, как все окружающие его любят и уважают, а вместе с ним меня и моих близких, я всегда замечала внимательность, душевность, благожелательность с их стороны.

Актриса Людмила Марковна Гурченко, его соседка по этажу на Садово-Триумфальной улице, всегда говорила, что он - самый умный и добрый мужчина в том доме. Действительно, он не только производил впечатление доброго, надёжного, спокойного человека, но и был именно таким на самом деле. Недавно одна женщина, наш ветеран, вдруг спросила меня: «Почему Зиберов на тебе женился?» Я удивилась этому вопросу и спросила, в связи с чем он возник. Она пояснила: в отделе, мол, работало много одиноких женщин, без детей, а я уже была бабушкой. На это Михаил Иванович говорил: «Мне нужен твой характер!» Правда, я открытый, общительный человек с положительной энергетикой. У нас с ним никогда не было ссор. Жили, как говорят, душа в душу. С возрастом у него появилось много болезней, но он всё равно всегда старался помочь мне по дому. Бывало, рано утром в воскресенье иду на рынок или в магазин и, возвращаясь, вижу: кухня блестит, мойку вычистил, полы протёр. Как же легко было с ним жить! А он считал, что ему повезло со мной и последнюю половину жизни он был более счастлив, спокоен и свободен в своих действиях.

Я считаю, что в семье многое зависит от жены. Она должна

оставаться женщиной: умной советчицей, надёжной помощницей. Жёнам не надо брать на себя больше обязанностей и прав, чем есть у мужа, иначе можно самой превратиться в мужчину. Женщина должна быть терпеливой, способной прощать какие-то недостатки, не осложнять ситуацию. Как-то на днях мы разговаривали с Леной, вспоминая моих мужей, и она очень мудро сказала, что все они были хорошими, но ближе и роднее всех был Михаил Иванович, так как вся моя и их (детей) жизнь прошла с ним. Когда он рядом, чувствовалось спокойнее, а для меня он был ангелом-хранителем.

Как-то на моём дне рождения выступил Борис Васильевич Гераскин, сказав, что знал трёх моих мужей, и удивлялся, что я никогда ни на кого из них не жаловалась и со всеми жила дружно. Тогда же Надя Смирнова вспомнила, что как-то мы с Михаилом Ивановичем были у них в гостях, и все заметили, как он смотрел на меня влюблёнными глазами. Действительно, все они меня любили. Значит, я ничего плохого им не делала, а тоже любила, уважала, никогда не унижала, всегда старалась подчеркнуть их хорошие качества. Если же всё время ныть и думать о плохом, жалеть себя, то это плохое навалится и раздавит. Надо улыбаться даже через силу, но к старости это не всегда получается.

Подлинная любовь не может быть безответной; если всё-таки бывает любовь неудачной, то это от недостатка внимания к тому, кого любишь. Подлинная любовь, прежде всего, бывает внимательной. Кто обманывается в ком-нибудь, тот и другого обманывает. Надо делать ближнему хорошо, тогда и не пропадёт вера и надежда в человека, и ты всегда встретишь помощь. Так всегда делали в семье мои родители, своими поступками они воспитывали и детей. Я только и думаю, чтобы мои внуки и правнуки были счастливы и любимы в семье, но это более всего зависит от них.

Я много рассказала о Михаиле Ивановиче. А что говорит его имя? Оно еврейского происхождения: богоподобный, святитель, преподобный, праведный, благоверный князь. Знак Зодиака - Близнецы, по восточному календарю - Тигр.

Я не считаю свои браки неудачными: у меня двое детей, а ведь свои дети - самые лучшие. Конечно, это субъективное мнение, но и мои подруги говорят о моих детях только хорошее. Все решения они всегда принимали сами. Я никогда не вмешивалась в их личную жизнь: свадьбы, разводы, рождения детей - это полностью их самостоятельный выбор. К нашим советам они никогда и не прислушиваются, делают всё по-своему. Я осталась вдовой в 22 года с восьмимесячным сыном, мы вдвоём с мамой растили его, никто не помогал нам. Я очень благодарна маме, которая все свои силы отдала воспитанию моих детей; думаю, поэтому они такие хорошие.

Как уже отмечала, я всегда интересовалась литературой и искусством. Рассказывала Михаилу Ивановичу о новинках литературы, спектаклях, которые шли в Москве. Он любил театр, а книги читать не успевал, я рассказывала ему содержание той или другой книжки, а в

институте, где он работал, все считали, что из всех преподавателей он самый начитанный. Михаил Иванович знал, что я читаю лекции на литературные темы, и, когда на отдыхе в «Дубраве» послушал лекции тех, кто приходил из общества «Знание», сказал мне: «А ведь ты лучше и больше рассказываешь, давай выступать и здесь, в «Дубраве». Я заказала большие фотопортреты Есенина, Пушкина, Маяковского, Шаляпина и их окружения, и мои лекции пошли на ура. Собирался полный зал, слушали внимательно, и я часто слышала, как отдыхающие говорили: «Пойдём на лекцию Ираклия Андроникова» - так называли меня отдыхающие.

Ираклий Луарсабович Андроников, писатель и учёный, широко известен как великолепный мастер устного рассказа. Я в какой-то мере копировала его: ходила по сцене и рассказывала всё, что знала, демонстрировала фото. С задних рядов иногда кричали, что им плохо видно, тогда моя внучка Машенька брала фотографии и носила по рядам. После лекции мне всегда задавали множество вопросов, на которые я развёрнуто отвечала. И получалось, что мои лекции продолжались не как мы объявляли, «менее одного часа», а доходили до трёх часов. Михаил Иванович в это время ходил по фойе и переживал за меня, но всегда был рад, так как слышал только положительные отзывы о моих лекциях. Многие отдыхающие на следующий год приезжали только в то время, когда я там отдыхала. А мы с Михаилом Ивановичем ездили в «Дубраву» каждый год, в мае-июне.

После лекции ко мне подходили сотрудники и приглашали выступить у них в отделах. Так, я выступила в детском отделении поликлиники № 2, ХОЗУ, Управлении кадров, 2-м Главном управлении КГБ СССР. Библиотекарь дома отдыха «Дубрава» даже просила меня продать ей мои лекции, но я была ещё полна сил и желала рассказывать сама. Читала однажды о Есенине и в доме отдыха «Москвич».

Примерно с 1982 года мы с Михаилом Ивановичем, кроме дома отдыха «Дубрава», ездили также в санаторий Министерства обороны «Архангельское», где я тоже выступала. По всем корпусам санатория были развешаны объявления о моих лекциях, и получалось как-то очень торжественно. Выступала в помещении библиотеки. Слушателями были почти одни мужчины пожилого возраста. И как же они внимательно слушали! Бывало, Михаил Иванович выйдет вечером погулять (я или задерживалась, или оставалась в номере почитать), к нему подходили отдыхающие и интересовались мной, а он, смеясь, говорил мне потом: «Не могу понять, выходит, что здесь главный не я, а ты. Я только муж лектора, а не ты жена полковника».

Когда Михаила Ивановича не стало, за мной однажды прислали из «Архангельского» машину. Мы ездили с Машенькой, и я читала там лекцию. А потом внезапно умерла библиотекарь, и больше я там уже не появлялась.

Читала я лекции и по месту жительства, в Большом Тишинском переулке, а затем всё закончилось: переехали в другую квартиру, было тесно, мебели и вещей много, я собрала все свои лекции, записи и отдала

Маше для передачи в колледж, где она училась. Маша рассказала мне, как набросились на всё это преподаватели, моментально разобрали, некоторые фото повесили на стенах кабинетов. Откровенно говоря, сейчас очень жалею, а тогда думала: пусть об этом знают преподаватели и ученики, а моим ребятам, как они сказали, не надо, они всё слышали от меня. А ведь когда-нибудь и внукам пригодились бы! Материалы для своих лекций я собирала с 1939 года - со дня поступления в институт.

* * *

Я считала, что со смертью Михаила Ивановича закончилась и моя жизнь, тем более мы всегда говорили, что умрём вместе. Но вот уже прошёл 21 год, а я живу. Живу, может быть, потому, что у меня двое детей, сын и дочь, на которых я всегда могу опереться и знаю, что они всегда помогут. Самое большое достижение в жизни - материнство. Мой сын Валерий Анатольевич Харитонов в 1965 году окончил Московский автомобильно-дорожный институт (факультет аэродромного строительства) и был направлен в Мурманский авиаотряд в Килп-Явр - небольшой посёлок и военный аэродром, на котором принимали также самолёты гражданской авиации. Через несколько лет Валера вернулся в Москву, стал работать в «Союздорпроекте», проектирует съезды с дорог и дорожные развязки. Ко мне Валера относится очень нежно, можно сказать трепетно, каждый день звонит по телефону, навещает два-три раза в месяц. Да и я по нему скучаю.

Вспоминаю: Валере было пять-шесть лет, что-то натворил, и я нашлёпала его по попе. Сама расплакалась, и так горько плакала, что он прижался ко мне, обнял и утешал: «Мамочка, не плачь, мне совсем не больно!» А мне было стыдно за мой поступок. Я давно поняла: если хочешь сохранить ребёнка в семье, не надо ругать его в детстве, нельзя бить, а обязательно как можно больше ласкать. Лет пять тому назад его жена Марина сказала мне: «Спасибо вам за Валеру». Так обрадовала меня этими словами, что я даже прослезилась. Его дочь Маша (от первого брака) - умная, хорошая девушка, работает в фирме. Меня радуют отношения Валеры с сыновьями. Они любят и уважают друг друга.

Валерий, Валерьян с латинского языка - бодрый, крепкий, но мученик. Живёт по пословице: «Поспешай медленно». В молодости доставляет себе немало проблем новыми различными увлечениями. Аналитический склад ума Валерьяна - хорошая основа для успешной карьеры при условии, что он не будет отвлекаться на мелочи и вдохновляться неожиданными, не всегда плодотворными идеями. С течением времени его всё меньше волнуют общечеловеческие проблемы и всё больше - собственный комфорт, его принципом становится «не усложнять жизнь». По восточному гороскопу Валера - Овца (Коза), по знаку Зодиака - Дева.

Марина - Тигр, Стрелец. С латинского языка - морская, мученица, преподобная. Как правило, высокого мнения о самой себе. Все Марины умеют подчинять эмоции голосу рассудка, так что всё, что касается их личной судьбы, они совершают обдуманно, расчётливо; это относится и к

работе, и к замужеству. Чувство собственного достоинства для неё всё же важнее всех благ и богатств. Из всего Марина старается извлечь выгоду. Домашнее хозяйство не её стихия: ей необходимо вращаться среди людей.

У Валеры два сына: Дмитрий и Аркадий. Дмитрий - Петух, Близнецы. В этом имени - энергия пружины, которая, кажется, способна сжиматься сколь угодно долго, пока вдруг неожиданно не выстрелит. Тогда на первый план выходит импульсивность и взрывоопасность характера. Дмитрий часто бывает несдержанным в разговоре, но после конфликта обычно быстро отходит, успокаивается и едва ли будет таить злобу. В совместных делах он нередко ставит на первое место не выгоду, а доверительные и дружеские отношения. Может работать за троих и никогда не подведёт. На 60-летие подарил отцу видео; когда я сказала, что это дорого, ответил: «Для такого отца ничего не жалко!» Дмитрий женат, четверо детей. Жена Наталья - Крыса, Рыбы. С латинского - природная мученица. Самолюбие является её движущей силой: всегда стремится к успеху и добивается его своим трудом. Как все самолюбивые люди, нуждается в похвале. В то же время Натальи злопамятны и вспыльчивы. Аналитический склад ума берёт верх над богатыми эмоциями, женщины с таким именем самостоятельны и решительны. Сын Димы и Наташи - Марик (Марк). Никто из правнуков никогда так не встречал меня, как Марик: тянет ко мне ручонки, пальчиками поглаживает лицо. Плохо, что я очень редко вижу его.

Младший сын Валерия - Аркадий, маменькин сынок, весь под её влиянием. Аркадий - Бык, Близнецы. В переводе с греческого - преподобный, очень влюбчивый, легко поддаётся влиянию со стороны окружающих. Его жена Мария - Кабан (Свинья), Весы. Имя древнегреческого происхождения; обладает твёрдым характером, чувством собственного достоинства. У них двое детей: сын и дочь.

Моя дочь Елена Александровна родилась 28 августа 1952 года, и когда моя мама пришла в роддом, ей сказали, что все люди, рождающиеся в этот день, бывают счастливыми. 28 августа - праздник Успения Пресвятой Богородицы, её вознесения на небо. Богородица не умерла и, телесно оставив мир, не перестаёт ходатайствовать за него перед своим сыном.

Лена работала сначала в КГБ СССР, затем в ФСБ России и 28 августа 2007 года вышла на пенсию. Вышла замуж 12 апреля 1978 года, в День космонавтики. Её муж - Лев Васильевич Верин (1950 г.р.), Лена была влюблена в него ещё в детстве. У них двое детей: Саша и Маша. У меня душа радуется, что у них такая чистая любовь, полное взаимопонимание и уважение. У Лены личная жизнь сложилась с раннего возраста, и она считает, что у неё счастливая жизнь.

В семейных отношениях должны быть мудрость и уверенность в своём мужчине. Жена должна гордиться своим мужем. Если это есть, то будет и преданность, верность, обожание и любовь. Самое страшное в семье, когда жена начинает командовать. Но это миновало и меня, и

Лену, которая уже отметила тридцатилетие своей свадьбы, и Валеру с Мариной, которые женаты более двадцати лет. Чем больше любишь мужа, тем богаче становишься. Как говорили хасидские мудрецы, создать хорошую семью не легче, чем создать вселенную.

У Лены и Лёвы - хорошие дети, я вижу, что во многом они советуются с родителями, хотя слишком самостоятельные и поступают по-своему. Мой внук Саша - офицер ФСБ России, награждён медалью «За отвагу», а его жена Светлана работает в МВД. Внучка Маша тоже служит в ФСБ.

Что означают их имена? Елена - Дракон, Дева. С греческого языка - светлая, сияющая, праведная. Елена - символ вечной женственности. Она как бы лишена возраста. В юности её занимают «взрослые женские» проблемы, а в старости она продолжает ощущать себя такой же юной, как в давние годы. Но она способна проявить гибкость ума, если речь идёт о достижении цели, которую она перед собой поставила. В поведении Елены внимательный человек может уловить некоторую напряжённость. Иногда это выражается в сдержанности Елены, бывает же и наоборот, когда это не совсем понятно ей самой: возбуждение заставляет Лену держаться несколько вызывающе, как будто она только и ждёт нападок со стороны окружающих. Лены сильно подвержены сменам настроения, которое руководит ими и в быту, и в труде. Принципиальны, с чувством гиперответственности. Это, как правило, отличные работники, поскольку быть иными им просто не позволяет чувство гордости. Елены - заботливые матери и жёны. В общении с Еленой никогда не следует забывать, что, какова бы ни была её маска, за ней скрывается ранимая и тонко чувствующая душа. Встретив своего единственного, пожертвует всем ради любви. Ценит мир и покой.

Лев - святитель, преподобный, царственный. Тигр, Рак.

Александр - защитник людей, греческое имя. Трезвомыслящий, прямолинейный, но добрый и лёгкий в общении. У Александра не очень крепкое здоровье, особенно много болеет в детстве. Александры бывают неплохими руководителями.

Светлана - имя славянского происхождения, от слова «светлая». Она любит очаровывать. Обычно очень высокого мнения о самой себе, что не всегда соответствует истине. Но самомнение помогает Светлане добиться успехов. Светлана поздно выходит замуж. Не сразу находит призвание, но приспосабливается и в целом довольна избранной профессией.

Мария - госпожа, имя древнееврейского происхождения. В нём странным образом строгость сочетается с сердечностью. Маша обычно отличается заметной подвижностью, не лишена чувства юмора, но при этом в глубине её души может постепенно вызревать значительная страстность, которую она, скорее всего, будет стараться скрыть от окружающих. Часто её чувственность находит своё отражение в любви. Она умеет представить себя на месте другого, прожить всем сердцем чужую радость или беду и сделать всё, что зависит от неё, ради благополучия родного человека, друга или просто знакомого. В ней остро

развиты чувства сострадания, самопожертвования. Маши обладают твёрдым характером, чувством собственного достоинства.

Заключение

Пережитое навсегда остаётся с нами. Время отсеивает второстепенное и мелкое, а главное видится ещё острее. Близких людей не так много, но тех, кого я люблю и уважаю, немало, и это в радость. Возможно, были когда-то обиды, но всё забылось, и в памяти остаётся только хорошее. В жизни каждый отвечает за себя, и судить других мы не имеем права. Если же я могу кому-то помочь, то в этом вижу смысл своего существования.

Из-за секретности участниками Великой Отечественной войны нас признали только в 1992 году на основании соответствующих директив начальника Генштаба и приказа министра безопасности. Удостоверение участника войны я получила 15 октября 1993 года - после 48-й годовщины Победы.

Даже сейчас я рассказываю о той своей работе с упоением. Я была влюблена в неё и вообще уверена, что военные контрразведчики - и наши смершевцы, и те, с кем я служила в особом отделе Московского округа ПВО, и сегодняшние сотрудники 3-го Департамента ФСБ России – это самые лучшие люди! В песне поётся «Мне часто снятся те ребята…», вот и мне никогда не забыть Вадима Казанского, самого интеллигентного сотрудника в нашем отделении, Луку Лукашёва и других, я уже не говорю о руководстве: Викторе Семёновиче Абакумове, Леониде Максимовиче Збраилове, Алексее Васильевиче Миусове, Александре Васильевиче Соколове, Иване Фёдоровиче Зернове, всех тех, чьи имена бережно сохранены в моей памяти.

Прошлого не вернуть, да и не надо. Мы работали не ради славы, а ради жизни на земле. Но жизнь - это не только работа. Это дом, семья, дети, внуки, да ещё приходит такая мысль, что надо бы просто пожить спокойно. Хотя покой нам всё равно только снится. Я уволилась из Управления в начале 1980 года, но связь со своими коллегами не теряла: проводила беседы, а в 1993 году меня избрали секретарём Совета ветеранов особого отдела Московского округа ПВО. В тот год мы впервые провели большую встречу на День Победы. Для этого пересмотрели все архивные карточки на ветеранов - участников Великой Отечественной войны, проживающих в Москве и ближнем Подмосковье. Ветеранов собралось много, и сколько радости было у наших стариков, уволенных в 1950-1960-е годы и затем ни разу не встречавшихся в таком составе. Каждый старался рассказать о своей жизни после увольнения, вспоминали молодость, войну. Только и слышалось: «А помнишь?..»

С того времени стали приглашать ветеранов не только на все праздничные мероприятия, но и на лекции, которые устраивал Совет ветеранов ДВКР, на экскурсии и концерты, не забывали сделать подарок к юбилею. Но и ветераны по мере сил и возможностей не остаются в долгу:

выступают перед школьниками на День защитника Отечества и День Победы, принимают участие в создании школьных Музеев боевой славы. Недаром же каждый год на итоговом собрании председатель Совета ветеранов ДВКР ФСБ России называет нашу ветеранскую организацию одной из лучших. Думаю, в том есть и некоторая моя заслуга, потому что фактически всё время отдаю ветеранам. Помню, наверное, всех, не зря же генерал Владимир Иванович Широков назвал меня «живой легендой».

В 2010 году я поздравила с днём рождения Сергея Ивановича Соловьёва, проживающего в Клину (ему исполнилось 96 лет). Вспомнили с ним 1950-1960-е годы, когда создавалась 1-я армия особого назначения, и я сказала, что это было в годы нашей молодости, на что он ответил: «А разве мы старые?» Хотя от его родственников я знаю, что у него ухудшились память и зрение, но голос остался таким же звонким, и он действительно до сих пор считает себя молодым. А ведь самое главное - это состояние души, когда не желаешь никому зла, а несёшь только радость и уважение. Я поняла, что если работать всю жизнь, то не будет страшна и старость. И голос тогда звучит лучше, и я буду более жизнерадостна, энергична - чуть ли не как в молодости. Каждый возраст имеет свои прелести, и его надо нести с достоинством. Всегда необходимо быть в хорошем расположении духа, даже если на душе кошки скребут. Не следует давать себе расслабляться, надо улыбаться, чтобы в глазах был блеск. Зависть, злоба, жестокость обязательно отражаются на лице - появляются морщины, а Марк Твен сказал: «Морщины должны быть следами прошлых улыбок».

Так что я до последних дней жизни буду помнить о своей работе и наших ветеранах. Хотя многих из них уже нет, но я всё равно их помню, звоню вдовам, и как же они рады, когда вспоминаю их мужей, которые оставили о себе хорошую память в нашем Управлении!

Жизнь - это бесценный дар. Её можно ругать, принимать или нет, но главное - жить. Нужно понимать, что есть и прелести, и тяготы, и трагедии, а время всё расставит по своим местам. Жизнь требует, чтобы её прожили, ты уже потом разберёшься, что действительно было хорошо, а что плохо.

Сорок лет я проработала в военной контрразведке. Видела больше хорошего, чем плохого. Мне уже много лет, поэтому, вспоминая плохое, иногда даже плачу. Но стоит ли сейчас расстраиваться из-за этого? Я всю жизнь много и честно работала, никому не делала зла, не ставила подножки и до сих пор стараюсь жить в мире и согласии с окружающими. Плохие поступки всегда возвращаются к человеку бумерангом, кстати, как и хорошие.

Я благодарна жизни за всё, что у меня было, за все уроки, которые она мне преподала. Я человек мягкий, неконфликтный, стараюсь помочь всем. А когда кому-то оказываешь искреннюю помощь и поддержку, то и сама душевно обогащаешься. И если вы хотите долго жить, то не держите в себе обид. Мне помогает то, что я незлопамятна и всё плохое просто вычеркнула из своей жизни, простила всех, кто обо мне злословил.

Человека, сделавшего мне плохо, прощаю с лёгкостью (думаю, это качество перешло мне по наследству от родителей). Никогда никому не завидовала, потому что когда человек завидует, он страдает. И я поняла, что хороших людей и добра на свете больше, чем негатива. Добро и зло существовали всегда, борьба между ними вечна, а главное оружие против зла - наша доброта и любовь. Может быть, именно это осознание делает меня счастливым человеком.

Я желаю вам, мои дорогие и любимые дети, внуки, племянники, и вашим семьям не терять надежду и веру и оставаться добрыми, милыми, радушными людьми, чтобы вы почаще улыбались, радовались каждой минуте прожитой жизни! Сохраняйте свою семью, ведь это не купишь ни за какие деньги. Недаром же император Александр III говорил: «Семья - основа всякого государства». Семья - это твой тыл, и если ты знаешь, что тебя дома ждут, любят, уважают, то ты спокоен и счастлив.

А счастье - это то, что у тебя в жизни было. Всё самое хорошее у меня уже состоялось: отец, мама, детство, друзья, школа, институт, рождение детей, моя любимая работа. И всё-таки самый любимый и близкий мне человек - мама, наша, как звали её, святая Матрона. Иконы с изображением святой Матроны Московской у нас считаются семейными, и я знаю, что сбываются многие её пророчества. Сбылось и последнее, предсмертное: «На могилку мою мало будет ходить людей, только близкие, а когда и они умрут, запустеет моя могилка, разве изредка кто придёт. Но через много лет люди узнают про меня и пойдут толпами за помощью в своих горестях и с просьбами помолиться за них Господу Богу, и я всем буду помогать и всех услышу». Когда умирает человек - это трагедия. Но если его помнят, то он не умер.

Ещё скажу, что Москва - мой родной город, она для меня - всё, и плевать на её загазованность и пыль, меня всегда влекло к Москве, к моей Абельмановской заставе.

На этом хочу закончить свои воспоминания, хотя, к сожалению, очень многого так и не рассказала. Я ближусь к финалу и знаю, что сделала всё, что было возможно, так что могу спокойно и достойно уходить.

Что пожелать вам, мои дорогие дети, внуки, родственники? Много оптимизма, хорошего настроения, никогда не унывать, побольше терпения, крепкого здоровья, чтобы добро и тепло были в каждом вашем доме. Человек будет счастлив, когда его существование на Земле кого-то радует.

Простите, если я кого-то вольно или невольно обидела!